

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 6 (45)

июнь, 2020

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Время летит быстро, казалось бы, только вчера проходили торжества, посвящённые 220-летию Александра Пушкина, и вот уже вновь вашему вниманию представлен июньский номер литературно-исторического журнала «Александръ». Традиционно «пушкинский» номер погружает нас в прекрасный мир поэзии, и именно этому искусству отдана большая часть страниц летнего «Александра».

Особую благодарность хотелось бы выразить большому другу нашего издания Геннадию Иванову, поделившемуся на «александровских» страницах с читателями своими мыслями и замечательными стихами.

Хотелось бы отметить, что журнал выходит в том числе благодаря неравнодушным людям, таким как Валентина Дорожкина (Тамбов), Владимир Герасимов (Тюмень), которые не только присылают свои произведения, но и помогают другим писателям находить наше издание, а для вас, дорогие читатели, открывают новых авторов.

Обращаем также ваше внимание на смену адреса редакции «Александра»: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, д. 13, Союз писателей России. Уверен, что это поможет быть ближе к вам, уважаемые читатели.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Июнь – пушкинский месяц. 6 июня – день рождения Александра Сергеевича. Во многих городах и весях проводятся поэтические праздники в честь нашего великого поэта. Не говоря уже о Михайловском на псковской земле, о Болдине на нижегородской, о Бернове на тверской...

Так что прежде всего я поздравляю наших дорогих читателей журнала «Александръ» с днём рождения Поэта!

Как хорошо, что у нас в России есть журнал, названный его именем. На память сразу приходит есенинское: «О, Александр! Ты был повеса, / Как я сегодня хулиган».

Приходить-то приходит, но хочется и возразить немного. Не был Пушкин повесой, то есть молодым человеком, ведущим легкомысленный образ жизни. Он был лёгким, да. Вдохновенным, да. Мысли его не были легковесными, но были уже в юности, даже в отрочестве, высокими и содержательными. Вот в 1814 году он пишет стихотворение «Воспоминания в Царском Селе». О Москве, пережившей нашествие Наполеона, пожар, разруху: «Утешься, мать градов России, / Воззри на гибель пришлеца. / Отяготела днесь на их надменны выи / Десница мстящая Творца. / Взгляни: они бегут, озреться не дерзают, / Их кровь не престаёт в снегах реками течь; / Бегут – и в тьме ночной их глад и смерть сретают, / А с тыла гонит русский меч».

Пишет ещё поэтическим языком восемнадцатого века. Не тем ещё пушкинским языком, который мы знаем и который стал образцом русского литературного языка. Но мысли самые актуальные, самые патриотические. Потом будет пророческое «Клеветникам России», но дух его уже чувствуется в этом юношеском стихотворении о войне 1812 года.

В 1999 году, к 200-летию Александра Сергеевича, я составил книгу «Венок Пушкину». В ней и стихи, и статьи о Пушкине, и ещё анкета. Вот что ответил Валентин Григорьевич Распутин на вопрос «Как вы теперь, в конце XX века, воспринимаете Пушкина?»: «Мы, писатели, все из царского рода Пушкина. Из рода, теперь уже захиревшего, потерявшего благородство, но на гербе которого всё те же слова Александра Сергеевича: "Клянусь честью, что ни за что на свете не хотел бы я переменить Отечество или иметь другую историю...". Пушкин – мера русского таланта и русской души. Удастся ли когда-либо эту меру уложить без остатка в нового гения, трудно сказать. Но уже то, что у нас гений такого масштаба и такой красоты был, значит чрезвычайно много как для прошлого, так и для настоящего. С явлением Пушкина Россия была приподнята над уровнем духовности самых культурных европейских стран и не осела ниже их до сих пор».

Геннадий ИВАНОВ,
Первый секретарь Союза писателей России

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 6 (45), июнь 2020 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.06.2020 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13 «Союз писателей России».

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в

АО «Издательский дом «Мичуринск»,

393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск,

ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

- 6** Геннадий Иванов.
Я человек деревенский...

КОНКУРС ПОЭЗИИ

- 12** Владимир Кузнецов.
Посвящения детям, Пушкину,
России

ТЕМА НОМЕРА

- 19** Николай Переяслов.
10 секунд мудрости

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 21** Александр Орлов

ДУХОВНЫЕ ЗЁРНА

- 25** Татьяна Никитина.
Игоревская икона Божией Матери

ЮБИЛЕЙ

- 28** Виктор Семенов.
Встречи с Михаилом Шолоховым
- 39** Валентина Дорожкина.
«Моя вторая Родина – Тамбов...»

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

- 42** Зинаида Королёва.
Пылинки войны

ФЕЛЬЕТОН

- Валерий Седых.
- 49** Шпиц
- 51** Попка-дурак
- 53** Депрессия

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 55** Александр Рудт.
Смотреть и видеть
- 59** Олег Бобров.
Русская планида

ПОБЕДЕ — 75

- 63** Вадим Кулинченко.
Герои минувших сражений

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

- 65** Валерий Румянцев.
Куда ж нам плыть?..

ГЕРОИ ПОБЕДЫ

- 70** Валентина Черемисина.
Девушки стреляют без промаха

ЖИТЕЙСКОЕ

- 74** Александр Сёмин.
День гранёного стакана
- 77** Владимир Серяков.
Колумба

УВЛЕЧЕНИЕ

- 85** Михаил Бочаров.
«Лейка» Нетужилина

ПОЭТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

- 88** Людмила Сизова
- 89** Дина Бабайцева
- 89** Мария Быкова
- 90** Алевтина Василенко
- 90** Валентина Хрипякова
- 91** Елена Аверочкина

ЧИТАЕМ ДЕТЯМ

- Наталия Баранова.
- 92** Радость трёх поколений
- 93** Восьмой грех

ДРУЗЬЯ «АЛЕКСАНДРА»

- 95** Наследники ветеранов

Я ЧЕЛОВЕК ДЕРЕВЕНСКИЙ...

Я человек деревенский, хотя жил непосредственно в деревне только с рождения и до 10 лет. Потом были города. Но всё равно я чувствую себя всю жизнь человеком деревенским. Потому что все мои предки были крестьянами, потому что всю жизнь ездил в деревню на каникулы, потом в отпуска, да и просто туда всегда тянуло и тянет.

Но я не деревенский фундаменталист. Я понимаю, что и города, и посёлки – это всё человеку надо, и даже понимаю, чем ему там хорошо. А ещё больше я понимаю, что вообще полного и постоянного счастья нет нигде на земле, что всё-таки человек сюда брошен, как раньше говорили, в юдоль страданий... Но чаще всего и полнее всего я бываю счастлив именно в деревне. Именно здесь мне чаще всего хочется сказать: «Остановись, мгновенье...»

Вот я стою осенней ночью под звёздами. Небо такое зернистое, ясное. Такое ясное, как может быть взгляд Бога. И кажется, что общаться с таким небом имеет право только святой человек. А я грешный. Но здесь, в деревне, и мне, грешному, открывается небесное чудо во всей своей чистоте. Разве такое небо вижу я ночью с московского балкона?..

А утром солнышко так сияет на жёлтых берёзах, будто завезли сюда и включили мощные светоустановки и начинается посреди деревни съёмка буколических кадров какого-то фильма.

Я иду за клюквой на болото и за пять часов набираю десятилитровое ведро. Под конец, конечно, устаю, пальцы с непривычки сводит, начинает покачивать меня, и бархатные кочки кажутся морскими волнами... Но потом придёшь в натопленную избу, поешь, напьёшься

чаю – и блаженно вспомнишь разноцветье мхов: жёлтые, багряные, бордовые, коричневые, вишнёвые пятна... Серебристый блеск сухих стволов болотных сосенок... Вспомнишь какую-то безграничную, нет, не тишину, а предельную удалённость от накатанной колеи жизни. Кажется, походи так три дня по болоту, и отпадёт вся прежняя жизнь, и можешь начинать всё с чистого листа, и никакого сожаления не будет ни о чём прежнем. Болото излучает, источает забвение, и тебя обволакивает, пронизывает этим глубоким забвением.

Но я не хочу забвения.

Пусть всё будет как было и как есть.

Хотя насчёт будущего приходит, приходит теперь нередко мыслишка, что ничего нового уже не увидишь в жизни, не узнаешь – будут всё так же сменять друг друга времена года, которых всего-то четыре, и известные человеческие страсти будут так же полнить мир... И – ничего нового, по сути. Ведь и то, что любишь, уже не удивляет, а только, может быть, утешает. Да и то не всегда. Вот и в деревне, особенно осенью или зимой, три-четыре дня побудешь, и хочется уехать отсюда.

Так что, может быть, и стоило бы дойти до полного забвения и вернуться в мир как бы внове. И удивляться всему, и радоваться. И снова делать открытия...

Но всё же есть какая-то ценность в прожитом, жалко, да и вообще нельзя от него избавляться. Какой-то голос подсказывает, что наступает возраст не радостей и открытий, а терпения, мужества, покаяния, верности...

У меня было золотое деревенское детство. Это мой золотой корень. Как же можно потом жить без него? Так что забвения не будет.

...Вон мужик выкопал яму в огороде и высыпал в неё две корзины прекрасной моркови, завалил землёй. Весной он её достанет как новенькую – так она сохранится под землёй да под снегом, что будет свежее свежей, и сочной, и хрустящей, и вкусной. Так же и чувства мои – пусть терпят под спудом печали и обыденности, пройдёт эта зима уныния и наступит снова «половодье чувств».

Такие мысли приходили мне в деревне в эти осенние дни. В другой раз придут другие. Главное, чтоб до конца дней своих была у меня возможность приезжать на родину не как на пепелище, а в деревню, даже в несколько деревень, как я приезжаю сейчас – к родным людям и добрым старым знакомым. А с унынием как-то разберёмся. **А**

ГЕННАДИЙ ИВАНОВ

Родился в 1950 году в городе Бежецке Тверской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал редактором, заведующим редакцией, заместителем главного редактора в издательствах «Современник», «Художественная литература», «Вече». В 1999 году был главным редактором – составителем пушкинского «Дня поэзии». Автор поэтических книг «На высоком холме», «Любовью живы», «Утро памяти», «Берега» и других. Стихи публиковались в газетах и журналах «Москва», «Наш современник», «Октябрь», «Смена», «Родная Ладога», «Нижний Новгород», «Подъём», в альманахах, в том числе в «Дне поэзии». Лауреат Большой литературной премии России, Всероссийской литературной премии имени Ф. И. Тютчева «Русский путь» и многих других. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством».

Первый секретарь Союза писателей России. Живёт в Москве.

Геннадий ИВАНОВ

* * *

Листья падают сами собой,
Так легко, как созревшие строки.
И созрел небосклон голубой,
И созрели для треска сороки...

Осень ходит хозяйкой родной.
Как-то всё по-домашнему ладно.
И сарай деревянный сенной
Нынче выглядит как-то парадно.

И последние избы как рай!
Огородов последних щедроты...
Вот ещё бы вдохнуть в этот край
Государевой доброй заботы.

СТРАННИК

Открылись двери – женщина вошла,
Она сказала медленно и просто:
«Живи любя, живи не помня зла.
Живи, чем жив, до самого погоста».

Никто не знал, что совершалось там,
В душе, какие открывались дали.
А ветер за окном ветлу качал,
Скрипел колодец, лошадь запрягали.
Он всё любил, что встретилось в пути:
Свет городов, селения во мраке...
Хотя не знал, куда ему идти,
На тот ли путь он силы свои тратил.
Но он всё шёл как бы на некий свет,
И шли пред ним огни, вагоны, лица...
Он счастлив был – и через много лет
Он не хотел нигде остановиться.

* * *

Россия с нами говорит пейзажем,
Пушистыми сугробами, ручьями...
А мы стихами ей сегодня скажем,
Что любим её в радости, в печали.

Мы любим её реки и просторы,
Мы любим её песни и заветы,
Мы слышим её тихие укоры,
Мы видим все печальные приметы...

Прости, Россия, слабых сыновей,
Но есть сыны достойные вовеки.
Мы что-то значим лишь в судьбе твоей,
Любя твои поля, просторы, реки...

ВЕТЕРАН

Русланову слушает старый солдат,
И вольно в душе, как в долине.
Да, он консерватор, и он ретроград,
Но был в сорок пятом в Берлине.

И песня, как ветер, летит сквозь года
Из дали поверженной прусской –
Русланова пела в Рейхстаге тогда
С великою удалью русской.

Шумите, витии, не знавшие бед,
В герои себя возводите.
Не знали ни бед, ни великих побед,
Что вам остаётся – шумите.

* * *

И всё же за нас умирали
В Отечественную войну.
За нас в самолётах сгорали,
За нас пропадали в плену.

Вставал из цепи кто-то первым
И падал –
Совсем не за тем,
Чтоб мы на великие жертвы
Ответствовали: «А зачем?»

* * *

Вот и Волги берег молчаливый –
Никого сейчас на берегу:
Холод, ветер, катер торопливый,
Небо словно в зимнюю пургу.

Против ветра в небе бьётся птица,
Медленно летит она. Куда?
Что сейчас в душе её творится?
Холод. Ветер. Зыбкая вода.

...Надо жить, хотя так трудно верить
В лучший смысл земного бытия,
Надо приходить на этот берег,
Чтоб тоска развеялась твоя.

Ведь уже не раз такое было:
Так же сердце от неверья стыло,
А потом откуда ни возмись
Начиналась, продолжалась жизнь.

* * *

Там, где Тойма струится река,
Там, где был, да весь вышел оратай,
Ольга Фокина пишет пока
И летает душою крылатой.

И Казанцев Василий в строю
В городке пристольном, за МКАДом,
Тоже радует музу свою
Поэтическим ладом...

Лет обоим изрядно уже...
Но приходят манящие строчки,
Те, которые им по душе...
Будто с неба слетают цветочки.

* * *

«Высшее счастье – это причастие!» –
Так говорит нам Крупин.
В храмы он часто спешит...
«Это счастье!»
Духом Крупин исполн.

Был коммунистом он,
Многие были мы...
Так было заведено.
Но пробивалась бессмертная Истина
В душах людей всё равно.

Что-то читали и что-то усвоили,
Верили в Маркса уже...
Но воевали, страну свою строили
Многие с Богом в душе.

Как повернётся?
Придут испытания?
Будут за веру пытаться?
Были и будут, конечно, страдания.
Будет и благодать.

Для устоявших великое счастье
В зове небесных глубин...
«Высшее счастье – это причастие!» –
Так говорит нам Крупин.

РУССКИЕ ПРОРОКИ

Вот обличает Тихон-патриарх
«Народных» комиссаров,
Говорит:
– Народу вместо хлеба вы дали камень,
Руки обагрили вы братской кровью,
Малых соблазнили,
Монастыри закрыли, Кремль закрыт –
А ведь вы только год всего у власти,
И столько бед, бессмысленных убийств.
Но взыщется с вас праведная кровь,
И от меча погибнете вы сами.

Он говорил. Но кто его послушал,
Казалось бы... Но вышло по нему.

Нам говорил недавно Иоанн,
Митрополит:
– Одумайтесь!
Россия
Воскреснет лишь тогда, когда мы сами
Воскреснем душами, сыны её и дочери;
Великое державное наследство
Мы промотали,
Мы изуродовали души своих детей
Развратом грязным,
Стариков мы превратили в побирушек...
Одумайтесь!
Пора восстановить
В себе черты народа-богоносца,
От потребительской заразы отойти –
Она растлила многие народы.
Вернуться в Церковь – вот спасенье в чём! –
И обратиться к Богу с покаяньем!
Тогда, тогда очистится душа...
Тогда Господь Россию не оставит.

Нам говорил недавно Иоанн,
Митрополит. Но кто его послушал?
Как будто многие. Но где наши дела?
Бог даровал такого человека
России, что, казалось бы, за ним
Должны мы были все вернуться к Богу...

А мы в сетях запутались, как птахи.

Нет, не стоять России без пророка.
А нам должно быть стыдно – иждивенцы
Духовные, за счёт других живём.
И я, безумный, тоже иждивенец.

* * *

Опять на сцене гениталии.
Опять вся эта лабуда.
Ничтожно, дико и так далее...
Но рукоплещут господа.

Россия, как тебя измучили.
Всё длится эта маета...
С повадками своими сучьими
Всех оскотинить – их мечта.

* * *

С горы Седло шла туча на Хунзах.
Шла туча на Хунзах и на аул.
К дождю менялось небо на глазах.
К нам приближался небосвода гул...

Но поднимал за дружбу я бокал,
За братство и единство всей страны.
И напоследок я ещё сказал:
«За то, чтоб больше не было войны!»

Со мной согласны были Магомед,
И друг Мухуч, и все, кто за столом.
Пускай нам туча застилала свет,
Пускай гремел над нашей крышей гром...

И ливень лил, и небосвод гремел,
Основы сотрясая бытия,
Но песню, что один из нас запел,
Все подхватили как одна семья.

* * *

Как хорошо, что я не понимаю
Всех тонкостей и всяких механизмов
Великого троянского обмана,
Затеянного нынче на Руси.

Куда и как уходят миллиарды,
И почему, и кто тут виноватый...
Мы жить привыкли бедно, не вдаваясь
В раздумья о возможностях иных.

Но вижу я, что родина в ущербе
Таком великом, что и мне понятно.
А если б знать все тонкости, всю правду,
То, может, не хватило б силы жить.

Зовут на революцию... Не верю
Я больше в революции. Не верю.
Я верить стал в молитвы наших старцев
И в Божью милость.
Как и в Божий гнев...

* * *

В небе реют ангелы заката –
Огненные крылья широки.
На планете брат идёт на брата,
Дети плачут, плачут старики...

На планете нашей изначально
Брат идёт на брата, льётся кровь...
И спасает горько и печально
Этот мир великая любовь.

Да, конечно, горько и печально,
Но любовь превыше всех идей.
Так пребудет вечно, до скончанья
Всех веков земных и всех людей.

* * *

Были чудом слова и улыбки,
Были чудом лыжня и каток...
Но теперь чудеса эти зыбки –
Под ногами опасный ледок.

Годы, годы...
Вы пыл охладили.
Но хочу до последнего дня,
Чтобы ангелы радости были
На земле и в душе у меня.

* * *

Куда-то ехал, до какой-то станции.
Летел. И плыл – и напрягал весло...
Поэзия – последняя инстанция,
Когда уже ничто не помогло.

Когда оставил все заботы, промыслы,
Когда не надо никуда бежать,
Всё позади – все поиски и полосы...
Тогда приходит эта благодать:

Стихи писать... Неторопливо, вдумчиво.
Стихи писать как главное из дел.
И радоваться по такому случаю,
Что день настал такой и ты успел...

* * *

Жизнь дарит многими дарами,
Лишь были б мы к ней не глухи.
Я выступал перед горами –
Читал им новые стихи.

Стоял над пропастью, волнуясь.
Вдали была гора Седло.
Я, настроенно повинуюсь,
Читал про русское село.

Соединял родные дали
И эти горы всей душой,
Чтоб никогда не воевали,
Чтоб мы единой силой стали –
Кавказ и мой народ родной.

Читал стихи перед горами...
Смешно, наверно, Магомед.
Но ты читал перед полями.
Тут ничего смешного нет.

И даже это всё не ново.
Стихи читают и мирам.
Я верю в искреннее слово,
Оно понятно и горам.

ХАФИЗ

На могилу Хафиза в прекрасном
и древнем Ширазе
Приезжают, приходят за мудрым
советом иранцы.
Продавец предлагает в конвертах
цитаты поэта –
Покупай, и читай, и к себе самому примеряй.

Я гадать не люблю ни по Пушкину,
ни по Хафизу,
Но сегодня Хафиза я взял и газели читал –
И подумалось мне, что для многих из нас,
как и прежде,
Будут добрым советом такие поэта слова:

«На колесе судьбы смотри, как много праха!
От алчности беги. Цени свой скудный хлеб».

ПОСВЯЩЕНИЯ ДЕТЯМ, ПУШКИНУ, РОССИИ

Владимир КУЗНЕЦОВ
(Влад КРАСНОЯРСКИЙ),

кандидат педагогических наук, профессор
литературы, член Союза писателей России

Огромная работа проводится в Московском отделении Петровской академии наук и искусств по сохранению и развитию культурного наследия России. Активно в этом направлении трудится секция «Литература». Вот уже седьмой год проводится Международный поэтический конкурс «Россия, перед именем твоим...». 29 января 2020 года поставлена точка в 6-м конкурсе – члены жюри вынесли свой вердикт.

– Итоги, – говорит член жюри, академик, профессор ПАНИ Людмила Леонидовна Графова, – показывают, что он по-прежнему вызывает живой интерес как у российских, так и у зарубежных любителей поэзии. Порадовала заинтересованность авторов в предложенной тематике. Их стихи полны искренности, вдумчивости, личных переживаний и вовлечённости в описываемые события.

Действительно, на этот конкурс прислали замечательные произведения поэты из Израиля и США, Германии и Латвии, Украины

и Болгарии. География конкурса расширилась. О нём знают в Сибири и на Дальнем Востоке. Интересен тот факт, что молва о нашем творческом состязании доходит до сёл, станиц и деревень. В номинации «Я лиру посвятил народу своему...» (к 220-летию А. С. Пушкина) мы единодушно признали лучшим стихотворение «Пушкин с нами» Валентины Останиной из села Таврическое Омской области (Гран-при). Уже не в первый раз подаёт свои творения на конкурс Александр Резин из села Могильно-Посельское всё той же омской земли. За стихотворение «Выйду в поле, чего-то не пишется...» он удостоен призового места. В номинации «Я, ты, он, она – вместе целая страна...» (стихи о России) не было равных ещё одному жителю глубинки – Николаю Третьяку, который живёт и творит в станице Кумылженская Волгоградской области. За стихотворение «Вечный поиск» он награждён Гран-при и удостоен диплома академии с портретом Петра Великого.

С каждым годом предлагаемые работы становятся более зрелыми, тонкими, искренними, некоторые требуют доработки, но все мы знаем, что *viam supervadet vadens* (дорогу осилит идущий)!

Мамонтова пустынь

Рассвет

Калитка в поле

Трельяж для березки

Фото Наталии Барановой, Тамбов

СТИХИ ЛАУРЕАТОВ КОНКУРСА

**ГРАН-ПРИ
В НОМИНАЦИИ «ВМЕСТЕ ВЕСЕЛО
ШАГАТЬ ПО ПРОСТОРАМ...»
(СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ)**

**Александр
ШАПИРО**
Баффало

КАК НАШЁЛСЯ СОЛНЦА ЛУЧ

Как-то утром из-за туч
Показался солнца луч.
Пробежал он стометровку,
Чтоб попасть на остановку,
И в троллейбусном стекле
Покатился по земле.

Побывал он в зоосаде,
Всех животных переглядел.
У огромного завода
Посверкал среди народа.
Погостил немного в школе
Да сбежал с мальчишкой Толей.
Вместе с ним на крышу лез
И бесследно вдруг исчез.
Разбежались провода,
Посетили города,
Чтоб узнали эти вести
И в Москве, и даже в Бресте,
Как, прибывший из-за туч,
Потерялся солнца луч.

Целый день его искали.
Только к вечеру узнали –

Правда, нет ли?
Так, не так ли? –
Что у всех теперь по капле
Или, может, по крупице
В каждом взгляде он лучится.
И от этого светлей
Лица стали у людей.

**ГРАН-ПРИ
В НОМИНАЦИИ «Я, ТЫ, ОН, ОНА –
ВМЕСТЕ ЦЕЛАЯ СТРАНА...»**

**Николай
ТРЕТЬЯК**

ВЕЧНЫЙ ПОИСК

По разбитым российским дорогам
Уходя от дремучей тоски,
Вечным поиском Правды и Бога
Бредят русских кровей мужики.

Доморощенные правдолюбцы
Ноги бьют не для славы – за так,
Сея в землю последние зубы,
Налетев на неправый кулак.

Грусть и горечь припудривши пылью,
Основательно, как повелось,
Распаяясь бессовестной былью,
Копят в тощей мошне боль и злость.

Вечный поиск страшнее проклятья:
Правда есть,
Только где же она?
– Душу греет Христово распятие,
Мысли лечит бутылка вина.

И, сведя думы горькие хлёстко
К неизбежности крайней поры,
По серьгам раздавая всем сёстрам,
Русь хватается за топоры.

Дальше – больше. Известное дело:
Коль несправеден был – извини...
Бунт народный, не зная предела,
Кровью крестит пожарищ огни.

Нагулявшись – срывают рубахи...
Отметая подачек куски,
Свою правду находят на плахе
Не простившие зла мужики.

Чтоб покрепче на ус намотали
Заблаживших отцов сыновья,
Жаден холод ржавеющей стали
И ликующий пляс воронья.

Но сквозь шабаш жестокой бравады
Рвётся крик:
– Погодите, вернись!
...Так хранит дух Свободы и Правды
«Сиволапая» гордая Русь.

ГРАН-ПРИ В НОМИНАЦИИ «Я ЛИРУ ПОСВЯТИЛ НАРОДУ СВОЕМУ...»

ПУШКИН С НАМИ

На здании библиотеки*
Воздвигнут Пушкин в полный рост.
Возвысить душу в человеке
Ему всей жизнью довелось.
Защитник чести, нежный лирик
Достиг сибирских наших рек,
Все кривотолки о Сибири
Своим явленьем опроверг.
Над шумным городским потоком
В кипенье жизни, в суету
Он, возвеличенный, высокий,
Провозглашает простоту.

**Валентина
ОСТАНИНА,
Омск**

Июнь то холодом обнимет,
То жаром Азии дохнёт,
Но в этом мире не одни мы
Стоим пред вызовом невзгод.
Ведь это он, ещё незримый,
Нас в детстве сказкой пеленал
От старой нянюшки Арины;
В сердечки искоркой запал...
Зима поля перелицует.
Европа санкции введёт.
А Пушкин в Омске торжествует –
К нему народ в театр идёт.
Гуляет барышня-крестьянка
В тени сценических берёз,
А гувернантка-иностранка
Смешит всю публику до слёз...
Бывает так:
Сойдя с маршрута,
Закинешь сумку за плечо,
Увидишь, как ступени круты,
И разволнуешься, как будто
Идёшь к нему
Сдавать зачёт.

* Омская государственная областная научная библиотека
имени А. С. Пушкина.

**ПЕРВОЕ МЕСТО
В НОМИНАЦИИ «Я ЛИРУ
ПОСВЯТИЛ НАРОДУ СВОЕМУ...»**

Ирина РЕЗНИК,
Омск

АРИНА РОДИОНОВНА

В память России гения
Божья вела рука,
Нёс он свои творения
Няне наверняка.

Преображённой музою
Из крепостных помор,
Вольная б ей обузою
С «пушкинских» стала пор.

Сказки, были, поверья ли
Детям – восторг и страх!
Царь, и колдун, и звери, и
Кто-то там на ветвях...

Стали стихотворениями
По истечение лет.
Вышней волей во времени
Встретил няню поэт!

Став для России силою,
Гордостью на века,
Няню воспела милую
Пушкинская строка.

**ПЕРВОЕ МЕСТО
В НОМИНАЦИИ «Я, ТЫ, ОН, ОНА-
ВМЕСТЕ ЦЕЛАЯ СТРАНА...»**

Александр ДОРОЖИНСКИЙ
Сергиев Посад

* * *

Осень. Спокойно уносит Двина
К Балтике тёмные воды.
В память мою – за волною волна –
Хлынули детские годы.
Папин гараж... был порою как дом.
Снасти, верстак и лебёдка...
Возле него, чуть поодаль, вверх дном
Сохла рыбацкая лодка.
Ветви раскинула у родника
Старая-старая ива.
Солнечный диск отражает река...
Эх, до чего же красиво!..
Воду в ладони свои соберу –
Выпью студёной водицы...
Не торопясь постою на яру,
Сверху любясь криницей.
Старый барак был – рукою подать...
Сад и простая ограда...
Время прошло, не воротится вспять –
Нету ни дома, ни сада.
Жёлтым покровом укрыта земля.
Тихо на улице детства,
Где, как и прежде, стоят тополя –
Воспоминаний наследство.

**Первое место
в номинации «Вместе весело
шагать по просторам...»
(стихи для детей)**

**Галина
КЛЮЧНИКОВА**
Сергиев Посад

ВАЖНЫЕ ДЕЛА

Днём сегодня не спала,
Были важные дела:
Все владенья обойти
И порядок навести.
Со щенком любимым Филей
Мы кузнечиков ловили.
У лягушек побывали,
Хором спеть нам обещали.
На большой клубничной грядке
Проверяли: всё ль в порядке,
Много ль ягод покраснело
(Пару штук украдкой съела).
Пробежались по аллейке,
Посидели на скамейке,
На кустах считали розы,
Укололась, были слёзы.
Подружились мы с ягнёнком,
Вместе блеяли с ним звонко.
Полевых цветов букет
Съел ягнёнок на обед!
От опасности удрали:
Гусь был злым, а мы не знали
И хотели с этой птицей
На всё лето подружиться.
Бабушка звала на ужин,
Только ужин мне не нужен,
Мягкий хлеб, варенье, чай...
Прилегла я невзначай.
И летаю в облаках
Я на папиных руках...

**Владимир
КУЗНЕЦОВ**
(Влад
Красноярский),
председатель
жюри конкурса

ВСТРЕЧА У ПУШКИНА

Горячий день нагрел пустую площадь,
Которая историю таит,
По скверу тихо бродит тенью лошадь,
И тень поэта в полный рост стоит.
Здесь русский классик ездил в карете.
Он слыл в миру повесой из повес.
Запечатлённым в бронзовом портрете
Поэта в вечность вёз тяжеловес
Сюда, где нынче громом разноречье
И чаще слышится восточный рык,
Веками с Пушкиным идёт на встречу
С поэзией всяк сущий в ней язык.
И нет ему в потомках аналогий.
Родился ну хотя б такой один!
Никто не превзошёл поэта в слоге,
Хотя уж сколько минуло годин!
Поставлен памятник весьма неплохо:
Не сдвинуть, не снести столпа!
Сюда ведёт эпоха за эпохой
Поистине народная тропа.
Бойчей в столице не найдёте места:
Здесь Пушкина витает вольный дух,
Здесь точка митингового протеста,
Где слово власти говорится вслух.
Отличное пространство для свиданий –
Скамейки среди кустистых грив.
И голуби как символ мирозданий
Воркуют свой волнующий мотив.
Они воркуют, сидя на макушке,
На мир вокруг взирая свысока.

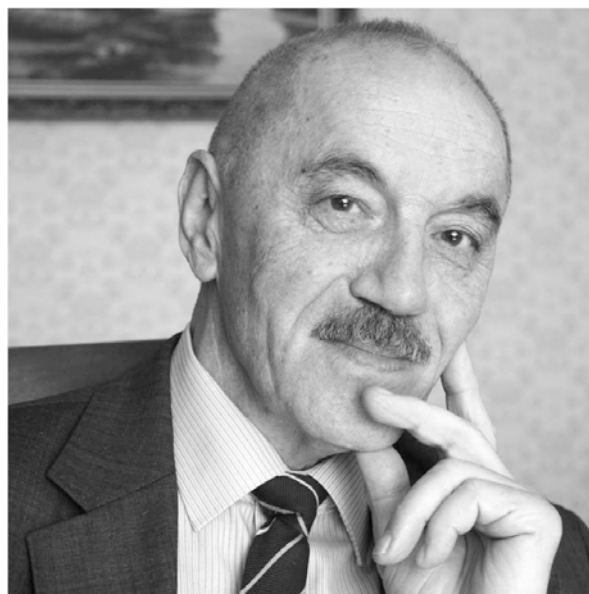
А мы, прощаясь, говорим друг дружке –
Теперь так принято – «пока-пока!»

10 СЕКУНД МУДРОСТИ

«Поэзия (как ошибочно считают люди наивные или пресыщенные) заключается не в ритмическом сочетании слов-погремушек, но в духе, который охватывает широкие горизонты и видит дальше и глубже, чем глаза человека», – писал когда-то известный французский писатель и общественный деятель Ромен Роллан, и это его определение действительно проявляет себя в произведениях многих выдающихся поэтов. Примерно о том же, анализируя суть поэзии, говорил и другой французский поэт, Поль Элюар, который сказал, что её цель – это «полезная правда», и этой «полезности» невозможно не увидеть в стихах большинства мировых поэтов. Особенно хорошо это видно по стихам знаменитого персидского философа, математика, астронома и поэта Омара Хайяма, рубаи которого до предела наполнены жизненной мудростью и опытом, как, например, в таком ярком его четверостишии:

*Не завидуй тому, кто силен и богат,
За рассветом всегда наступает закат.
С этой жизнью короткою, равною вдоху,
Обращайся, как с данной тебе напрокат.*

Вот эта отмеченная Полем Элюаром «полезность правды», лежащая в основе любого настоящего поэтического творчества, отчётливо просматривается в стихах и поэмах таких хорошо известных авторов, как Пушкин, Лермонтов, Некрасов и целый ряд других поэтов-классиков, а в особенности – в кратких и ёмких стихотворе-

ниях восточных поэтов, умеющих всего в четырёх поэтических строчках уместить глубокий философский и жизненный смысл.

Однако суть эта видна не только в стихах прошлых столетий, но также и в произведениях уже нашего, сегодняшнего времени – в частности стихах поэтов республик Средней Азии и Кавказа. Так, например, уникальная сжатость и ёмкость стихов наблюдается в поэтическом творчестве одного из современных кавказских поэтов Карачаево-Черкесской Республики – Хизира Махмудовича Тахтамышева, у которого в 2018 году в известном московском издательстве «Художественная литература» вышла в свет книга поэтических миниатюр «10 секунд мудрости: философия жизни в 4 строках».

Предваряя новый сборник Хизира Махмудовича, академик Академии российской словесности Георгий Владимирович Пряхин говорит, что «на Кавказе издавна тяготеют к продолжительным тостам, но и к очень коротким, разящим эпиграммам, а стихи поэта, чей сборник вы сейчас открываете, и впрямь в основном являются эпиграммами», среди которых, добавляет он, есть «и нетривиальные философские сентенции, и просто внимательные, колоритные зарисовки местного быта, природы, абрисы характеров нашего Предкавказья и Большого Кавказа». Это всё действительно так, и книга Хизира Тахтамышева «10 секунд мудрости» несёт в себе столько истин, что её поистине можно назвать небольшой поэтической энциклопедией, охватывающей чуть ли не все стороны жизни. Особенно много в этой книге

стихов философского смысла о жизни и смерти, о чести и совести, о быстротечности наших лет и крепкой мужской дружбе, которая скрашивает людям многие годы их жизни:

*Вся наша жизнь – весёлая пирушка.
Душа – вино в хрустальной чаше лет.
Нальём в одну, смешаем наши души,
Неповторимым будет тот букет!*

Хизир Махмудович Тахтамышев является доктором технических наук, профессором и преподавателем, который на своей профессиональной ниве имеет дело в основном с точными знаниями, но что касается круга его поэтических тем, то здесь его в первую очередь влекут к себе такие понятия, как честь, верность, справедливость и другие нравственные качества. Именно ими он и оперирует в своих мудрых четверостишиях, показывая читателям, на что нужно опираться в нашей непростой и быстротекущей жизни:

*Простите, Эльбрус и Казбек,
Я предан буду вам навек.
Но выше вас вершина есть,
Для горца ей название – честь!*

Поэзия охватывает собой очень серьёзные темы, отводя для их описания объёмные длинные стихотворения и даже большие поэмы, но особенно чётко запоминаются в памяти людей экспрессивные ёмкие четверостишия, которые, подобно кратким формулам, передают суть того или иного определения. К примеру, такие, как в расположенном ниже стихотворении о счастье:

*Судьбой недовольны, по жизни идём,
Бранясь, возмущаясь и споря.
Упав на дороге, внезапно поймём,
Что счастье – отсутствие горя.*

Отмечая великолепную строгую чёткость философских наблюдений Тахтамышева, нельзя не отметить того, что поэт – это отнюдь не безошибочный робот, а живой человек, опирающийся в своём творчестве на тот опыт, который он приобрёл исключительно на реальном собственном

пути. Поэтому не исключено, что с некоторыми четверостишиями читатели могут поспорить, не соглашаясь с тем, что утверждает в них поэт. Ведь это его личный опыт, вот и наблюдения он описывает свои личные. Как, например, в стихотворении «Ошибки юности опасны», которое заведомо несёт в себе тему для небольшой дискуссии:

*Ошибки юности опасны.
Ошибки старости ужасны.
Успехи юности прекрасны.
Успехи старости напрасны.*

Думаю, что далеко не все из тех читателей, кого можно отнести к категории «стариков», согласятся признать, что выпадающие иногда на их возраст успехи считаются напрасными. Успех – он и в старости успех, так что заслуживают его получать не только в юности.

Однако поэтическая книга Хизира Тахтамышева не может оставить другого впечатления, кроме высокого признания. Открыв её на любой странице, сразу же поймёшь, что перед тобой настоящий глубокий поэт, мыслитель и философ, каждая строчка которого наполнена яркой афористичностью. Вот только некоторые из тех, которыми начинаются его стихотворения: «Темнота – лишь отсутствие света», «В жизни нет ничего постоянного», «Страх – к позору прямая дорога», «Зависть – ведьма лихая с пороками», «Неблагодарность – чёрная дыра», «Семейный брак – взаимная аренда», «Горячий спор – пылающий костёр», «Творят и зло под флагами добра», «Дорога – наша жизнь: ухабы, ямы», «Глупец не прочь казаться мудрецом», «Нам жизнь даёт жестокие уроки», «Душа открытая – родник живой», «Горе, счастье, печали – всё время уносит», «Не каждое зерно рождает всходы», «Жить прошлым – быть сытым обедом вчерашним» – и так на каждой открытой странице на протяжении всей книги. Читаешь и понимаешь, что эти строки уже никогда не уйдут из твоей памяти, навсегда останутся частью твоего сознания. Потому что настоящая поэзия не может быть единственно только красивой, но всегда ещё и полезна. А значит – и умна. ■■

Николай ПЕРЕЯСЛОВ,
секретарь правления Союза
писателей России

Александр ОРЛОВ

Александр Владимирович Орлов родился в 1975 году в Москве. Поэт, прозаик, историк. Окончил Московское медицинское училище № 1 имени И. П. Павлова, Литературный институт имени А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории, обществознания, основ философии и права в столичной школе № 1861. Автор пяти стихотворных книг: «Московский кочевник» (2012), «Белоснежная пряжа» (2014), «Время вербы» (2015), «Разнозимье» (2017), «Епифань» (2018), сборника малой прозы «Кравотынь» (2015), книги для дополнительного чтения по истории Отечества «Креститель Руси» (2015) и книги о роде священномученика Константина Переславского (Снятиновского) «Во власти Бога». Публиковался в широком круге изданий: «Бийский вестник», «День и ночь», «Дети Ра», «Дон», «Дружба народов», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Литературная учёба», «Москва», «Наш современник», «Подъём», «Сибирь», «Сибирские огни», «Юность» и др. Лауреат всероссийских конкурсов имени А. П. Платонова (2011), имени Ф. Н. Глинки (2012), имени С. С. Бехтеева (2014), имени Н. С. Лескова (2019), Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2017 и 2019), обладатель специального приза ИС РПЦ «Дорога к храму» (2017). Лауреат открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» ИС РПЦ (2018 и 2019). Живёт в Москве.

* * *

Фёдору Николаевичу Глинке

Мощны, дремучи, непрерывны,
Господствуют вокруг леса.
Ветра им складывают гимны,
В них слёзы прячут небеса.

Луна и солнце в карауле
При столкновении эпох
Туманы сонные раздули,
Храня всё то, что создал Бог.

И мрак просторами низвергнут,
И над неравенством чащоб
Кружит апостол воли – беркут,
Знаток славянских древних троп.

И дух Смоленщины пасхален,
И время в просеки вросло,
И в просвещённости прогалин
Взмолился холод на тепло.

* * *

Александр Трифоновичу Твардовскому

Я без вести не пропадал под Ржевом,
Не замерзал в мончаловских лесах,
Не побывал на правом и на левом
Омытых кровью волжских берегах.

И не курил в окопах самокрутки,
Не пил из фляги перед боем спирт,
Не отпускал мне Вася Тёркин шутки,
Но смерти мне знаком холодный флирт.

И жизнь моя не сказка, не халява.
Кто скажет мне, что я себя берёг?
Нас всех с годами встретит переправа,
Я для неё давно не новичок.

И в миг, когда начнётся перевозка
И лестницей вдруг станут облака,
Меня поманит из-за солнца тёзка,
Признавший в моём сердце земляка.

* * *

Николаю Ивановичу Рыленкову

От московской незваной гордыни
Становлюсь я нередко свиреп
И спешу на тот берег Смядины,
Где заколот был юноша Глеб,

Где молитве, как старенькой няне,
Каждый пришлый подвластен вовек,
Где защиту находят смоляне
В теплоте страстотерпца опек,

Где в года мировых пятилеток,
Неподвластный безбожным властям,
Проезжал мой расстрелянный предок
По дорогам из кочек и ям,

Где округа извечно смолиста,
Где все жили во имя труда,
Где встречали с войны гармониста
Божий крест и победы звезда.

* * *

Мне продали щекастые смолянки,
Стоящие под проливным дождём,
Ржаные, ещё тёплые буханки –
И хмурый вечер показался днём.

Они как две изюмовые сдобы,
И каждая глазами так прижмёт,
Что кажутся родней мне хлеборобы
И чудится мне сватом тестовод.

Я видел, как работают все живо –
Поют, смеются, рассуждают вслух,
В их душах – поспевающая нива,
Прародина плетёнок и краях.

Они ещё доленинской закваски,
И прячут их помазанные лбы
Пословицы, поверья, песни, сказки,
Коленопреклонённые мольбы.

ДОРОГОВУЖ

*Александру Сергеевичу Орлову
и Сергею Васильевичу Серкову*

Со дна июньских тёплых луж
Тянуло мёдом, льном и кожей,
И вечер, вежливый прохожий,
Нас пригласил в Дорогобуж,

Где дождь, задумчив и покоен,
Кропил торговые ряды,
И большегрузные следы,
И дух усопших маслобен,

Полки канатной конопли
И залежи пластичной глины,
Мещанских домиков руины
И плинфы кривичей в пыли,

И колченогих стариков
У перекошенной ограды,
Их опалённые награды
За Ржев, Смоленск и Могилёв.

Дождь лил, слоняясь по дворам,
Передохнул в тиши сарая,
Кусты и грядки освежая,
Ушёл к блестящим куполам,

Где жизнь доверчива, мудра,
Щедра, смиренна и упряма,
Сокрыта от Москвы и гама,
Где дремлет солнце возле храма
Петра и Павла,
Павла и Петра.

ГАГАРИН

Вчера я был проездом в Гжатске.
Что мне тебе, друг, рассказать?
Меня там встретили по-братски
Дома, погода, люди, Гжать.

Там помнят все о космонавте,
О горе, немцах, о войне.

Там жизнь как жизнь, меня отправьте
Туда ещё раз в летнем сне.

Мне будет день людской подарен,
И в полдень встанут все часы.
И солнце сам Юрий Гагарин
Улыбкой скроет от грозы.

И, уезжая, напоследок
Я со слезой стопарь махну,
И водки вкус так будет едок,
Как взгляд ушедших на войну.

ВИСЕЛЬНИК

Василию Михайловичу Серкову

То время было горько-вязкое,
Дома от взглядов скрыла ночь.
Он шёл с оглядкой в Новоспасское:
Хотел увидеть сына, дочь...

За ним леса, поля ржанные,
Деревни край и в ряд снопы.
Придёт он скоро к Евдокии –
Вот изгородь, вот край избы.

Её он сам воздвиг когда-то,
Вот первое окно с резьбой.
Убрал он руку с автомата –
Вот-вот он встретится с женой.

Но не судьба, и как-то быстро
Произошёл его захват:
Соседа взгляд, крик бургомистра,
Десятки вермахта солдат.

Наутро к месту подлой казни
Он шёл по сродников земле
И горделиво, без боязни
Взглянул на солнышко в петле.

Повешен был он в Новоспасском
Под русский плач, тюрингский смех.
А с неба дождик бил по каскам,
Как будто мстил один за всех.

* * *

Не жил я в эпоху насильных коммун,
В курганах не взрыл артефакта,
Но слышал, как сладко поёт гамаюн
В чашкобах Смоленского тракта.

И, в пенье дремотном красив и блажен,
Явился мне край вечной смоли,
Где люди не терпят плаксивых измен
И лечат в молитвах мозоли,

Где с детства мой дед выходил на покос,
Отца ждал у графского сада
И первой щетиной в отряде оброс,
Смывая кровь немцев с приклада.

Откуда ушёл он, ничто не забыв,
Ушёл навсегда поневоле,
Скрывая на сердце щемящий нарыв
С подсушенным привкусом соли.

КАНОНИЦА

Время неслышно в неведомость тронется,
Жизни земной неизвестен нам срок.
Ты убрала свои пряжи в платок.
Что тебе снится, родная канонница?
Где твой избранник израненный слёг?

Видишь ли ты неприглядные яви?
Слышишь, как вой орудийный затих?
Где же погиб твой весёлый жених?
В поле под Рославлем или в Варшаве?
Кто в той атаке остался в живых?

Долгие годы жила ты в затворе,
Кто-то, как раньше, окликнет: «Сестра!»
Ты, как на фронте, спокойна, быстра,
Только не выплакать девичье горе,
Не воскресить рядового Петра.

Всех подступавших мольбами жалея,
Вечно ты ликом была весела.
Множество бед ты в себя вобрала.
Как ты любила всех, мать Пелагея,
Ты – словно Бога земная хвала.

Как же мила ты, слепая солдатка!
Ты приходящих молитвенный тыл.
Вечер пасхальный кресты осенил,
И среди всех монастырских могил
Мне у твоей одиноко и сладко.

СТУДЕНЕЦ

Не плачь, курносая голуба,
Не стоит слёз твоих ведро,
И я с улыбкой водолюба
Верну пропавшее добро.

Оно лежит на дне колодца,
Помилуй, Фёдор Стратилат,
На глубину мне лезть придётся,
Подземный мир холодноват.

Читай, молещница, прокимен,
Я ухожу в студёный свод,
Пусть будет он гостеприимен,
Ведро без грубости вернёт.

Колодец выложен по-русски:
Надёжен, гладок и дощат,
И от испуга в скользком спуске
Молитвы скрыли перемат.

Во тьме воды менялись лица,
Я слышал крики, имена,
И думал я, что будут сниться
Мне раскулачка и война.

БЕСПАЛЫЙ

Раскинулась за домом нежно радуга,
И мы расселись важно на крыльце,
И дверь была закрыта туго-натуго,
Ушла хозяйка, позабыла о жильце.

От «козьей ножки», полной самосада,
Газетная распространялась вонь.
Болтал вязьмич смешно, замысловато
О том, как не использовал он бронь,

О том, как посреди крестов и свастика
Дымящихся Зееловых высот
Кончины ожидал десятиклассник
В тот самый важный сорок пятый год.

Он говорил, что Божий он избранник,
Что баловень он, как ты ни крути,
Что починил на днях сапог и краник,
А я смотрел на две его культи.

ОКРУЖЕНЕЦ

Весенний лес был полон соловьями,
Взвивался к солнцу звучный перелив,
А он сказал: «Под нашими ногами
Лежат друзья, а я остался жив.

Мы пили воду из дорожной лужи,
Мы яблочную доедали прель,
Но знали, что бывает и похуже,
И хуже стало после двух недель.

Мы обошли угрюмую пустошку,
И с голодухи нас прельстила вонь,
И мы копали сгнившую картошку,
И пулемётный в спины лил огонь,

И в поле я лежал между телами,
И мягок был под Вязьмой чернозём,
И небо омывало нас дождями,
И я простился с пленным октябрём».

* * *

Помню, учили меня быть надёжным и смелым.
Всё изменилось с тех пор, но иду я к тебе,
Роща, где дед закопал навсегда парабеллум,
Где ждал связного не раз на медвежьей тропе.

Кажется мне, я иду по курганному полю,
Звёзды угрюмо склонились к расстрельному рву,
Сон ты никак не обманешь, он рвётся на волю,
Я его власть только с первым лучом оборву.

Снова под утро тревожат скудные просветы,
Наши свиданья с родней обречённо редки.
Грозным Смоленском в стальное подымье одеты
Мельница, сад и наш дом в изголовье реки.

ИГОРЕВСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Игоревская икона Божией Матери – древняя чудотворная икона греческого письма, почитаемая на Руси с середины XII века. Название образа предание связывает с трагической судьбой святого благоверного великого князя Игоря Черниговского и Киевского.

Середина XII века была для Руси скорбным временем непрерывных междоусобных браней за киевский престол двух княжеских группировок: Ольговичей (Олеговичей) и Мстиславичей. Все они были в близком родстве, все – правнуки Ярослава Мудрого. Мстиславичи назывались

так по имени своего отца – святого Мстислава Великого († 1132), сына Владимира Мономаха; Ольговичей называли по имени их отца Олега Святославича († 1115), прозванного за его горькую судьбу Гориславичем.

В 1146 году скончался великий князь Киевский Всеволод Ольгович, который своей гордыней и пренебрежительным отношением к простому люду возбудил ненависть киевлян к себе и своим сродникам. По его завещанию киевское княжение принял его младший брат Игорь, князь Черниговский. Жители стольного

града на кресте поклялись ему в верности, поскольку он пообещал им прекратить бесчинства, творившиеся при прежнем князе, но уже через две недели нарушили крестное целование. Киевлянам не понравилось, что новый правитель запретил им грабить дворы их недавних обидчиков, и они тайно предложили киевский престол внуку Владимира Мономаха, переяславскому князю Изяславу Мстиславичу. Близ Киева произошла битва между воинами князей Игоря и Изяслава. Киевские войска в разгар сражения предали своего законного правителя князя Игоря и перешли на сторону Изяслава. Четыре дня Игорь Ольгович скрывался в болотах около Киева. Там его взяли в плен, привезли в Киев, а затем заточили в пору́бе – холодном и тесном бревенчатом срубе без окон и дверей (чтобы освободить узника, приходилось его оттуда «вырубать» топором). Вскоре князь тяжело заболел, так, что не мог принимать пищу и ходить.

В летописях об Игоре говорится не только как об отважном воине, но и как о благочестивом христианине: он весьма преуспел в вере и учёности, читал много духовной литературы, с юности проводил большую часть своего времени в молитвах, размышлениях о Боге, беседах с монахами и святыми старцами, а незадолго до смерти брата даже задумывался о постриге. Теперь же, когда он находился на пороге смерти, это его благое желание осуществилось. Думая, что он вскоре умрёт, князь Изяслав по просьбе Игоря освободил его из заточения и позволил принять постриг в Киевском Феодоровском монастыре. Однако новопостриженный монах Гавриил выздоровел и вскоре принял схиму с именем Игнатий. Ему было разрешено остаться в обители, и он проводил всё время в покаянных слезах и молитве.

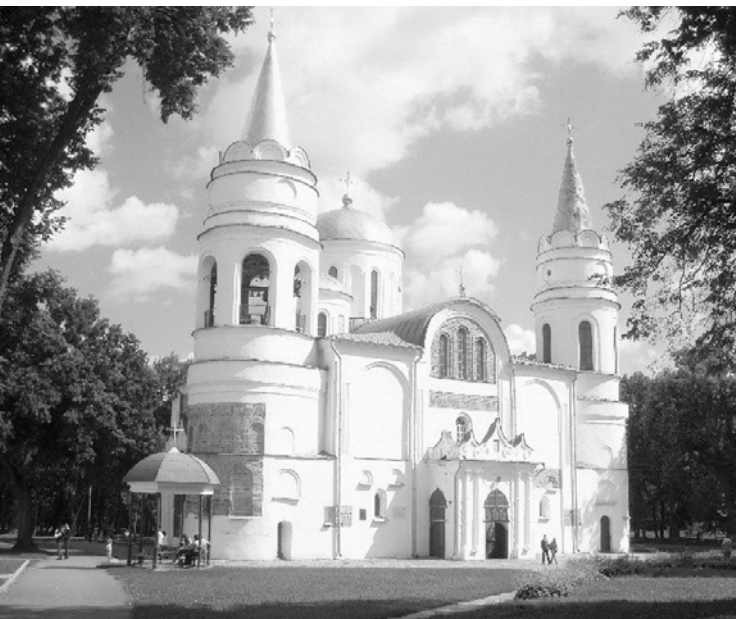
Черниговские князья, двоюродные братья князя Игоря, продолжили борьбу за власть в Киеве. Они замыслили заманить Изяслава Киевского в совместный поход – с тем, чтобы захватить его. Заговор открылся, и тогда киевское вече, решив отомстить всем Ольговичам, постановило расправиться с невиновным князем-схимником. Митрополит и духовенство

старались вразумить и остановить киевлян, а брат киевского правителя князь Владимир, пытавшийся предотвратить бессмысленное кровопролитие, сам чуть не стал жертвой ожесточённой толпы. 19 сентября 1147 года бунтовщики ворвались в храм прямо во время литургии, выволокли князя-схимника и после издевательств убили, а потом ещё и протащили его мёртвое тело за ноги по улицам города. Когда вечером того же дня останки блаженного мученика были перенесены в церковь святого Михаила для отпевания, «Бог явил над ним знамение велико, зажглись свечи все над ним в церкви той». На другое утро святой страдалец был погребён в монастыре святого Симеона на окраине Киева. Разразившаяся во время его отпевания страшная гроза, озарившая всё вокруг невиданным сиянием, привела киевлян в ужас и раскаяние. А через три года у могилы страстотерпца начались исцеления.

В 1150 году киевский престол занял Юрий Долгорукий, и его союзник, черниговский князь Святослав Ольгович, родной брат Игоря, торжественно перенёс святые мощи, обрётённые нетленными, из Киева в кафедральный Спасо-Преображенский собор Чернигова, где от них произошло множество чудес. Во время монголо-татарского нашествия на Русь рака с мощами князя Игоря во избежание их поругания была спрятана под фундаментом собора, где пребывает и поныне. Все попытки поднять святые останки наверх не принесли результата в связи с опасностью обрушения несущей стены собора.

В честь благоверного князя Игоря брат его Святослав Ольгович назвал своего сына – князя Новгород-Северского и Черниговского Игоря Святославича, воспетого в «Слове о Полку Игореве», который, как и его святой дядя, был похоронен в Спасо-Преображенском соборе города Чернигова, где прах его покоится и поныне.

В последние минуты перед принятием мученической смерти страстотерпец князь Игорь молился перед своей келейной иконой, очень древней святыней. Впоследствии она была названа Игоревской и почиталась как чудотворная. В течение почти восьми веков

чтимый образ пребывал в Успенском соборе Киево-Печерской лавры, близ царских врат в приделе святого Иоанна Богослова. Небольшая икона (около 40×30 см) была украшена серебряной золочёной орнаментированной ризой с выгравированным на ней текстом о принадлежности её князю Игорю и о его страдальческой кончине. Иконографически это «Умиление», уменьшенный оплечный вариант знаменитой Владимирской иконы Богоматери.

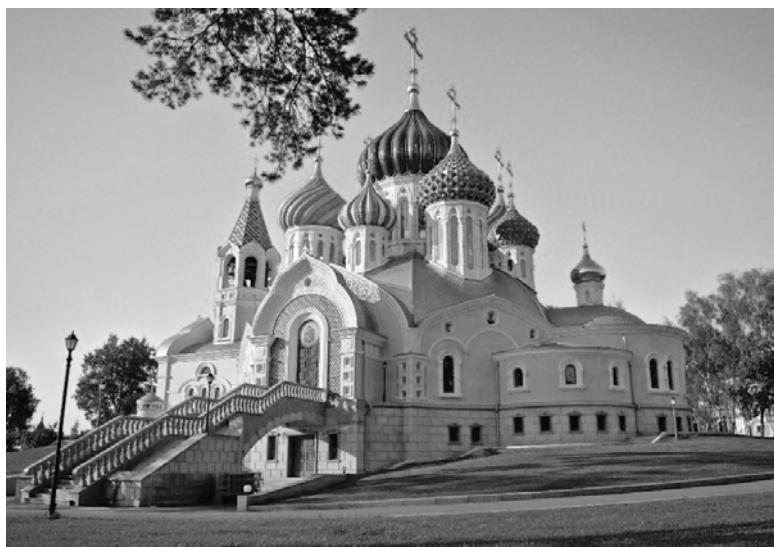
Икона, от которой совершались многие чудеса и исцеления, разошлась по русской земле в многочисленных списках. Самые древние из них – второй половины XVI века – хранятся в Государственной Третьяковской галерее: один происходит из собрания П. М. Третьякова, другой поступил из Государственного исторического музея. Обе копии выполнены в Москве, возможно, во времена митрополита Макария (1542–1563), когда в его мастерских создавались повторения древних чтимых икон с точным соблюдением их иконографии и размеров.

Самая известная и почитаемая в настоящее время Игоревская икона Божией Матери – список с первообраза – находится в Успенском соборе Московского Кремля. Подлинный чудо-

творный образ пропал в годы Великой Отечественной войны, когда Успенский собор Киево-Печерской лавры был взорван, а все древние иконы украдены фашистами.

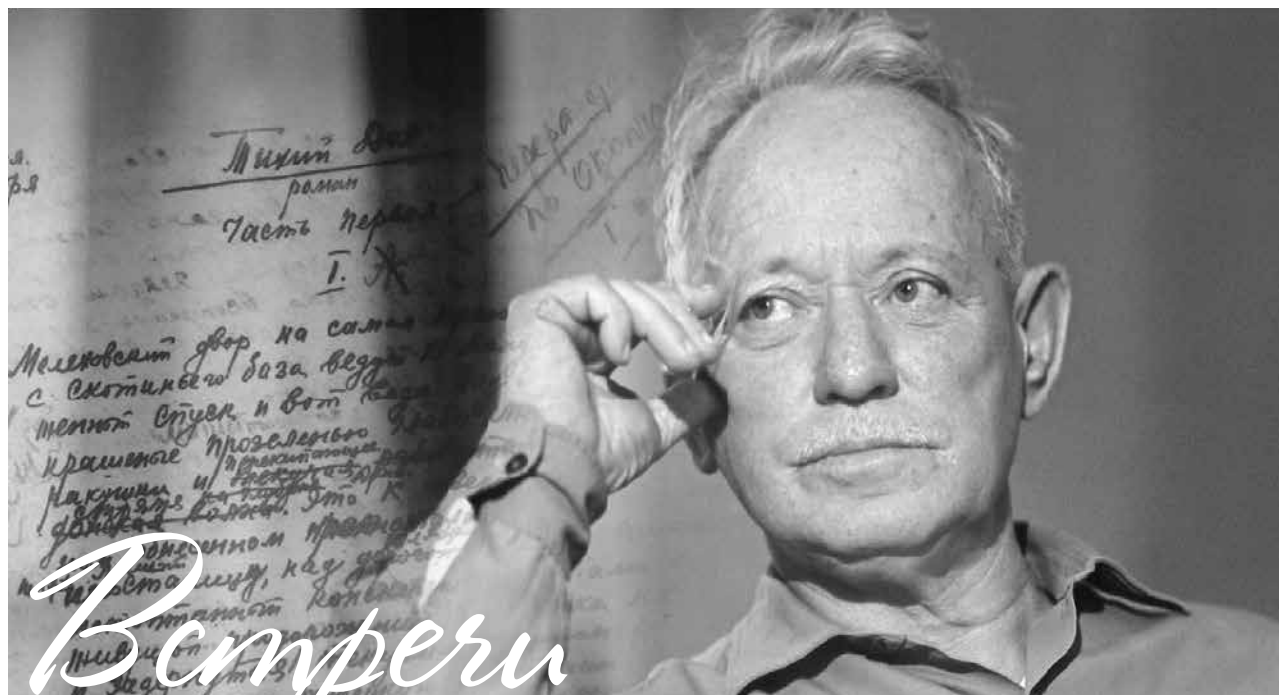
Празднование Игоревской иконы совершается 18 июня (5 июня ст. ст.), в один день с памятью князя Игоря, канонизированного в лике благоверных князей и страстотерпцев (вспоминание перенесения мощей из Киева в Спасо-Преображенский собор в Чернигове в 1150 году).

Церквей, посвящённых святому князю черниговскому, в России немного. Тем Примеча-

тельнее было возведение в Москве, в районе Ново-Переделкино, большого красивого храма (на 1200 человек) во имя святого благоверного великого князя Игоря Черниговского и Киевского. Идея строительства новой церкви неподалёку от Патриаршей резиденции – заслуга Патриарха Алексия II. Он утвердил в 2005 году оригинальный проект и принял решение посвятить храм благоверному князю Игорю. В январе 2010 года Святейший Патриарх Кирилл освятил камень, заложенный в основание храма, а уже в июне 2012 года здесь была отслужена первая литургия. И, конечно же, в иконостасе нового храма есть Игоревская икона Божией Матери. **А**

Татьяна НИКИТИНА

Встречи с Михаилом Шолоховым

30 июня 1968 года – мой последний студенческий день. Волнующие события этого дня запомнились мне на всю жизнь. Холл перед кабинетом ректора Воронежского государственного медицинского института был заполнен студентами-выпускниками. Стояла молчаливо-торжественная и в то же время волнующая тишина. Лица студентов-медиков выражали глубокое внутреннее волнение, скрытую свободу и ожидание какого-то неповторимого, серьёзного и величественного события для каждого из нас. Я был внутренне спокоен, но мысль, что сегодня, сейчас мне выдадут диплом врача и что я уже перестану быть студентом, перестану системно учиться, будоражила и одновременно угнетала меня. Мне до боли в душе хотелось ещё учиться, ходить на лекции, практические занятия, до позднего вечера засиживаться в читальном зале – одним словом, познавать и осваивать знания, накопленные человечеством. Я чувствовал, что «полки» моего мозга ещё и наполовину своих возможностей не заполнены

полезной информацией, а природная, какая-то внутренняя сила требовала их наполнения, будоража моё сознание.

Тихо и внезапно открылась массивная резная тёмно-вишнёвого цвета дверь кабинета ректора. Вышла декан нашего факультета. Назвала фамилии Александры, мою и пригласила нас в кабинет, где заседала комиссия по распределению студентов-выпускников. Нас торжественно поздравили с окончанием института и вручили дипломы. Декан зачитала список городов и населённых пунктов, нуждающихся во врачебных кадрах, и предложила нам первым, как отлично окончившим институт, выбрать место работы. Александра Пушилина выбрала город Тамбов, а я – станицу Вёшенскую, где было одно место. Ректор одобрил наш выбор, ещё раз поздравил со званием врача и пожелал успешной работы. Мы выразили искреннюю благодарность преподавательскому составу и администрации института за их неоценимый труд, терпение и доброту в обучении нас благородной профессии врача.

Расставание с институтом, с друзьями-врачами было скоротечно и печально, впереди каждого из нас ждало неизвестное будущее. Мы пообещали друг другу поддерживать общение, делиться успехами, неудачами и обмениваться личным опытом и профессиональными достижениями.

Домой, в деревню, к отцу, родным я летел на крыльях счастья и радости. Это естественное моё состояние имело под собой логическое объяснение. Я, сын крестьянина-колхозника, малограмотных родителей, хлебнувший в раннем детстве ужасов войны, первый в моей деревне за всё время существования её получил высшее медицинское образование – стал врачом. Причём без всякой помощи родителей и окружающих меня по жизни людей, бесплатно. Только упорство и самоподготовка привели к достижению поставленной для себя цели. Естественно, для этого в то время была поддержка студентам, гарантированная государством и проводимая советской властью. Она на законодательном уровне предоставляла всем молодым людям возможность получения обязательного среднего образования, желающим учиться дальше – среднего специального и высшего бесплатного образования. Обучение стимулировалось предоставлением общежития, в первую очередь для малообеспеченных и для сирот, а также достаточными стипендиями. Стипендии в институте в размере 28–33 рубля в месяц хватало на питание при рациональном расходовании. Это величайшее достижение советской власти в сфере образования и здравоохранения позволило обеспечить врачебными кадрами не только крупные города, но и сотни тысяч деревень и станций нашей страны. Следствием этого стало увеличение средней продолжительности жизни населения СССР до 72 лет.

Месяц отпуска перед началом нового неведомого и благородного пути пролетел как один день. Добравшись на перекладных почти за сутки до Воронежа и купив билет на ночной поезд «Воронеж – Ростов», я ранним утром следующего дня прибыл на станцию Миллерово. Держась за грязные от чёрной угольной пыли поручни вагона, спустился

на примитивный, покрытый сухим угольным шлаком перрон.

Озираясь по сторонам в поисках таблички «кипяток», я направился к одноэтажному серо-жёлтому зданию вокзала. Не доходя до него метров 30–40, увидел наконец станционное «архитектурное чудо» с искомой надписью.

Проделав необходимые утренние процедуры и приведя свой внешний вид в приличное состояние, я поспешил в вокзальный буфет. Ночная тряска и механический «массаж» на верхней полке плацкартного вагона, портфель под головой вместо подушки истощили мой организм, и требовалось подкрепление, поэтому мне ужасно хотелось есть.

Буфет находился в углу станционного здания с видом на проходящие поезда. Резко пропел свисток дежурного по станции, одетого в строгий, аккуратного покроя костюм чёрного цвета. Фуражка с красным околышем венчала его привлекательно-строгую фигуру. Лязгнула сцепка вагонов, и состав тронулся. Поезд уходил на Ростов. Был ещё ранний час, но буфет уже был открыт для посетителей, хотя в нём, кроме меня, никого ещё не было.

Симпатичная, средних лет чернявая женщина доброжелательно улыбнулась мне.

*Виктор Владимирович Семенов,
врач Вёшенской ЦРБ в 1968–1970 гг.*

Её голову украшала аккуратнo уложенная колечками коса. Снежно-белый, сказочный, с кружевным орнаментом кокошник придавал ей вид царственной особы. Светло-зелёный комбинированный приталенный фартучек, надетый на малиновую кофточку с ажурным шейным воротником и короткими рукавами, подчёркивал её изумительную талию и выделял привлекательную и таинственно-божественную средних размеров грудь.

Голубые глаза, испускавшие из-под чёрных бровей какой-то ласковый, томительно-близкий и родной взгляд, будоражили моё сознание. Я смотрел на неё как заворожённый, пытаюсь вспомнить, где я её видел. Её фигура, лицо и ласковый взгляд стучались в мою память.

Глубоко вздохнув и почувствовав, как независимо от моей воли на лице появляется благодатно-радостная улыбка, я вымолвил: «Вы копия моей матери, её, правда, уже нет, но вам большое спасибо, за то что вы есть, так как в вашем лице я встретился со своей молодой и красивой матерью, ушедшей из жизни в расцвете лет из-за войны».

Женщина с печально блеснувшей на глазах слезинкой ответила: «Да, война принесла много горя и печали. Мои родители также погибли во время войны. Но мы выжили, должны их помнить. И делами своими содействовать предотвращению новой войны».

Печаль сошла с её лица. По-матерински улыбнувшись, она предложила мне завтрак, который я с большим удовольствием принял. Тепло распрощавшись с удивительно доброй и прекрасной казачкой, я в прекрасном настроении покинул буфет миллеровского вокзала и отправился на автостанцию.

Поездка в станицу Вёшенскую на стареньком пазике была изнурительной и долгой. Узкая асфальтированная дорога с едким от жары запахом битума петляла по донской иссушенной степи. Она была проложена буквально несколько лет назад при содействии авторитетного и знаменитого писателя Дона – Михаила Александровича Шолохова. Остановок было много. Полчаса стояли в станице Кошары. В станицу Боковскую прибыли во второй

половине дня. Переправившись на пароме через реку Дон в станицу Вёшенскую, я пешком направился в больницу. Улицы в станице были не асфальтированные, по большей части песчаные, отсутствие озеленения усиливало летний зной. Обливаясь потом, я шёл по знаменитой казачьей станице. Изредка мне встречались седые, бородатые казаки-станичники. При встрече со мной они, здороваясь, вставляли со своих околотомных скамеечек-лавочек. Приветствовали меня добродушно, с приятной улыбкой. Такое уважительное обращение к незнакомому молодому человеку в галстукe и с портфелем поразило и взволновало меня. В их отношении чувствовалось что-то благородное и почтительное, унаследованное от старорусской казачьей культуры.

Вёшенская центральная районная больница располагалась на окраине станицы, в небольшом сосново-песчаном «оазисе». Принимал и оформлял меня на работу и.о. главного врача врач-рентгенолог Алексей Петрович Ломакин, милейшей души человек, простой в обхождении и высокой культуры. Принят я был на должность врача стоматолога-хирурга. График работы предусматривал с 8:00 до 13:00 приём больных в поликлинике и с 14:00 до 17:00 ведение больных в стационаре. Пациентов, нуждающихся в такой специализированной помощи, было очень много, так как на три района (Вёшенский, Боковский и Мигулинский), кроме меня, специалистов больше не было. Больным приходилось добираться из соседних районов в Вёшенскую ЦРБ за получением стационарной стоматологической помощи. Плановые операции проводились с утра под местной анестезией с операционной медсестрой, экстренные – независимо от времени суток. Понимая своё предназначение и ответственность, я с воодушевлением отдавался лечебной работе.

Как-то по истечении нескольких месяцев моей работы, когда я принимал больных в поликлинике, мне позвонил главный врач, участник Великой Отечественной войны Е. А. Сидоренко, и сообщил, что к 12:00 за мной прибудет автомобиль и доставит к дому

М. А. Шолохова для оказания лечебной помощи. Уточнив у Сидоренко, в чём суть болезни, я приготовил необходимый набор лекарств и инструментов. В условленное время прибыла чёрная «Волга», которая доставила меня в усадьбу М. А. Шолохова.

Калитку во двор открыл дежурный милиционер. Улыбнувшись и поздоровавшись, он направил меня по дорожке в сторону дома. Дом был деревянный, одноэтажный, с небольшой террасой, на которой стоял простой деревянный столик. Дом располагался в глубине усадьбы, в тени деревьев. Справа от него виднелся длинный деревянный сарай, к которому примыкала огороженная металлической сеткой территория для домашней птицы. Я шёл по дорожке с чемоданчиком в руке, и томительное волнение не покидало меня. Я видел портреты М. А. Шолохова в книгах, прочитанных мной, но ожидание личной встречи с живым великим писателем приводило в высшую степень напряжения мой ум. Я по-военному собрался и мысленно «прокрутил» в голове заготовленную речь. Мне представлялся он крепким здоровяком, строгим и очень серьёзным. Подходя к крыльцу, я увидел, как распахнулась дверь и по ступенькам крыльца навстречу мне стал спускаться маленького роста, среднего телосложения, с умеренно выделяющимся животиком пожилой лысоватый человек, одетый в стального цвета футболку и светлые, свободного покроя брюки. Лицо озаряла добродушная широкая улыбка, и даже нос с довольно выраженной горбинкой дополнял душевную красоту его лица. От изумления я даже не успел открыть рот, чтобы первым произнести заготовленную мною речь, когда он протянул мне руку и сказал:

– Ну, здравствуйте, доктор. Мы рады вас видеть в нашей станице! Нам очень нужны молодые специалисты.

– Здравствуйте, Михаил Александрович! Я рад видеть вас в добром здравии и хорошем настроении. Выражаю вам своё почтение, и большое спасибо за предоставленную с вами встречу!

– Нет, уважаемый доктор, спасибо вам, что прибыли ко мне по моей просьбе. Я всегда отдаю предпочтение молодым специалистам, так как они вооружены современными методами лечения, любознательны, не боятся трудностей, бескорыстны и в любое время готовы прийти на помощь больным людям.

К моему удивлению, напряжённость и всё моё волнение исчезли мгновенно. Я уже спокойно и непринуждённо разговаривал с ним. Создавалось впечатление, что мы давно знакомы. Простота в обращении, обходительность, любезность и широко улыбающееся лицо с высоким прямым лбом вселяли в собеседника чувство «своего», душевного и в то же время благородного человека. В его рукопожатии отмечались отеческая теплота, лёгкость и спокойствие.

Поднявшись по ступенькам крыльца и открывая дверь, всё с той же доброй улыбкой Михаил Александрович пригласил меня в дом. Комната, в которую мы вошли, была светлой и довольно просторной. Два высоких окна создавали хорошую освещённость. Вдоль стены с окнами стоял овальный стол с резными ножками, покрытый цветастой скатертью. Комната, которая, видимо, служила приёмной, сверкала исключительной чистотой.

Михаил Александрович предложил располагаться, как мне удобно. Разложив медицинские принадлежности на столе, я предложил писателю сесть на стул лицом к окну. Задавая определённые вопросы, я собрал необходимую информацию о состоянии Михаила Александровича и его заболевании для выбора метода лечения. Он рассказал, что не так давно вернулся из деловой поездки в Европу, в результате которой, как он считал, обострилось его хроническое заболевание.

После проведённого мною тщательного медосмотра его предположение подтвердилось. Я хорошо понимал его состояние и в душе восхищался его поведением и терпением.

Ознакомив Михаила Александровича с лечебной методикой и получив от него согласие, я приступил к проведению лечебной процедуры. Так как её выполнение исключало его участие

в беседе, он попросил меня рассказывать ему о себе, о новостях в медицине, об институте, в котором я учился. В течение 45 минут (время процедуры) я рассказывал ему то, что считал интересным и достойным его внимания. В течение всего времени он внимательно слушал, активно участвуя в беседе улыбкой, движением глаз, кивком головы, что отвлекало его от процедуры, а меня стимулировало на свободное и непринуждённое изложение событий, интересовавших его.

Окончив процедуру, я спросил Михаила Александровича о самочувствии и результате лечения. Глубоко вздохнув и добродушно улыбаясь, он сказал, что самочувствие великолепное, местная боль ушла. Это было видно и по его радостно улыбающемуся лицу, и весёлому настроению. Я оставил ему необходимые лекарства и дал рекомендации по их применению. Курсовое лечение предполагало 7–10 процедур ежедневно. Условившись о времени посещения на завтра, Михаил Александрович тепло и трогательно поблагодарил меня.

Вошла приятной внешности солидная женщина. Михаил Александрович представил меня ей. Эта была его жена, Мария Петровна. Она любезно предложила мне чай. Я поблагодарил её за приглашение и, сославшись на занятость, отказался. Я распрощался с Михаилом Александровичем, и Мария Петровна проводила меня. Чёрная «Волга» быстро доставила меня в поликлинику, где я продолжил рабочий день.

На следующий день в установленное время я снова прибыл в усадьбу. Михаил Александрович стоял у крыльца и, широко улыбаясь, встречал меня. Я первым поздоровался с ним и справился о его самочувствии. Он сказал, что спал хорошо,

На этой террасе за столиком я встретился с М. А. Шолоховым во время второго посещения

что эффект от лечебной процедуры чудесный и завтрак прошёл без неприятных ощущений и боли. Не отпуская моей руки из своей тёплой ладони, пригласил присесть за столик, стоящий на террасе, и засыпал меня вопросами: как я устроился, где меня поселили, что из мебели есть в доме, чего не хватает в больнице для оптимального лечебного процесса и другими. Я поблагодарил за его деловое и великодушное беспокойство, сказав, что всё необходимое у меня есть и лично ни в чём не нуждаюсь. Что касается больницы, то есть острая нужда в таком специалисте, как врач анестезиолог-реаниматолог. Кроме того, больница нуждается в обеспечении специализированной аппаратурой.

В Вёшенской ЦРБ не было в то время (1968 год) анестезиологическо-реанимационной помощи. Все плановые и экстренные операции проводились под местной анестезией. Это, естественно, негативно отражалось на качестве лечения. Задав ещё несколько уточняющих вопросов на эту тему, Михаил Александрович сказал: «Эту проблему, я уверен, мы теперь решим быстро».

Поднявшись из-за стола, мы вместе с ним вошли в ту же комнату, в которой я был вчера. Нас встретила стоявшая у стола симпатичная

улыбающаяся женщина со светло-русыми волосами. Она движением руки пригласила нас к столу. На столе, покрытом белой скатертью, стояло овальное внушительное блюдо с белым хлебом, сыром и ломтиками осетрины. В стаканы с серебристыми подстаканниками был налит янтарного цвета чай, издающий ароматный запах.

Михаил Александрович, увидев моё смущение и изумление, добродушно улыбаясь, сказал: «Познакомьтесь, это – Лидия Петровна, моя по жизни и по работе секретарь, сестра моей жены Марии Петровны». Глаза её искрились добротой и нежностью. Во взгляде и обхождении её чувствовалось какое-то материнское притяжение. Смущённый таким неожиданным приёмом и обхождением, я просто-таки не знал, как себя вести. Видя мою растерянность, Михаил Александрович взял меня под локоть и усадил за стол, сказав с улыбкой, что нам нужно обязательно подкрепиться, иначе лечение на пользу не пойдёт. Напряжение моё исчезло, и непринуждённая беседа лилась свободно, пока мы чаёвничали.

Лидия Петровна выражала свои мысли легко и понятно, культура плавной, свободно льющейся речи наводила на мысль, что она высокообразованный и тактичный педагог и находится в особом авторитете у Шолохова. И это действительно было так. Михаил Александрович больше молчал, улыбаясь, смаковал ароматный чай, подкладывая мне на блюдечко очередной бутерброд. Лидия Петровна также интересовалась моим устройством, семьёй. Узнав от меня, что моя жена Валентина Дмитриевна имеет высшее образование в области культуры, предложила рассмотреть вопрос об устройстве её на работу в Вёшенский Дом культуры. Так потом и произошло, её приняли на работу на должность директора Дома культуры. Подкрепившись, я поблагодарил за гостеприимство и любезность Лидию Петровну и Михаила Александровича и предложил начать лечебную процедуру.

Необходимо отметить, что при общении в простой непринуждённой обстановке, даже если собеседник избегал каких-

либо просьб или намёков на них, Михаил Александрович обладал способностью вникнуть в суть излагаемых проблем, незаметно, без предвзятости и показухи выяснить и уточнить болевые точки и потом оказать практическое содействие в их разрешении. Так было и в моём случае. В общении с ним я был далёк от мысли, чтобы просить его о чём-либо, да в этом и не было никакой необходимости.

Однако на следующий день, придя с работы, я увидел в казацкой хате, где мы жили с женой и четырёхлетней дочерью Лилей, новый холодильник и двухстворчатый шкаф. Жена мне объяснила, что доставил это всё водитель по распоряжению председателя потребсоюза. Как я потом узнал, он получил указания по телефону от М. А. Шолохова.

А через пару месяцев главный врач больницы предложил мне специализацию по анестезиологии и реанимации, на которую я охотно согласился, и прошёл её в Ростовском медицинском институте. Вернувшись, я организовал этот вид медицинской помощи в Вёшенской ЦРБ, так как к этому времени была уже получена и специализированная анестезиологическая аппаратура. Таким образом, с марта 1969 года в Вёшенской ЦРБ полостные, а также экстренные и плановые операции стали проводить под общим наркозом. В результате повысилось качество проводимых операций.

В этом была неоспоримая заслуга Михаила Александровича Шолохова. Это не афишировалось, и даже многие врачи, не говоря уже о больных, ничего об этом не знали. Позже, общаясь с Лидией Петровной во время её лечения, я узнал, что она готовила письмо по указанию М. А. Шолохова в Ростовский облздравотдел о выделении Вёшенской больнице анестезиологическо-реанимационного оборудования.

В народе говорят: «Добро делаешь, добром и аукнется». Так случилось, что Лидия Петровна заболела, и ей срочно потребовалась полостная операция, да под наркозом. Отправлять её в другое лечебное учреждение или в Ростов не позволяли время и

её состояние. Решили оперировать в Вёшенской ЦРБ, так как необходимое анестезиологическое оборудование уже было и врач-анестезиолог в моём лице тоже. Полостная операция под общим наркозом прошла успешно, без осложнений. Правда, оперировал её не местный хирург, а вызванный из Ростова самолётом заслуженный профессор Коваленко. Лидия Петровна была очень благодарна команде медиков, участвующих в её лечении, а мы были счастливы и рады её выздоровлению.

В 1968–1970 годах в Вёшенской ЦРБ работали хирурги-виртуозы, активные участники Великой Отечественной войны: Лев Дмитриевич – ветеран медицины, спасший

*Врач-анестезиолог В. В. Семенов
готовит наркозный аппарат к операции*

многие жизни во время войны; Владимир Николаевич Синявский, также участник войны, высококлассный специалист, любимец больных; хирург от Бога Геннадий Журавлёв – серьёзный обходительный человек. Честь и хвала им за их бесценный труд по спасению больных. Мне пришлось с ними работать в качестве анестезиолога. Для них это было большое облегчение, особенно при проведении экстренных операций. Они это ценили, и я с чувством величайшего уважения и благодарности относился к ним. В историю больницы они заслуженно вписали свои имена.

В одно из очередных посещений, связанных с курсовым лечением М. А. Шолохова, он поинтересовался о моих планах на будущее. Я сказал, что хотел бы окончить аспирантуру с намерением потом заниматься научными изысканиями, для чего, естественно, в больнице возможности небольшие. Михаил Александрович внимательно выслушал и с присущей ему добродушной улыбкой сказал: «В жизни нужно прислушиваться к простым людям. В их умах находится кладёз знаний и мудрость, а в данном случае они сказали бы: от добра добра не ищут; на месте и камень обрастает. Любимая работа, накопленный практический опыт порой приносят пользы и удовлетворения большее, чем защита диссертации. Наши станичники – народ работающий, мудрый и хлебосольный. Добром отвечают всем, кто к ним с добрыми намерениями приходит. Любят весёлые праздничные гуляния, сопровождающиеся разноголосым пением старинных песен. В осенние и весенние праздники станицы Дона перекликаются в песенных хороводах, состязаниях, плясках. Возможности охоты и особенно рыбалки великолепны».

Слушая его, я видел по выражению лица, как он любит свой народ, свой край с его неповторимой красотой. Немного помолчав, не спеша набивая табачком свою любимую курительную трубку, он продолжал: «Как-то однажды перед войной было весеннее половодье. Дон разлился так широко, что подобного даже старожилы не помнили. Потом

вода резко пошла на спад. В такие времена у рыбаков всегда бывал хороший улов. Четверо моих станичников и я решились на весеннюю рыбалку сплавать. Всё поначалу складывалось удачно. Хотя весенняя холодная вода, бурное течение в Дону и его затомах заставляли рыбаков всегда помнить о своей безопасности. Собрали хороший улов, пора бы отправиться и восвояси, да захотелось всем (азарт) ещё раз забросить сеть на устье затона. Место очень уж рыбное, все мы об этом знали. Забросили, протянули. Стали выбирать сеть с рыбой и складывать в лодку. Рыбы действительно попало больше обычного. Я на вёслах, два моих приятеля изо всех сил выбирали сеть. Вдруг сеть резко ослабла, и на поверхности воды у борта лодки появилась огромная спина, потом голова громадного сома. В мгновение сом окинул нас злым взглядом, а потом резко ударил своим могучим хвостом по воде, окатив нас всех холодной водой, и с бульканьем, не торопясь, стал погружаться под лодку. Мои приятели от такого неожиданного исхода попадали в лодку. Спихнувшись, все мы втроём бросились к одному борту. Схватившись за сеть, начали её тянуть с надеждой вытащить сома. Но в это время почувствовали сильный толчок в дно лодки, от которого она накренилась, и мы все втроём вмиг оказались в холодной воде Дона. Тут нам было уж не до сома, как бы самим выбраться из этой жуткой ситуации. На наше счастье до берега было недалеко, и рыбаки со второй лодки быстро помогли нам выбраться из воды. Изнеможённые, стуча зубами от холода, добрались до берега. Судьба миловала нас, и, поняв, что спаслись, мы разразились радостным смехом, от которого на душе стало теплее. Сом, конечно, ушёл, но мы были очень довольны и счастливы, что так всё благополучно обошлось. Естественно, об этом случае условились между собою молчать. Это пример того, что иногда азарт и необдуманные действия в погоне за чем-то могут закончиться большой неприятностью. Но даже и в таких случаях удача будет у того, кто находится в своей родной среде, как говорится – в своём

доме и стены помогают».

В одно из очередных посещений в беседе за чаем мне запомнилась рассказанная М. А. Шолоховым одна очень жизненная байка.

«Шёл рыбак с рыбалки. Удача улыбнулась ему. Поймал он крупную, редкой красоты серебристо-зелёную щуку. Счастливый, дошёл до развилки дорог. Одна шла через дремучий бор – короткая, другая петляла через луговину, в два раза длиннее. Задрав голову вверх, увидел: на обгорелом от молнии дереве сидит любопытная хитрая ворона. Она заметила счастливого рыбака ещё вдалеке и спокойно наблюдала за ним. "Куда же пойдёт рыбак?" – думала ворона. Рыбак, похваляясь, помахал вороне щукой и в задорном настроении, посвистывая, пошёл короткой дорогой. Ворона прокаркала: "Шагай, шагай, дуралей! Будет у нас с лисой отменный ужин сегодня". Протяжно прохрипела, "дав знать" лежащей под кустом в бору голодной лисе, а сама сорвалась с дерева и стала выписывать кренделя в воздухе, сопровождая рыбака. Вечерело. Багряно-красные лучи заходящего солнца играли разноцветными бликами в верхушках деревьев, создавая иллюзию райского сада. Радужные мечты овладели сознанием рыбака. Увлёкшись "танцующей" вороной и сказочной лесной красотой, рыбак размялся и увидел там райских птиц в женском нагом облике. Такое воображение взбудоражило его кровь и плоть. Сердце его затрепетало, как в юности. Неведомая сила тянула его туда. Ему уж очень хотелось райского наслаждения, и он, не раздумывая, резко ускорил шаг. Да только споткнулся о лесной корень и кувыркнулся в глубокую лесную яму, образовавшуюся от вывороченного бурей дерева. Очухался. Нет райского сада. Нет певчих с женской красотой. И щука ведь была, да куда-то уплыла. Кругом тьма лесная да голова больная. Часы лесные час пробили, лиса с вороной щуку разделили. Рыбак из ямы шлёт привет, давая людям свой совет:

Не лови ворон, не хлопай ушами.

Ворона прямо летает, да дома не бывает.

От добра добра не ищут.

Пришла беда – закрывай ворота и жди другую.

Удачей не хвались, а с бедным другом поделись.

Мечты и грёзы приносят слёзы.

Соблазнов избегай, не искушайся и не искушай других.

Начиная любое Его Величество Движение, выбери безопасную дорогу.

Не глазей, дуралей, а гляди под ноги.

Умный яму обойдёт, домой в здравии придёт.

Заветы эти будешь знать – получишь Божью благодать».

Эту поучительную байку Михаил Александрович рассказывал с характерной для него улыбкой, с хитринкой в глазах, не торопясь, с выражением, давая собеседнику время вникнуть в суть и ценность сказанного. Такое его изложение комментариев не требовало, а создавало впечатление об общении с умным, талантливым и в то же время простым и обходительным человеком.

Михаил Александрович любил народный фольклор, часто употреблял в своей речи народные поговорки и пословицы, рассказывал мудрые, ёмкие, к месту сказанные анекдоты. Он никогда не прерывал собеседника, давая возможность ему высказаться. Речь его была неторопливой, но слова подбирал ёмкие, с глубоким смыслом, подчёркивая главную цель сказанного.

Любознательность, тактичность, добродушие и гостеприимство всегда сопровождали его. Он был оптимистом по жизни, с верой в справедливое социалистическое будущее народа.

В общей сложности я посетил его с лечебной целью шесть раз. Результаты лечения от проведённых процедур были внушительные. И в этом была не только моя заслуга, но и его, так как он чётко и последовательно выполнял все рекомендации и назначенные процедуры. Врачебной помощи ему уже не требовалось, дальнейшее профилактическое лечение он мог принимать самостоятельно. Объём и методики мы с ним обговорили. Я поблагодарил его за

терпение и содействие в лечении, взял свой медицинский чемоданчик и собрался уходить. Открылась дверь, и в комнату, здороваясь со мной, вошла Лидия Петровна. В руках у неё была объёмная книга. Она передала её Михаилу Александровичу, и он, улыбаясь, протянул её мне со словами: «Это одно из первых изданий “Тихого Дона” в одной книге. В этой книге заложен мой пятнадцатилетний писательский труд. Самые молодые годы ушли на создание этой книги. Я благодарен вам, доктор, за успешное лечение и прошу принять от нас эту книгу в знак благодарности».

Не ожидая такого исхода, я в растерянности принял книгу и поблагодарил их за столь ценный подарок. Обменявшись тёплым рукопожатием, я вышел из комнаты в сопровождении Лидии Петровны. Чёрная «Волга» быстро доставила меня на место работы.

Все, кто неоднократно бывал дома у М. А. Шолохова, единодушно отмечали его хлебосольность, щедрость и гостеприимство. В этом мне пришлось убедиться и самому.

Однажды, в одно из дежурств по больнице, где-то в двенадцатом часу ночи мне позвонили из дома М. А. Шолохова. Ему требовалась срочная медицинская помощь. Взяв необходимые лекарства и медицинские принадлежности, я на дежурной машине «Скорой помощи» прибыл в усадьбу писателя. Дежурный милиционер проводил в дом. Встретила меня его жена Мария Петровна. Она была встревожена его состоянием и рассказала, в чём суть болезни. Проводив меня в комнату к больному, сама вышла. Михаил Александрович лежал на диване. Увидев меня, встал, грустная улыбка скользнула по его лицу. Он протянул руку, мы поздоровались. Я понимал его мучительную боль и общее тяжёлое состояние, но он бодрился, пытался шутить. Я попытался успокоить его, помог лечь на диван и проинформировал о лечебных мероприятиях. Он одобрительно кивнул головой. Я быстро набрал в шприцы необходимые лекарства, сделал ему две внутримышечные инъекции и сказал, что сейчас он почувствует облегчение.

Михаил Александрович заулыбался и сказал, что острая боль уже отступает. Приготовив все необходимые медицинские принадлежности, успокаивая его, плавно и нежно провёл медицинскую неотложную манипуляцию. Выполнял её по специальной методике с добавлением местной анестезии, процедура прошла быстро и безболезненно. Бледно-серый цвет его лица исчез, щёки порозовели. Почувствовав такое облегчение, он стал отпускать шутки и сказал, что так удачно ему ещё никто не делал такую процедуру. Я спросил: «А что, это у вас не в первый раз?» Он ответил: «Да уж, не впервой. Врачи предлагают операцию, но я никак не соберусь, да, честно признаться, и не решаюсь пока».

Я, как мог, ненавязчиво подтвердил мнение врачей, что операции, по-видимому, не избежать. В дверь постучали. Михаил Александрович сказал: «Войдите». Дверь открылась, и в сопровождении Марии Петровны быстро вошёл взволнованный и возбуждённый семейный врач-терапевт В. Т. Корноушенко. Он засыпал Михаила Александровича вопросами о самочувствии, упрекнул, что не обратился раньше к нему, а терпел до ночи и т. д. Михаил Александрович спокойно выслушал, кивая головой, потом, широко улыбаясь, успокоил его, сказав, что всё хорошо, что хорошо кончается, и что чувствует он себя сейчас прекрасно. Несмотря на это, врач померил ему артериальное давление, прослушал его, провёл обследование внутренних органов и остался доволен его общим состоянием, хотя и дал несколько советов-рекомендаций, которые Михаил Александрович обещал выполнять. Пока проходил врачебный осмотр М. А. Шолохова, я уложил в сумку медицинские принадлежности с намерением уйти. Увидев это, Михаил Александрович показал мне на стул рукой, чтобы я присел, что я и сделал. Открылась дверь, и в комнату вошла улыбающаяся Мария Петровна с подносом в руках. Она поставила его на стол. Михаил Александрович сделал ей какие-то знаки, она вышла, а нас он пригласил к столу. Через пару минут она снова вошла и поставила на стол приборы и

напитки. Находясь в хорошем настроении, она пожелала нам приятного аппетита и оставила нас. Увидев все эти приготовления на столе, Владимир Трофимович попытался отказаться, ссылаясь на то, что уже первый час ночи, что больному нужно отдохнуть. Михаил Александрович посмотрел на него с укоряющей улыбкой, и дальнейшее сопротивление было бесполезно. Мы расположились за длинным овальным столом старинного стиля. Михаил Александрович в центре, я справа от него, Владимир Трофимович слева. Несмотря на ночное время, Мария Петровна накрыла изумительно хлебосольный стол. На круглой цветастой тарелке красовался тонко нарезанный ароматный донской белый хлеб. Рядом с ним овальное блюдо с чёрной зернистой икрой. Далее стояло блюдо, украшенное зеленью, с чёрными маслинами и осетриной горячего приготовления. Кроме этого, стояли два блюда на ножках с овощами и фруктами. Из напитков был домашний хлебный квас и несколько бутылочек (150–200 граммов) французского коньяка с названием «Мартель». Михаил Александрович налил в хрустальные ребристые рюмочки объёмом 30–50 граммов коньяка и предложил выпить за мою персону и новые методики в медицине, которые позволяют избавлять пациентов от мучительных болей. Потом, подумав, продолжал: «Я уверен, что через тридцать-пятьдесят лет в медицине произойдёт колоссальный прорыв. Многие сердечные, онкологические, мочеполовые и другие заболевания перестанут быть смертельным приговором для больных. В нашей стране созданы и продолжают создаваться все необходимые условия для развития медицины. Молодые, качественно обученные врачи будут доступны для населения даже небольших населённых пунктов и станиц. На пленуме ЦК КПСС, на котором я недавно был, принята широкая и объёмная социальная программа по медицинскому обеспечению и оснащению новейшей медицинской аппаратурой всех уровней медучреждений. Это даст возможность качественно улучшить профилактическое направление в медицине. Лучше предупредить

болезнь, чем её лечить. Только вот без “неотложки”, думаю, ещё многим поколениям не обойтись. Вот за неё – нашу спасительницу – мы и выпьем!»

После чего он предложил закусывать, как он выразился, «чем Бог послал». Я взял кусочек белого душистого хлеба и кончиком ножа стал наносить на него икру. Михаил Александрович усмехнулся, увидев мои действия, взял ложку и сказал: «Икру надо есть ложкой, а не ножом». Подавая мне ложку, продолжил: «Бери ложку, накладывай себе на тарелку и кушай ложкой, не стесняйся, это нормально». Владимир Трофимович, видя мою растерянность, успокоил меня: «Да, да, Виктор Владимирович, ложкой кушай икру, у Михаила Александровича по-другому нельзя!»

Я последовал его совету. Михаил Александрович дал возможность нам закусить, налил по второй рюмке. Владимир Трофимович предложил тост за здоровье и гостеприимство хозяина дома. Выслушав и поблагодарив, Михаил Александрович добавил: «За здоровье пьют на праздниках, а в нашем случае надо выпить за здоровье, чтобы выпитая рюмка сняла напряжение, повысила настроение, одним словом, пошла на пользу каждому из нас. В этом и заключается смысл тоста “На здоровье”».

Мы обменялись хрустальным звоном и выпили. Михаил Александрович предложил отведать осетрины, сказав, что она очень свежая, накануне выловлена и по-домашнему приготовлена. Это было действительно изумительно вкусно, тем более что мне до этого подобного пробовать не приходилось. Вторая рюмка сняла у меня напряжение, и я чувствовал себя в беседе уже свободно. Семейный доктор предложил заканчивать ночную трапезу, по случаю чего Михаил Александрович наполнил третий раз рюмки. Я поблагодарил его за щедрость и гостеприимство и выразил надежду, что «скорая» ему больше не понадобится, ну а если всё-таки придётся, то мы всегда в любое время рады оказать неотложную помощь. Тепло и дружески обменявшись рукопожатиями, мы вышли из дома

в сопровождении Михаила Александровича, и я уехал в больницу продолжать дежурство.

В дальнейшем в связи с особыми сложившимися жизненными обстоятельствами я перевёлся на работу в другой город. Связь с жемчужиной донского казачества станицей Вёшенской у меня прервалась. Но даже те немногие встречи с М. А. Шолоховым, которые мне подарила судьба, оставили в моей памяти приятные и познавательные впечатления как о человеке мудром, высокообразованном, обходительном, с гениальным талантом писателя XX века.

В свободное от работы время я неоднократно любовался донскими пейзажами с крутых берегов реки, красота которых менялась в разные времена года. Столетия, как вихри, проносились над донскими просторами. Эпоха тюрков-гуннов сметалась половецкими нашествиями. И те, и другие топтали копытами своих лошадей донскую степь. Эхо от их топота далеко разносилось по степным просторам. Со временем налетевшие с востока пёстрые могучие лавины монголо-татарских орд, которые также были временщиками на этой благодатной земле, смели и их. Все эти империи были обречены, так как они несли разорение, рабство и смерть вместо созидания. И только вольные и трудолюбивые русские казаки овладели степными просторами Дона и превратили их в цветущий и благодатный край. Донские степи стали для них малой родиной и привязали их своими корнями навечно к донской земле. Европейское нашествие в лице немецкого фашизма на свободолюбивый российский народ под флагом лживой демократии закончилось для них так же плачевно. Широкие донские степи, как океанские волны, остановили варваров-пришельцев и сгноили их в степных просторах. Казацкий уклад жизни, их неповторимая культура и патриотизм создали благоприятные условия для рождения талантов. Одним из таких целебных родников, пробившихся на донской земле, явился миру в лице гениального писателя Михаила Александровича Шолохова. **А**

Виктор СЕМЕНОК

«Моя вторая Родина – Тамбов...»

К 80-ЛЕТИЮ ПОЭТА И ЖУРНАЛИСТА ЕВСТАХИЯ НАЧАСА

УЖЕ МНОГО ЛЕТ ИЗВЕСТНО В НАШЕМ КРАЕ И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ ИМЯ ПОЭТА И ЖУРНАЛИСТА ЕВСТАХИЯ НАЧАСА. ЛЮБИТЕЛИ ПОЭЗИИ ВСЕГДА ЖДУТ ЕГО СТИХИ, А ГЛУБОКИЕ ПО СОДЕРЖАНИЮ, НАПИСАННЫЕ ХОРОШИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ СТАТЬИ, ОЧЕРКИ, РЕЦЕНЗИИ НАХОДЯТ ОТКЛИК У ЧИТАТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ.

Евстахий Ярославович родился 20 июня 1940 года на Украине, в селе Ярчевцы Тернопольской области. В 1962 году, после службы в армии, он приехал в Тамбов, стал студентом историко-филологического факультета Тамбовского государственного педагогического института (ныне – ТГУ имени Г. Р. Державина). К этому времени относится начало его журналистской и поэтической деятельности. Первые его стихотворные строки были опубликованы в многотиражной газете «Народный учитель». Уже тогда они привлекали искренностью, новизной, поэтической образностью, тонким лиризмом и высокой гражданской ответственностью:

*Я был рабочим и солдатом
И помню запах кирпича.
Горжусь спецовкой и бушлатом
С худого юного плеча.
Таков закон, так мир устроен:
Когда вокруг ворожья рать,
Всё, что для Родины построим,
Надёжно надо защищать.*

Голос поэта с каждым стихотворением становился всё уверенней. Автора отличала душевная приподнятость, свойственная человеку, которому надо видеть и слышать больше, чем другим. Стихи о ровесниках, стремившихся своими руками строить новую жизнь, о высокой любви, помогавшей выжить в самые трудные моменты, не могут не тронуть сердце читателя: ему близко ощущение мечты, которой живёт поэт, идущий в ногу со временем.

Первый сборник Евстахия Начаса «Солнечные ветры» вышел в Воронеже в 1976 году. В нём – жизнь автора, его сверстников, в нём – отражение событий, происходивших в стране. С беспокойством пишет поэт о судьбе человека, живущего не по совести, не знающего, какое это счастье – делать добро:

*Есть дни, что прячут свет и окоём,
Есть ночи, что нам совесть просвещают:
Пока друг друга мы свободно бьём,
А надо жить, друг друга защищая.*

Немало стихотворений и поэм посвятил Евстахий Начас Украине и России – это

его «две матери великих», которых он не устаёт благодарить и воспевать. Его книга «Зимний листопад» (1981) открывается знаменательными строчками:

*Два полюса магнитных у планеты,
Две матери великих я люблю.
С одной делил росистые рассветы,
С другою дни метельные делю.*

*Мне по душе тамбовские долины
И над Днепром литые зелена.
Меня брала за руку Украина,
Россия в люди вывела меня.*

В этом сборнике много лирических стихов, проникнутых духом единения двух славянских народов. И до сих пор они звучат современно, потому что, как пишет поэт, «У Родины адрес один: / Та земля, где тепло от рябин...»

Пятый выпуск серии «Поэтический Тамбов» – это сборник Евстахия Начаса «Снегопад» (2010). Здесь читатель встретит и знакомые стихи, и новые. Многие были напечатаны на страницах газет «Тамбовская жизнь», «Наедине», в журнале «Подъём», в «Тамбовском альманахе».

В венке сонетов «Я в России прописан...» автор с убеждённостью поэта и гражданина говорит: «Отечество себе не выбираем, / Подобным выбиралам – грош цена. / Прародина и родина вторая / Слили в словах – родимая страна...»

В этом произведении поэтически осмыслена история Тамбовщины, названо много связанных с нею имён: «Здесь Боборыкин вёл своих стрельцов»; «Здесь для Отечества служил Державин»; «Здесь жил поэт Евгений Баратынский»; «У Вечного огня цветы алеют».

С любовью описана природа, вдохновляющая всех, в ком есть искра творца: «Над Цной синеет узкая тропинка»; «Висят дождевики, крупные, как бусы»; «Над площадями носятся стрижата»...

И всё это – «Моя вторая родина – Тамбов»:

*Тамбов растёт с рассвета до заката,
И веки обновления – во всём,
А стал ему фундаментом когда-то
Непаханный весенний чернозём.*

С какой теплотой, сердечностью говорит поэт о Тамбове – городе, куда он приехал молодым человеком, окончил здесь институт, стал поэтом и журналистом. Здесь он встретил свою любовь. В Тамбове родились дочь и внуки. И по прошествии стольких лет Евстахий Начас не утратил юношеского чувства влюблённости и искренней благодарности городу, сыгравшему значительную роль в становлении личности поэта и гражданина.

*Есть город посреди равнины русской,
В туман «едва проглядывает Цна».
Из смешанного леса тропкой узкой
Сюда приходит утром тишина.*

*Над парком Дружбы вьются грачи стаи,
И росы пьют на клумбах соловьи,
И Лермонтов на скромном пьедестале
У перекрёстка двух дорог стоит.*

*Искать на карте мне не надо точку.
Он в моём сердце обозначен точно
Без разных параллелей и кружков,
Весной вишнёвым светом осиянный,
Многоэтажный, древний, деревянный,
Моя вторая родина – Тамбов.*

Особенность стихов Евстахия Начаса ещё и в том, что он насыщает их не только историческими личностями, связанными с нашим краем, но и образами современников, которые сыграли немаловажную роль в судьбе автора, их имена заметны на литературной карте области: Майя Румянцева, Георгий Ремизов, Геннадий Якушенко, Геннадий Попов. В стихах-посвящениях поэт стремится донести до читателя их глубинно человеческие качества, которые просматриваются и в произведениях этих авторов...

Важное место в творчестве Евстахия Начаса занимает тема Великой Отечественной

войны. Он родился за год до её начала и по рассказам мамы знает, что семья жила в землянке, где «таилась сырая тишина»:

*Землянка детства скрылась под травой,
Но мне она по-прежнему видна.
А мать моя состарилась вдовою,
И у меня, как иней, седина.*

С сыновней любовью пишет Евстахий Начас о вдовах России, о выпавших на их долю страданиях. Но, несмотря ни на что, они растили детей, вместе со страной переносили военные и послевоенные тяготы. В «Балладе о вдове» поэт пишет о том, что «её печаль неизлечима», и, даже получив похоронку, вдова продолжала ждать любимого: «И рушниками украшала / Солдатский выцветший портрет».

Женщинам, оставшимся без мужей, приходилось, помимо всего, терпеть сплетни, людские наветы, потому что не все оставались верными находившимся на фронте бойцам, некоторые, как говорит автор, были «не вдовами, а вдовушками», и легкомысленное поведение одной давало повод думать нелестно обо всех:

*Я знаю – много есть названий,
Хитра на выдумки молва.
Но, точно воинское званье,
Произношу всегда: «Вдова».*

Мысли о страданиях Отчизны не покидают поэта. Особенно остро он ощущает причастность ко всему, что происходило и происходит в стране, когда приходит на Соборную площадь к монументу Славы, где «На берёзе, высокой и белой, / Проступают мазки черноты, / Словно кто-то рукой неумелой / Наложил торопливо бинты».

На этой священной площади Тамбова вспышками огня приходят воспоминания о военном детстве:

*Я стою с обнажённой душою,
И цветы обжигают ладонь.*

*И, похожий на сердце большое,
Здесь пульсирует Вечный огонь.*

Глубокими раздумьями о судьбе Родины, о смысле жизни наполнены стихи Евстахия Начаса. Читая их, чувствуешь, что автор – зрелый поэт и гражданин, осознающий своё предназначение, стремящийся передать поэтическим словом всё, чем богат: красоту, доброту, восхищение человеком и природой, преданность и верность в любви и дружбе. Поэт словно растворяется в природе, сердцем чувствует каждую травинку, каждое дерево – всё такое родное и близкое, что представить себя без этого невозможно:

*Есть глубокий подтекст у дубового шума,
В этом я среди дел убедился давно.
Это чья-то высокая мудрая дума,
Что не мне, а другим разгадать суждено...*

Творчество Евстахия Начаса отличают широта тематики, духовность, открытость души лирического героя, бережное отношение ко всему, что его окружает. Его стихи – это широкое поэтическое полотно, в центре которого Любовь – как спасение от всех бед и напастей:

*А окоём пугает неизвестностью,
Мы на каком-то чёрном рубеже...
Лишь только ты своей святою нежностью
Мне помогаешь свет хранить в душе...*

В этом ещё и ещё раз убеждаются читатели, знакомясь с новыми стихами поэта. Светлыми чувствами светлого человека Евстахия Начаса наполнен один из последних его сборников – «Небесный знак», изданный в Тамбове в 2015 году. Читаешь книгу и думаешь: никакое другое название не подошло бы к ней, кроме этого – «Небесный знак»: это поэтическая исповедь, где каждая строка наполнена чувствами, возвышающими душу...

Валентина ДОРОЖКИНА

Зинаида КОРОЛЁВА

Военные годы, о как вы длинны...
Девчонки, девчонки – пылинки войны:
И в слякоть, и в стужу спасали солдат,
И виделся в каждом отец или брат.
Сёстры, сестрички, себя не жалели,
Про боль забывая, песни пели.

Вы были повсюду, во всех родах войск,
Тепло всем дарили, уют, женский лоск.
Хватало силы водить самолёты –
Вами гордились мужчины-пилоты.
И взгляды теплели бывалых солдат,
Подставить плечо вам был каждый рад.

И грубость забыв, родных вспоминали.
Их мысли летели в дальние дали.
И нежно звучало: «Сестричка! Сестра!»
И вы шли на помощь с утра до утра.
Девчонки, девчонки – пылинки войны.
Военные годы, вы были длинны.

Девчонок военных в живых почти нет,
Но видим в кадрах военных кинолент,
И в памяти нашей, на страницах книг
Вы живые всегда! И слышен наш крик:
«Девчонки родные, пылинки войны,
Мы запоем вас! Вы всегда нам нужны!»

Вера Гавриловна ДИДЕНКО
21.09.1921–13.12.2013

Чем больше разговариваю с Верой Гавриловной, читаю её письма, воспоминания, тем всё яснее понимаю, что промолчать, не написать о ней я просто не имею права – ведь в своих письмах она вспоминает не только свою жизнь, а целого военного поколения, тех, кто волею судьбы оказался рядом с ней. И всё чаще думаю, почему в её присутствии не слышно

было мата, ругани, а пожилые солдаты ласково называли её «дочка»? И вдруг поняла, что она той пощёчиной бравому и слишком самоуверенному красавцу лётчику за то, что хотел обнять её в коридоре, поставила себя в особый ряд, когда каждый понимал, что она не позволит себя обидеть.

А она в ту пощёчину вложила всю свою обиду на лётчиков, ради полётов которых в 1941 году в их колхозе на неубранном поле элитной зимней пшеницы «Лютенс-62» начали строить аэродром. Она с председателем Райзо Зверевым умоляла подождать недельку или 2–3 дня, чтобы убрать пшеницу, – урожай предполагался отменным. Но лётное строительное начальство было неумолимо. От бессилия Вера убежала на Ярославское водохранилище, только что завершённое при её непосредственном участии. Но тревога за поле не давала покоя. Возвращаясь, она ещё издали увидела технику, укатывающую пшеницу и заливающую поле бетоном. На краю поля стоял председатель Райзо, по лицу которого текли слёзы. И вот тогда у неё зародилась яростная нелюбовь к лётчикам. Могла ли она предположить, что через год ей придётся служить в авиационных частях? И когда балагур, весельчак протянул руку к симпатичной девушке, чтобы обнять её, то получил увесистую пощёчину.

Слух об этом разлетелся по всей дивизии. А она в тот момент шла по коридору, раскрасневшись, ожидая, что вот сейчас её арестуют, ведь он офицер, а она простой солдатик. Зашла в операторскую комнату и буквально упала на стол со своим аппаратом-номерником. Следом за ней зашёл комроты Мицкевич, сказал взволнованно: «Правильно, Верочка, не давай себя в обиду!» Заступился командир за своего солдата – девчонку, а тот лётчик больше не встречался на её пути. Так кто же она, эта хрупкая девчонка, сумевшая постоять за себя, не испугавшаяся ни штрафбата, ни трибунала?

Вера Гавриловна Диденко-Краснослободцева родилась в селе Каменный Брод Дегтянского района Тамбовской области. Война застала Веру в Мичуринске, где она училась

в сельскохозяйственном техникуме, мечтала разводить сады в Сибири и их цветением украшать этот суровый край, и чтобы обязательно там росла сирень и приносила радость сибирякам. Но мечте её не суждено было сбыться – началась война.

Вера Гавриловна вспоминает: «Слово “война” подействовало на нас шокирующе, мы молча собрались все в одной комнате, как стадо овец, когда к ним врывается волк. Во второй половине дня нам выдали дипломы, мальчишек строем повели в военкомат, а мы поехали на работу по направлениям. Я начала свою трудовую деятельность в Никифоровском районе в должности мелиоратора – сажали лесополосы, строили пруды, которые существуют и сейчас». Пришёл приказ сажать сыксагыз, который шёл на изготовление каучука. Лучшие чернозёмные поля отвели под эту культуру, а ему-то нужны были песчаные. Верочка переживала, что на целый год были выведены из оборота плодородные земли.

Война страшной вестью больно ударила по семье Веры, отняв самого дорогого для них человека: 31 декабря в боях под Курском погиб отец, политрук Гаврила Никифорович Краснослободцев. Он был бойцом легендарной армии Котовского. После Гражданской был одним из организаторов сельского хозяйства на Тамбовщине. После объявления войны он ушёл на фронт, попав в самое пекло, когда враг упорно наступал, а наша армия откатывалась назад, оставляя после себя тысячи погибших солдат. И вот семья осталась без кормильца, без отца, на которого равнялись все члены семьи, особенно старшие дети – Вера и Василий.

И уже весной следующего года Вера ушла на фронт. Она вспоминает: «1 апреля 1942 года многим девчатам в районе выдали повестки, а меня не отпускают с работы. Все девчата уехали, а за мной прибежал сам военком и отправил товарняком – нас призывали в спецшколу, а я немного знала немецкий язык. В Мичуринске присоединилась к группе девчат. На нас оформили документы, накормили, одели в мужские кальсоны и галифе, которые мы подвязывали верёвочкой, дали обмотки и огромные

солдатские ботинки. Косы всем отрезали, непривычно стало на себя смотреть. В таком одеянии нас и отправили в город Елец в школу № 65 ОБВНОС (особый батальон воздушного наблюдения). Я училась на кодировщицу. Более опытная Тоня Бабочкина (1911 года рождения) учила нас всем армейским премудростям. Жили мы в большом здании на втором этаже, спали на двойных нарах. А на строевых учениях мы буквально мучились – ноги выскакивали из ботинок, обмотки разматывались, ложка из-за обмоток всё время терялась, котелок никак не хотел ладить с кружкой, стучались друг о дружку и иногда тоже терялись. А останавливаться нельзя, надо бежать вперёд. Мы еле несли тяжёлые винтовку и противогаз, а надо было бежать к цели и “сражаться” с соломенными чучелами. Всё время хотелось сладкого, а нам вместо этого выдавали ежедневно по сто граммов спиртного и махорку.

И вот однажды в ночное дежурство я оформила стенгазету, а потом взяла и написала письмо Сталину с просьбой поменять махорку на сахар, а спирт – на шоколад. Утром девочки встали, прочитали мою писанину и все до единой подписались. Письмо с балкона бросили проходившей женщине (у нас не было свободного выхода).

А вечером меня вызвали в политотдел и приказали в шесть утра принимать информацию и передавать всем. Из Москвы пришёл приказ – выдать нам новую форму и другой паёк. После завтрака мы с девочками пошли на швейную фабрику, где нам должны были сшить новую военную женскую форму, а на обувной фабрике – обувь. Вскоре мы были красиво одеты и обуты и перестали быть похожими на чучела. И с того же времени нам вместо спиртного и махорки стали давать шоколад и сахар кусковой с голубым отливом.

Мы дежурили на командном пункте, расположенном в здании собора: входили в тяжёлую боковую железную дверь, долго спускались вниз по каменной лестнице. Там располагались все телефонисты и я – кодировщица. Немцы часто бомбили город, особенно старались попасть в собор, но при мне ни одна бомба

не упала даже рядом. Затем нас перевели в Липецк, там мы тоже дежурили на КП.

Запомнилось общедивизионное комсомольское собрание, проводимое в Ельце. Делегаты были из Задонска, Липецка, Грязей. Назад собрались ехать – у вокзала тревога. Все побежали в поле, а “юнкеры”, как на охоте, за каждым гонялись. Из десяти нас половина осталась. На попутной машине доехали до Задонска, а оттуда пешком до Липецка топтали. Нас три девчонки были – Вера Карева, Каданцева Ксения и я. В Липецке тихо, спокойно, а потом “мессер” налетел – мой аппарат прямой связи в угол отбросило, а меня не задело. Наша рота в верхнем санаторном парке стояла.

Пришлось мне служить и в Воронеже, и в родном Тамбове. Рядом с домом была, а так и не побывала там. Наш наблюдательный пункт находился в подвале здания на углу улиц Державинской и Советской. Дежурили вдвоём с лейтенантом Милюшиным, бесперебойно, с наушниками, то он, то я. Напряжение невероятное. 1 января 1944 года пришёл майор и отпустил нас побродить по городу, разрешил сходить в кино (у нас же закрытый режим). Вышли мы и ошалели от белого пушистого снега. Лейтенант в шутку и толкнул меня. Я упала и вывихнула ногу. Наложили гипс, но я всё равно продолжала работать. В феврале меня отправили сначала до Москвы. Капитан посадил в купе и ушёл. А в купе одни моряки. Они дали полную авоську оранжевых фруктов. Сказали, что это апельсины. А я их видела впервые и не знала, что с ними делать. Так и довезла их до конечного пункта – с Москвыехала до Харькова. Там переодели из валенок и ватных брюк в сапоги и юбку. А конечным пунктом была станция Основа. На станции встретили два сержанта с автоматами, приказали идти след в след и ни шагу в сторону. Оказалось, что территория была ещё не разминирована. Позже узнала, что они с родной Тамбовщины. Офицер, встретивший меня у домика в военном городке Веприк, только что похоронил сына, подорвавшегося на mine.

Меня уже ждали. В маленьком домике стояли кровать, столик и на нём мой аппарат –

номерник. Там я и работала, и спала. Так с 22 февраля 1944 года началась моя служба в 9-м гвардейском Краснознамённом авиационном полку дальнего действия 7-й Краснознамённой авиационной дивизии. Дальнейший путь был: Умань, Веприк, Белая Церковь, вновь Умань. Когда располагались подо Львовом, там очень зверствовали бандеровцы. Было убито 14 человек из службы ПВО. Среди пострадавших были мои друзья, с которыми я служила в Липецке: капитан Мицкевич, мой бывший сменщик Гуляев, Ксения Каданцева (она будет тяжело ранена, отнимут ногу, но она с протезом вплоть до пенсии будет работать бухгалтером). Тогда наши лётчики поднялись в воздух целой эскадрилей и базу бандеровцев в лесу сровняли с землёй. После этого нападения на лётчиков и диверсии на аэродромах прекратились.

В Веприк перелетели самолёты 9-го гвардейского полка АДД, который ранее базировался в нашей области, в Платоновке. Я подружилась с лётчиком из города Рассказово Андреем Акимовичем Лакомкиным. У него в Рассказове осталась семья – жена и сын. После войны он свою дочь назвал Верой. Мы дружили семьями до самого его ухода. Там же встретила Диденко Фёдора Никитовича. Лётчики строем проходили мимо моего домика в столовую. А впереди них шёл настоящий волчонок Дутик. Он привык подниматься по ступенькам моего домика и слизывать с руки кусочек сахара. Потом, при дислокации в Киев, его отдадут в Харьковский зоопарк.

По роду моей службы секретные документы проходили через меня, поэтому весь личный состав полка я знала. Знала, конечно, и о Диденко. Впервые я познакомилась с ним в Липецке, когда он вместе с Кравченко, участником боёв в Испании, командиром отдельной истребительной эскадрильи, приезжал за получением ключа к секретному коду. Иной раз ключи меняли часто. Но однажды, вне плана, возле наших окон остановился “студебеккер”. В нём было много авиаторов: Кравченко, Диденко, Жирёхин Володя. Они возвращались с рыбалки. И кричат мне: “Верочка, а сом с тебя ростом!” И действительно, рыбы такой величины я больше не видела.

Мицкевич, его жена Валя, мой сменщик пожилой Гуляев, пошли посмотреть и смеются: “Верочка, нас пригласили на сомятину, приедут на машине за нами”. И вот мы с Мицкевичем на заднем сиденье “виллиса”. А Диденко так быстро ведёт машину, как будто вытрясает из нас душу. Мицкевич шепчет: “Вот погибнем, родным сообщат, что при исполнении служебного задания, а это Диденко нас где-нибудь опрокинет”. Но доехали. После обеда были танцы в большом зале. Ах, каким танцором оказался Мицкевич! И ещё многие приглашали меня. Вскоре Диденко уехал в Красноярск в отпуск. Вернулся уже в Веприк. Но это был совсем другой человек – поседевший, измотанный. Жена его умерла, а сын был без присмотра. Он оставил сына у местной учительницы, перевёл аттестат на неё. Это Диденко расскажет в первый день приезда в Веприк, хотя я об этом уже знала. Почему-то многие доверяли мне свои тайны. Может быть, потому, что я умела молчать. Я знала, кто с кем дружит, кто в кого влюблён, у кого какая беда дома. Ведь каждому бывает необходимо с кем-то поделиться своим сокровенным. А я за все годы службы ни единым звуком не обмолвилась о тех данных, которые мне были известны, как будто их и не было во мне. И большинство окружающих меня даже не подозревали о роде моей службы.

В Веприке в нашем полку было много бед: случалось, что и на взлёте падали самолёты. Помню, при взлёте взорвался самолёт с полным боекомплектom. Погиб экипаж майора Г. Давыдова. Штурманом у него был Ф. Кошель, Герой Советского Союза. А стрелок Хилько, который был в оторвавшемся хвосте, отброшенном на несколько метров, спасся и был только ранен. После госпиталя он вновь вернётся в полк и прослужит до конца войны. Для разбора причин гибели экипажа прилетит комиссия во главе с командующим 18-й армии Воздушных сил главным маршалом авиации Е. А. Головановым. Это был мужчина под два метра ростом, спортивного телосложения, с тёплым взглядом и улыбкой на лице. Ну просто красавец, а до чего же прост в обращении! Ко мне он отнёсся, как к младшей сестрёнке.

Во время полкового собрания он посадил меня рядом с собой в президиум и сказал: “Вот без этого шпунтика ни один самолёт не взлетит и не вернётся с задания, потому что она знает своё дело”. А когда уезжал, то положил руку на мою лохматую голову и сказал: “Скоро в модном платье на высоких каблуках будешь танцевать в большом зале”.

Все лётчики имели свои позывные. Был такой позывной и у Диденко. Запомнился один случай, который мы с ним часто вспоминали. В конце июня 1944 года наши лётчики полетели в тыл врага, и “Константин-11” передаёт, что интенсивно бьют немецкие зенитки, а через какое-то время сообщает, что сидит в лопухах. Командир полка стоит рядом, нервничает: “Ты устала очень, но ищи, ищи связь”. И я наконец расшифровываю следующее сообщение: “Самолёт Диденко сбит немецким истребителем, приземлился на территории Новгород-Волынска в деревне Лопухи”. Командир полка Косихин немедленно вылетел за всем экипажем. А сколько таких “Константинов” не вернулось, и каждого нужно было искать. Порой через несколько суток партизаны сообщали радостную или печальную весть. Помню, из группового полёта на задание не вернулся Андрей Лакомкин. Сидим у аппаратов, слушаем, чтобы не пропустить его позывные. И тут заходит начальник штаба Перемот и приказывает: “Краснословцева, на взлётную полосу!” Я бегом наверх (штаб со всеми службами и ангары находились под землёй). Куда, зачем? Я же боюсь летать в самолёте. А Перемот уже в кабине самолёта говорит: “Летим к партизанам за мёдом”. Какой мёд?! И при чём тут я? Но я привыкла приказы выполнять беспрекословно. Сели на поляне. Горят костры. Вышли. А к нам навстречу... Андрей Лакомкин! Он подходит и, как всегда, грубовато говорит: “Здрасьте! А ты-то сюда зачем?” А Перемот смеётся: “Ну как, Верочка, мой сюрприз? Рада встретить братца? Ладно, отдохни тут, подыши свежим лесным воздухом, а мы с Андреем за мёдом пошли”. Нас с Андреем в полку считали братом и сестрой. А они на самом деле принесли флягу мёда. Да,

за все годы службы столько разных историй было: и трагичных, и комичных.

Победу встретила в Умани в 328-м полку. 8 мая все принятые радистами шифровки переревела, но никаких сообщений о конце войны нет, а начальство ждёт, ругается: “Прозевали сообщение, спите у аппаратов”. И только в ночь с 8 на 9 мая в открытом эфире по радио передали сообщение о конце войны. Наше ликование было невозможно описать. Я впервые свободно побежала к другим девчатам. А днём ко мне зашли Парыгин, Подоба, Южилин – Герой Советского Союза. Оказалось, что они пришли меня сватать за командира 3-й эскадрильи Диденко. Такую свадьбу закатали, гуляли всей эскадрилей. С того дня мы прожили с ним двадцать пять лет, исколесили всю страну – Сахалин, Владивосток, Энгельс, Петровск, Умань».

Во Владивостоке идёт формирование новых частей авиации. Майор Диденко назначен командиром полка на Северном Сахалине, военный городок Смирных. Встретили хорошо, там много сослуживцев из 9-го полка АДД. Технари передали Верочке рубленый крестьянский дом (как на Тамбовщине). В полку было много её земляков. Новый 1947 год все комэски полка встречали в тамбовской рубленой избе.

А вот сам 1947 год оказался трудным для семьи Диденко и всего полка. Много бед выпало на их долю. На самолётах, вышедших из капремонта (ПАРМ), разбивались лётчики-асы. Пропал пассажирский самолёт, транспортный самолёт с вещами генерала Веричева, переезжавшего к новому месту назначения. Майора Диденко срочно вызывают в штаб дивизии в Зональное. Уладив все дела в штабе, он поехал к Южилиным, где собрались старые друзья по 9-му полку АДД, служившие в Зональном. Друзья проводили его на аэродром. Он махнул им крылом и пошёл по курсу. Но на его беду в этот день электрики поставили металлическую электроопору на пути той трассы, по которой шёл самолёт У-2 майора Диденко – рабочие и их начальство забыли предупредить аэродромные службы. Самолёт врезался в опору и рассыпался на части. Адъютанта отбросило в одну сторону, а Диденко вместе с мотором – в

другую. Их подобрали танкисты. Диденко долго приводили в сознание. А адъютант за это время успел доложить командованию, что в крушении самолёта виноват командир Диденко: «Нечего демонстрировать разные виражи». Но перед кем он мог их демонстрировать? Перед боевыми друзьями, прошедшими вместе с ним по грозным дорогам войны? Да и кто – Диденко?! Тот самый Диденко, который даже всю изрешеченную машину умудрялся приводить и сажать на своём аэродроме. И только одна машина, сбита Ме-110 под Варшавой и посаженная под Новгород-Волынский, была отправлена на ремонт в ПАРМ. Какую-то чушь, глупость придумал адъютант. Только для чего – непонятно. А в ту пору наказание было скорым, без особых разбирательств. И оно прозвучало так: «За виражи десять лет и разжаловать в рядовые».

Но после разбора полётов судимость была снята. Диденко из командира полка переведён командиром эскадрильи в Леонидово. После выписки из госпиталя он мог ходить с палочкой и лежать, а сидеть пока не мог. Дали отпуск, и он с семьёй уехал в Тамбов. Через два месяца, в конце сентября, Фёдор уехал в Леонидово, а Верочка осталась рожать. В январе родился сын, а весной она с детьми поехала на Сахалин. 1948 год для семьи Диденко был счастливым. Чудесная весна 1949 года. И вдруг загорелась тайга, а следом и их домики. Все мужчины – на тушении пожара. Верочка подхватила троих детей – и в бомбоубежище. Получила документы на выезд. Самолёт на взлётной полосе, и бежит её Федя. Успел проводить. Верочка летела вместе с семьёй Дмитриевых, которые были тоже с Тамбовщины. В Хабаровске их накормили бесплатно, дали еды в судках, посадили на поезд. Через двенадцать суток добралась до родного Сабурова.

Встретили мать и сестра. Верочка сказала горько:

– Мам, а у меня ничего нет.

– Ничего, дочка, проживём, я мешок соли купила, а картошка своя. А Федя уже в Тамбове.

Верочка отдала детей матери, а сама – в этот же поезд и до Тамбова. На пороге их комнатухи сидит её Федя – в обгоревшей форме, босиком.

– Веруся, а мы следом за вами на самолёте, а в Хабаровске вас уже не было. Мы – на другой самолёт и до Москвы. Долго ждали приёма у Сталина. Не посадил он нас. Только разжаловал в рядовые и отправил по разным частям. Меня направили в Петровск Саратовской области. Поезжай за детьми, вечером едем.

В Балашове их встретили старые друзья: Яськин и другие. А в Петровске командиром полка Лафазан, тот самый, у которого в Смирных Фёдор принимал полк. Они с женой греки, оба необыкновенной красоты. Среди друзей было спокойно. Их не оставили в беде – одели, обули. Пришлось продать комнатуху в Тамбове, чтобы иметь хоть немного денег. Обжились. Жизнь пошла своим чередом.

* * *

«Для кого-то это кажется сказкой, а для нас это пройденный путь в жизненной дороге. Работа, работа, работа. Всё связано в одну цепь. Девчонок своих вспоминаю. Сколько их было с Тамбовщины, с Липецка, Москвы, Воронежа, Орла. Пылинки мои. Со многими переписывалась до их ухода. А сейчас почти никого не осталось. Вот и свадьбу свою с Фёдором Диденко вспомнила. И как жили на Дальнем Востоке. Как после пожара в части все жёны офицеров уехали, а вслед за ними и наши мужья подались. А меня на станции встретил начальник дивизии: “Верочка, спасай мужиков, под расстрел они подходят. Спасай!” Я – письмо Сталину писать. А душа замерла вся. Приехала к маме, упала на грудь: “Мама, Федю расстреляют!” А она смеётся: “Да он уже в Тамбове, твой Федя. У Сталина были всем составом. В рядовые разжаловали, а из армии не выгнали. А главное – живыми оставили. Твоё письмо, наверное, помогло”.

И опять скитания по частям: то в Умань, то в Белую Церковь, то в Киев. А Федю послали за новой матчастью (самолётами) в Прибалтику. Перегнал самолёты, и его восстановили в старой должности, опять стал заместителем командира эскадрильи. А как любили его сослуживцы! После его демобилизации на День Победы все собирались у нас. От орденов и звёзд на погонах

светло становилось. Ох, ребята, ребята... никого не осталось. Все убрались, одну меня бросили. Устала я, Зинаида Алексеевна. Пойду отдыхать». В трубке голос Веры Гавриловны смолк. А я перебираю её письма и ещё раз прихожу к выводу, что без малых пылинок не было бы Победы и не было бы чистого неба после войны в течение долгих, долгих лет.

А закончить очерк мне хочется строками, посвящёнными «пылинке войны» – Вере Гавриловне:

РОМАШИШКА ВЕРОЧКА – ВЕРУСЯ

*Посвящается Вере Гавриловне
Краснослободцевой-Диденко*

Ей ромашки дарили французы
И с любовью смотрели в глаза,
Для неё же российские узы –
Что берёз белоствольных слеза.

И поля ей Тамбовского края
Краше всех на планете Земля,
И не зная небесного рая,
Раем были родные поля.

Но напали фашистские орды,
Все мечты оборвав на корню.
И народы страны с гневом, гордо
Неустанно крепили броню.

Ей лишь двадцать, она за начальство
На строительстве новых прудов,
И трудилась без всякого чванства,
Не считаясь с тяжёлым трудом.

И пруды: Ярославка, Челнавка –
До сих пор всем служат исправно,
А в ту пору жилось-то не сладко:
Как один трудились на равных.

Даже волк, в ней почуяв ребёнка,
Провожал в её старенький дом,
И она, забегая в избёнку,
Воскресала от страха с трудом.

А война (вот творение зверя!)
Забирала кровинок родных...
И она – на войну... В смерть не веря,
Мать, сестёр оставляла одних.

За молчанье её, ум глубокий
Тайный шифр был вручён от страны.
И она, из деревни далёкой,
Стала малой пылинкой войны.

В День Победы гремели салюты
И звенели бокалы с вином,
И надёжные брачные пути
До конца не поняв, стали сном.

А потом вместе с воином мужем
Улетела, и был Сахалин:
Небо там охранять было нужно,
И товарищи рядышком с ним.

Было много несчастий и горя,
И оставались на сердце рубцы.
Только молодость сильная, что ли, –
Были все как один молодцы!

Но горела тайга рядом с домом,
И опасными стали полёты:
Небо чёрным наполнилось дымом,
Погибали герои-пилоты.

Но и счастья так много бывало,
Заполняло души берега.
И детей четверых воспитала,
И добра к ним была, и строга.

В длинной жизни так много познала!
Девять внуков и правнуки есть.
Может, много, а может быть, мало...
Не запятнаны совесть и честь.

В девяносто Шекспира читает,
За политикой – строгий надзор!
Сколько лет проживёт – Бог лишь знает,
Честь по жизни ей. Честь до сих пор!

Низкий поклон вам, ветераны!

Шкиц

Валерий СЕДЫХ

Я жениться долго никак не мог...

Нет, так уже у меня один рассказик начинался. Из ранних, двадцать шестой, кажется...

Вот. Как наступала весна, Коловалов ощущал в себе тревожное томление. Хотелось влюбиться...

Тоже нет. Во-первых, до весны ещё далеко, а во-вторых, очень похожая фраза уже была то ли в «Шерше ля фам», то ли в «Адюльтере»...

Короче, Гуськов как раз подошёл к такому возрасту, когда пора подумать, и конкретно, о

второй половине, о любящей супруге. То есть семью завести.

Школу, как напоминала шуточно в таких случаях мать, успешно окончил, диплом из хорошего вуза и специальность, аспирантура – мама тут уже ничего не говорила, а просто радовалась, тем более что кандидатскую успел защитить. Грант какой-то выиграл. Все по имени-отчеству к нему в том же вузе.

И вот идёт Гуськов как-то по скверу – отдохнуть решил, потому что неделя из-за этого гранта очень тяжёлой была. А бабье лето как раз.

А навстречу ему девушка, и на не очень длинном поводке у неё собака. Такая какая-то необычная, смешная, ласковая на вид, не лохматая, но пушистая, глаз почти не видно, мордочка – как у кошечки, а сама стройная, ноги изящные, глаза краси-и-ивые, выразительные, и вообще фигура прямо как у фотомодели...

Тут Гуськов спохватился: кого он больше разглядывает, собаку или девушку, – и даже как бы растерялся.

– Да вы не бойтесь, – прямо, можно сказать, выручила его хозяйка болонки. – Она же у меня на поводке. И ласковая. Это шпиц. Spitz. Выведена в Германии. Но не вольф-шпиц... Они даже не кусаются. Декоративные.

– Ну что вы, я не боюсь. Это ж не дворняга у рынка, – как бы поддержал девушку Гуськов и даже не заметил, что развернулся и пошёл с ней и шпицем рядом.

– А с дворнягами и не гуляют. Вот волонтеры построят для них питомник – там и будут заниматься. Может, с намордников начнут, – зачем-то стала объяснять неожиданная попутчица.

– А это у вас ко... – «бель» хотел Гуськов продолжить, чтоб поддержать разговор, но смутился, а девушка и так поняла и даже не обиделась, а сказала, что это мальчик. Так у собачников принято. И девочки ещё.

– Дэзи его зовут. А вы купите и тоже будете гулять, воздухом дышать. Расслабляться. Или вам жена не разрешает? – зачем-то спросила. – А у меня такая работа – целый день компьютер, заказы, поставки, кадры... Наша фирма такая – фармацевтическая, «Авиценна»... А я б лучше куда-нибудь в детский сад ушла, воспитателем, прямо очень как детей люблю. Хотя и не по специальности.

И вот так слово за слово – о прогулках, об экологии, коррупции, вандалах за рулём... Гуськов волей-неволей – и о себе немного. Марина – так её, оказалось, зовут – чуть ли не с восторгом всё это восприняла, «ой-ой!» несколько раз воскликнула.

А о собаках когда, то советы дала, каких лучше не водить.

– Американского стаффордширского терьера не надо, бультерьера тоже, и чёрного в

том числе, ротвейлера, всяких догов-бульдогов нежелательно, мастино, добермана...

– А хот-дог – не собака? – спросил на всякий случай Гуськов, запутавшись в породах. – Меня Сева зовут...

– Ну я вспомню – ещё скажу. А которых уже назвала – на них и поводки чуть ли не с цепью, и намордники... А зачем вам это надо, Сева? И к вам не то что кто-то незнакомый – знакомый поздороваться или поговорить не подойдёт.

Ну и как-то так получилось, пока они по скверу шли, мимо фонтана потом, около памятника Сельскому трактористу, – договорились, что до тех пор как Гуськов тоже шпица или хотя бы таксу не купит, будет с Мариной и Дэзи прогуливаться.

Телефонами обменялись.

И вот осень, зима... Морозы. Собачку уже жалко. И как-то так вышло, что решили они, прогуливаясь вот так, пожениться – умный Сева и красивая Марина. Квартиру им – небольшую, правда – родители сделали...

И вот как-то возвращается она – к врачу ходила – и говорит, обнимая Севку:

– А у нас мальчик будет...

Гуськов-то сначала растерялся – ему и этот Дэзи дома слегка надоел, Марина даже сама пообещала его матери отдать – та очень просила...

– Дурачок, – ласково сказала Гуськова, – у НАС будет мальчик. Врач сказал. Весь в тебя, – пошутила и поцеловала мужа, который от радости чуть не упал.

А потом сели на диван, счастливые все, и будущая мать подумала: «Дурочка Лариска, – это про свою верную подругу и тоже очень симпатичную и умную. – Гуляет со своим ризеншнауцером – и без поводка часто, и пусть даже с намордником... Да кто же к ней вот так приблизится?! Спросить "как пройти?" или "который час?" Тут не то что подойти – посмотреть страшно. И не только пьяный – трезвый-то не решится... Такая собачища! Надо ещё поговорить с ней», – успокоила себя Гуськова.

Попка-дурак

Вилкин, инженер-биолог, сидел на лавочке – со спинкой кое-где ещё остались – и просто отдыхал. Любил он этот уголок старого парка, который пока не весь вырубили под аттракционы и колёса обозрения. Тихо, облака куда-то плывут, уже не жарко – вечер всё-таки, и Вилкин любил как раз это время. Расслабиться после нервного или не нервного дня (на заводе «Препарат» служба его) хотелось.

И вдруг услышал со стороны старого вяза (не все ещё попилили, не все), с нижних сучьев, что-то вроде оклика. Не «Алексей Викторович», конечно, а похожее на «эй, мужик», «мужчина» или просто «человек». Ну как-то так.

Да, Алексей Викторович прислушался, повернулся и увидел... Хорошо, что лавочка со спинкой и вообще Вилкин очень даже не старый – сорок пять... Увидел огромную... ну пусть просто большую, птицу: «Орёл не орёл, не аист и, конечно, не стерх, белый журавль, – почему-то усмехнулся Вилкин, – а что-то тёмно-синее».

– Ара я, – вдруг услышал он, с плохой дикцией, но понять можно.

– Точно! – пробормотал слегка ошарашенный Вилкин. – Попка-дурак! – даже как бы обрадовался он. – Попугай, ара гиацинтовый. Два рода длиннохвостых. От Мексики до Парагвая, – вспомнил Алексей Викторович, чему учили на биофаке.

И вдруг этот нахал, не Вилкин, а ара – длина-то до метра! – даже не перелетел, а как-то перепрыгнул, перескочил, что ли, с вяза на скамейку – в общем, почти рядом пристроился. И так своей маленькой головой с мощным чёрным клювом стал вертеть, что легко было понять: чего-то поклевать хочет. А инженер Вилкин как раз фундук в супермаркете возле завода купил – жена очень любит, для цвета кожи и от морщин помогает. Достал штук десять и на

травку (не все ещё газоны плиткой прикрыли) положил. Ара кивнул, как бы поблагодарив, и один за другим орехи разгрыз, а скорлупки в урну, рядом она, все перенёс.

«Аккуратный», – подумал Вилкин.

И опять он чуть не упал: попугай пусть скрипуче, с явным акцентом, но произнёс: «Danke, danke schon» – «большое спасибо» по-немецки. Ещё в школе Лёха это учил.

Вот так они и подружились, Алексей с Арой, и сделал биолог породу попугая кличкой его.

Постепенно пришёл Вилкин к догадке, что жил его новый друг, может, в Австрии или где-то в тех краях, в Германии, даже в двух ещё довелось, потому что лет ему, прикинул Алексей, под девяносто. Он иногда такие фамилии выламывал из-за своего акцента, что Вилкину как патриоту и противнику расизма даже как-то зябко делалось. Но птица-то тут ни при чём.

Да, и не только немецкий или там один из швейцарских доводилось от Ары слышать. Иногда кое-что завернёт по-русски, и Вилкину приходилось огляды-вать-

ся: не слышит ли кто, особенно женщины? И что ж тут удивительного? Попугай где только не мотался: с весны он ближе к северо-востоку, а с осени – назад, на юго-запад, к теплу.

Ну, значит, они подружились в начале аномально жаркого мая, но это не значит, что Вилкин птицу в клетку на ночь сажал. Нет. У него мама жила в своём доме, почти в центре, на улице Пешкова, Алексея Максимовича (не всё ещё снесли под точечную – тьфу на неё! – застройку), а там садик-палисадник – сирень, вишни, акация, каштан сын посадил, – там и обитал попугай. Без шума, без карканья, без акцента – соседи даже ни разу не слышали. И время ни у кого не спрашивал, как у Вилкина:

– Konnen Sie mir sagen, wie spat es ist?

– Я тебе сейчас покажу, который час, – в шутку сердито одёргивал тот его.

А как куда Вилкин идёт отдохнуть – любил он старый город, – и Ара с ним. Бесшумно. Не на бреющем полёте такая громила, а с дерева на дерево, с крыши на чей-нибудь балкон, с ограды на остановочный павильон...

Сидят они как-то в том самом парке, уже в другом углу, ближе к шуму городскому – там аллеи аккуратные, мемориалы гранитные, – и видит Вилкин: почти рядом серый Nissan одним колесом на тротуарной плитке, а ещё двумя – на газоне. Вилкин даже чертыхнулся, хотя при попугае старался не выражаться, а то тот потом где-нибудь в Греции или Чехии ляпнет да ещё на Вилкина сошлётся... Так вот ругнулся: залез, мол, наглый тремя ногами! Не соображаешь, что ли?!

И тут Ара внимательно посмотрел на товарища своего, поднялся со спинки скамейки, спикировал на иномарку и очень сильно испачкал ей всё переднее стекло.

«Где это он ещё так питается?!» – успел удивиться Вилкин и поспешил ретироваться, не забыв позвать своего друга, совсем, оказывается, не дурачка.

А потом у них ещё не раз такие эпизоды имели место. Потому что не только по выход-

ным гулял Вилкин по любимому городу, по скверам, по набережным. Первое время он при Аре возмущался насчёт нахальных парковок или некультурных ребят, которые где-то в общественных местах что-то пьют, а закуску и ёмкости там же оставляют. Мусор то есть. И Ара прямо с одного жеста или взгляда Вилкина всё понимал, каркал: «Dummkopf» – «дурак» значит – и портил аппетит молодым людям, а некоторых пугал. Пьяный один к девушкам приставал, а все мимо шли, будто не видели, – так Ара его тоже очень сильно испачкал. Про автомобили на клумбах, на газонах, на тротуарах возле офисов и банков, на детских площадках и в других местах и говорить нечего.

И вот тут началось. К августу где-то. Пошли, значит, слухи, молва, толки и комментарии: мол, это по указанию сверху... («Ага, сверху, – ехидничал Вилкин, представляя в деле своего попугая. – Вот именно сверху».) Одна совсем не жёлтая газета очень даже правдоподобную, но почти фантастическую версию выдала. И факт привела: мало того что на стекле большое пятно – так кого-то якобы что-то клюнуло и в затылок... И цифры приводились – статистика. И тут Вилкин догадался, что Арка, бессовестный, даже без него по ночам или рано утром летает.

И все увидели: в городе почти порядок с газонами, бордюрами, перед входами в банки и офисы и даже на обочинах. Это с парковкой. Какому-то начальнику дорожному или по озеленению оперативно премию дали, как будто он всё это придумал.

А скоро осень. Ара, понял Вилкин, улетать собирается. Слова, во всяком случае, соответствующие говорит. Страны называет, острова, реки... «Кубань, Кубань, – как-то прохрипел. – Анапа».

– Прилетишь ко мне-то? – спросил Вилкин. – К нам, к нам, – поправился тут же.

– Naturlih, naturlih, – ответил добрый попугай-дурачок на чистом немецком. Конечно, мол.

– Прилетай, прилетай. Чего-нибудь ещё придумаем с тобой, – тепло и с каким-то азартом повторил приглашение Вилкин.

Депрессия

У Шутова друг в психушке работает. Если по-старому, как у Достоевского или у Чехова, – в сумасшедшем доме. В психбольнице, короче.

Ну, как говорится, работает и работает – с кем не бывает. Они, Шутов с Шестеринным, несколько лет назад познакомились. Какой-то предполночный концерт шёл на главной площади – то ли шумная круглая дата, то ли праздник очередной, – и певица одна такую ахинею несла в сопровождении четырёх прыгающих, голых по пояс мужиков, что Шутов не выдержал и вслух ухмыльнулся. Жена тоже. А справа мужчина интеллигентный такой стоял, тоже не выдержал и поддакнул как бы.

– Ну это, – сказал, – просто... И вообще. – И не стал при супруге Шутова как-то грубо выражаться.

Потом ещё несколько номеров обсудили, плюнули на всё и уходить собрались. Уже как хорошие знакомые. Жена Шутова и предложила:

– А пойдёмте, Сергей, к нам чайку попьём. О моральной деградации общества поговорим, – пошутила она. – Коньячок у нас, Вить, ещё остался?

– И чего ж не попить, – откликнулся Шестерин. – Задержусь, и жена не обидится: в командировке она.

Ну, зашли – а Шутовы рядом живут, из их окон все салюты городские и взрывы видны, – попили, поговорили и прямо как бывшие одноклассники – просто друзьями сделались. Телефонами обменялись, кто где живёт, дети у кого как пристроены, кем сами работают... А Шутов с большим увлечением отечественной историей занимается и преподаёт. И Лена, половина его, у него же там.

А потом на концерты вместе, на пикники, на дачу к Шестеринным, в ночь на Новый год, и не в одну... В общем, ненавязчиво, но более или менее регулярно.

И вот Шутов о Шестерине подумал. Потому что надоело. Идёт по городу или в автобусе едет – то одно видит, отчего настроение портится, то другое, на что глаза не глядели б. В транспорте молодёжь место пожилым и беременным не уступает – ну, не Шутову, конечно, а действительно стареньким или с палочкой, с ребёнком. Дом культуры был, с парком уютным, с танцплощадкой, – а сейчас торговый дом. «Домина!» – с раздражением реагирует Шутов. Никаких занятий с детьми, ни танцевального, ни авиамodelьного кружка... А озерцо! Отец Шутова ещё рассказывал: в нём с ребятами купался... На краю бывшей крепости оно – город с этой фортеции когда-то начинался. Заросло, загнило!.. Зато у воды опять какой-то весёлый дом строят...

И грустно от всего этого Шутову.

Тут и досада, и раздражение, и нервы никуда. Ну просто депрессия, решил сам для себя. А читал – сейчас часто об этом в СМИ пишут: *depressio* – подавленность, такое психическое состояние, душевное угнетение, и всё окружающее представляется в мрачном виде.

И как раз про Шестерина подумал.

– Ну что, – сказал тот, когда Шутов пришёл, созвонившись, – соскучился? – В шутку он так, по-приятельски.

Потом выслушал и всё время головой качал, как бы с упрёком.

– Ну ты даёшь! – подытожил, уже когда друг выложился. – Глупость всё это! Не у тебя, конечно, – как бы даже одобрительно улыбнулся Шестерин, – а у них. Не думают, тем более если думать нечем, – пошутил психиатр. – А ты, Вить, выше этого, выше их: ты видишь, замечаешь, критически – здоровый взгляд! – на всё смотришь, а у них не хватает – вот так же чтоб...

Шутову как-то даже приятно стало – от таких сравнений-то.

– Ты умный... Не возражай, не отмахивай-

ся. Ты интеллигент. У тебя бабушка, рассказывал, гимназию, не нынешнюю, а из тех, где ещё ЕГЭ... – и чуть не ругнулся Шестерин, – не придумали, вот ту и кончала. И в крови у тебя те гены.

– Грубый я... На ненормативную лексику, конечно, не перехожу – синонимы её в основном, – но резко...

– И правильно. Вот он встал, «фордище», на газон всеми четырьмя колёсами...

– Идиот! – не выдержал Шутов. – Дебил!

– Вот-вот, – обрадовался Шестерин. – У тебя набор должен быть в этой папочке «Ну тупые!». «Хам» – хорошо. «Невежа» – мягко уж очень... А вот по поводу рекламы безграмотной (и куда её столько!), – сам удивился Шестерин, – или афиш таких же – можно и «невежда», и «недоучка», и «бездарь»...

– «Недотёпа», – подсказал Шутов, – «лапоть», «сапог»...

– Во! Ты не хуже меня знаешь, даже лучше: гуманитарий всё-таки. И вот оценил так, почувствовал себя выше этого, здоровый скепсис у тебя, гримаса презрительная – и смешно говорить о какой-то депрессии. Агрессия тут даже, – почти скалабурил Шестерин и засмеялся.

И Шутову как-то легко, спокойно и весело сделалось. «Агрессор», – шутливо подумал он про себя.

– А давай выпьем граммов по двадцать пять, – сказал Шестерин, подходя к шкафу и доставая «Арарат», пять звёздочек, год на нём зачем-то 1887-й указан. Он сам, Шестерин то есть, из-за всего этого тоже время от времени слегка расстраивается. Интеллигент всё-таки. **А**

Валерий СЕДЫХ

У автора около ста сорока опубликованных юмористических рассказов. Первый из них увидел свет в Казани в сатирическом журнале «Чаян» («Скорпион») в 1968 году. Наибольшее число юморесок помимо тамбовских изданий напечатано в «Неделе» (приложение к «Известиям») – 14, в журналах «Крокодил», «Вокруг смеха» (Санкт-Петербург), газете «Труд» (страница «Ежемесячник») и «Литературной газете». Двадцать рассказов прозвучали в эфире Всесоюзного радио (передачи «С добрым утром!» и «Опять 25»). Тамбовский автор неоднократно печатался в Киеве (в частности, в журнале «Ранок»), Кишинёве, Саратове (журнал «Волга»), Липецке («Петровский мост»), в чешском журнале «Дикобраз», а также в периодических изданиях Воронежа, Пензы, Йошкар-Олы, Ижевска, Ульяновска. Наибольшее число публикаций – в местных средствах массовой информации: «Комсомольском знамени», «Тамбовской правде» и «Тамбовской жизни», «Наедине», «Городе на Цне», «Мичуринской правде» и «Пичаевском вестнике».

Увлечение литературным творчеством не мешало заниматься основной работой – журналистикой. В. Седых окончил по этой специальности заочное отделение Казанского университета, а также кафедру журналистики АОН (Академии общественных наук) при ЦК КПСС. Начиная в тамбовской молодёжной газете «Комсомольское знамя» (1965–1969), затем работал в упомянутом журнале «Чаян» (1969–1975), был редактором той же молодёжки (1975–1979), заместителем редактора «Тамбовской правды» (1979–1989), редактором «Города на Цне» и других изданий.

Участник ряда зональных, всероссийских и всесоюзных семинаров сатириков и юмористов.

Его рассказы и фельетоны входили в ряд коллективных сборников, издававшихся в Воронеже, Казани, Москве. Собственных изданий этого жанра – четыре.

Александр РУДТ

Живёт на Урале. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. Всю жизнь интересуется поэзией, историей, путешествиями. Поскольку «стихи не кормят», работал на промышленных предприятиях северного Урала. Изданы сборники стихов «Середина июля», «Помедли, август», «Плотина», «Будущий янтарь», «Пробные дожди», «Апрель, постскриптум», «Горсть», «Пылинки в солнечном луче», «Майские капли». Финалист премии «Поэт года – 2015». В 2017 году вышла книга «Избранное» в двух томах. В 2018 году изданы сборники «Редкие капли», «Окстись» и «Солнечные пятна». В 2019-м – сборник «Наперечёт». Лауреат премии «Поэт года – 2018» – первое место в основной номинации. В 2019 году стал лауреатом Литературной премии Уральского федерального округа в номинации «Поэзия».

СМОТРЕТЬ И ВИДЕТЬ

СМОТРЕТЬ И ВИДЕТЬ

Экспромт возле церкви на Нерли

Дни снова смысл обрели.
Правьте, разумность и ясность.
Храм Покрова на Нерли.
Храм Покрова на Нерли.
Праздник. Молитва. Причастность.
Как-то в сторонку ушли
Горечь, обиды, страданье.
Храм Покрова на Нерли.
Храм Покрова на Нерли.
Русский портал в мирозданье.
Ужик проплыл на мели.
Дали у солнца во власти.
Храм Покрова на Нерли.
Пазл настоящего счастья.
Смотрят в озёрную гладь
Ивы из века какого?
Не объяснить благодать.
Русь не вмещается в слово.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО ИЮНЯ НА ПОКЛОННОЙ ГОРЕ

Почва насквозь прогрета,
Птицы едва слышны,
Двадцать второй день лета –
Горестный день страны.
Как на Поклонной сжато
Время – пружина, боль,
Эхо про три наката,
Тёркина свет и соль,
Ангелы вострубили,
Ника несёт венок,
Русские не забыли,
Это Европе – срок.
Дети на самокатах,
Господи, сколько лет –
С нами Георгий в латах
И с трёхлинейкой дед.
Клио не досказала,
А Голливуд всё врёт,
Здесь, на Поклонной, в залах –
Горечь, молитва, взлёт,
Вот на стене Рейхстага
Русских имён расклад,
Не сохранит бумага?

Гены да сохранят!
Ясно ль орде бесовской:
Будут в среде славян
Жуков и Рокоссовский,
Конев и Баграмян?
В небо – по дециметру
Каждый военный день –
Это находка мэтра?
Славы трагичной сень?
Рядышком, право слово,
Всё, чем ты жив, согрет.
Эй, погранцы, здорово!
Эй, школяры, привет!
Правды своей резонной
Через канву эпох –
Этот посыл Поклонной,
Этот российский вздох.

* * *

...Врезан в март этот свежий, с иголки храм –
Ярок, солнечен, прямо из сказки,
На холме суходойском свежо по утрам,
А в низине – туман, синий, вязкий,
Но блестят купола, но мерцают кресты,
Новодел... Возрожденье? Истоки?
И ко лбу инстинктивно подносишь персты,
Стёрты беды, грехи и пороки,
И удачи случались, и век не согнул...
Ворот скрипнул, сорока вспорхнула,
Это колокол пробно – в полмира – вздохнул,
Это истина в сердце кольнула.

* * *

По ком, по ком с утра – колокола?
А говорят – не спрашивай об этом,
Все истины душа пережила,
Никчёмны и запреты, и советы,
Ритмично воздух охает вокруг,
И входит сердце в резонанс невольно,
Восторгом и тоской заряжен звук,
Что звонарю так празднично и больно?
Что этот спазм в предсердии сулит?
Рассвет околоколенный что значит?
О ком, о чём зовёт, поёт, болит

Знобящий сплав молитвы, вскрика, плача?..
О ком, о ком... Подольше не смолкай,
Но ядра в каждой клетке напрягая,
И в связь судеб поверить заставляя
И что возможна жизнь совсем другая.

* * *

Косым дождём уютный сквер линую,
Апрель решился город освежить,
Храни, Господь, всех тех, кого люблю я,
Тех, без кого мне нету смысла жить.
Пусть это слабость – что ж, и в ней признаюсь:
Дай мне уйти, не схоронив друзей,
Не спрятаться, не убежать пытаюсь,
А просто хоть однажды – пожалей.
От тифа ли, ангины, почечуя –
Но первому. Они пускай – потом,
Храни, Господь, всех тех, кого люблю я,
Кто освещает мир, судьбу и дом.
Такого насмотрелся за полвека
(А без потерь, трагедий – не прожить),
Что каждого родного человека
Я научился наконец ценить.
Спешит апрель, смывая и малюя,
Светлеют, голубеют даль и высь,
Храни, Господь, всех тех, кого люблю я,
Хотя бы что услышал, притворись.

* * *

Смотреть и видеть – разные понятия,
Прозреньё – пограничная черта,
Как долго ни рассматривай распятыё,
А видеть можно только лишь с креста.

* * *

И пока мне не закрыло очи,
Всё гадать мне, Боже, в смуте дня,
Что сказать через меня ты хочешь?
Что узнать, вдохнуть через меня?

* * *

Уральский север... Родина моя...
Смертельно приворотные края.
Не объясню: влюблённость ли, беда –
Но знаю: не уеду никуда.

* * *

...Время цедится по грамму
В шорох слов и тьму сердец,
Не откроет двери мама,
Не нальёт вина отец.
То комедия, то драма,
Но – чего б ни дал творец –
Не откроет двери мама,
Не нальёт вина отец...
Тёплый дождик землю моет,
Задевает снег окно,
Не откроет, не откроет,
И черно моё вино.
Внучка в комнату влетает –
Смех, и солнце, и озон,
И, хоть сам о том не знает,
Полон пульсом горизонт...

СНЕЖИНКА

*После отречения государя
в марте 1917 года*

Я снежинкой упал на погон государя
В сизый мартовский полдень на станции Дно.
На перроне был запах мороза и гари,
И слегка серебрилось шинели сукно.

Разломилась снежинка – никто не заметил,
Умирала империя – кто пожалел?
Все хотели свободы и счастья на свете,
Уж не к ним ли зовя, паровоз загудел?

Вне истории, вне уваженья и веры
Медлил поезд и шёл не спеша пассажир.
Сзади кто-то маячил усталый и серый –
То ли то адъютант, то ли то конвоир.

Разлетались осколки разбитой тарелки,
И вбирали снега – и окрест, и вдали, –
Как, скрипя и визжа, переводятся стрелки,
А российская кровь что роса для земли.

Я снежинкой упал на погон государя
В сизый мартовский полдень на станции Дно.
Кто герой, кто слабак, кто велик, кто бездарен –
Никогда до конца не понять всё равно.
Я снежинкой упал...
Снег и снег...
А – темно...

* * *

...Не бью себя в грудь, но и я сопричастен –
Прими не прими, прокляни, обессудь –
Уральская осень, уральское счастье,
Уральская правда, уральская суть...
Бруснично-черничные склоны, царите...
Роскошные сосны, касайтесь небес...
И тайну российского духа творите –
Как было, как будет, со мною и без...

* * *

...Уютные дворики, старая школа,
На лавочке – дремно и пахнет былым,
Сквозящее солнце и звонкое соло
Сороки, летящей над сквером цветным.

Храни меня, Боже, в пиру листопада...
Прощаю... не помню... секундой живу...
Летающие краски – а что ещё надо?
А свет этот вправду?.. А я наяву?..

* * *

Нам не прощается вины,
Что с русским сердцем рождены,
Что русский дух не подминает,
Что он злопамятства не знает.
Европа? Совесть?? А рожон???
Христос в Освенциме сожжён,
Но менторски Россию учат,

Взведя курки на всякий случай.
Задумка ли? Программный сбой?
Умри – не станешь не собой,
Исправьте свыше опечатку:
Всем – по серьгам, всех – под раздатку,
Доколь, волне отдавшись, плыть
И кистеню законом слыть?
А солнца луч, ручей в овраге –
Вы мне не врёт, бедолаге?
Что ж так легко в игре весны
С моею толикой вины?

* * *

С. А. Есенину

Как же быть российскому поэту,
Если кровью выпачкан рассвет,
Если на вопросы нет ответов,
Если правды не было и нет?
Если каждый вздох судьбой оплачен
И поётся с всхлипом вековым:
«Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым...»,
Если душу кабаком не съело
И всё видно, как над смрадом злым
Тянет ветки клён заледенелый
И струится над избушкой дым?
Если то придёт, то схлынет вера,
И томит, хмелит остаток сил,
И холодный номер «Англетера»
Шум берёз рязанских оживил,
Если гулкой ранью не проскачет...
Разве кровь в чернильницу налить?
И жалеет, и зовёт, и плачет...
Как же быть, родные... как не быть...

* * *

Т. В.

...Ты есть – и этого довольно,
И можно верить в красоту,
И медлить в роще белоствольной,
И речку слышать за версту...
И мимо дурость и напасти.
Сквозь век, сквозь замки на песке –
Неосязаемое счастье,
Мерцанье имени в строке.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ВЕЧЕР СОРОК ТРЕТЬЕГО В СПАСО-ЕФИМИЕВСКОМ МОНАСТЫРЕ

Пленённый в Сталинграде фельдмаршал
Паулюс сначала некоторое время
содержался в суздальском монастыре.
(Справка)

Фельдмаршал трогал тёплый изразец,
Посматривал на своды равнодушно,
Всё потерял – и это не конец?
А мысль ясна и логике послушна.
Ни армии, ни Родины.
Висок
Предчувствовал, но не дождался пули.
Вождями проклят.
Теми, кто полёг,
И всеми,
Что в плену сейчас вздохнули.
Негоже о сомненьях говорить,
А тягостную участь Ганнибала
Не только представлять себе – прожить
Судьба рукой железной начертала.
И, видя эту снеговую гладь,
Обманывая сердце, вновь стараться
Не в совести, а в тактике искать
Ошибку и судьбы, и операций.
Не знал, что объяснять, что извинять, –
Он, знавший всю военную науку! –
И повторял фамилии опять:
Чуйков.
Родимцев.
Жуков.
Жуков!
ЖУКОВ!
Закат брусничный келью заполнял,
Фельдмаршал делал шага три устало,
И, лбом припав к стеклу, он осязал,
Как по снегам история шагала.
Преступник генерал, когда приказ
Он исполняет в меру сил и знаний?
Потом, потом об этом... не сейчас...
И с сахаром, но – горек чай в стакане.

A black and white reproduction of a painting depicting a battle scene. In the foreground, a soldier in a kilt and sporran stands next to a large, wheeled cannon. Another soldier is lying on the ground in front of him. The background shows a cityscape with smoke rising from the battlefield.

Родился в Воронеже 6 мая 1968 года.
Образование высшее, истфак ВГУ (1990–1996).
Работал преподавателем. Кандидат исторических наук.

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

Бранные не кончены дела.
Чистое бельё давно надето,
крест нательный целовали все.
Можно походить ещё немного
по последней утренней росе.
Ведь теперь не будет больше утра,
и без них убрали урожай.
Им теперь осталось ждать команды:
«Ну, ребята, с Богом! Заряжай!»
Поляки коней уже седлают,
Шведы строят полк. Вино рекой!
– Вот сейчас добьём мы московитов,
а потом – добыча и покой.
Можно будет пировать и грабить,
После битвы дух перевести.
Лишь пехоту вырубим в атаке,
Московитам ног не унести! –
Гордый воевода перед строем
вдохновенно произносит речь.
Нарастает гул копыт, сверкают сабли,
Рубанула русская картечь.
Пики, кони, всадники и брони –
Всё в один кровавый сбилось ком.
Вновь атака, снова град свинцовый.
– Мы в полон, ребята, не пойдём!
Старший из наряда – ражий дядька,
Кровь опять струится по скуле.
Стар ты или молод – всё едино!
– Не ходить нам больше по земле.
Далеко же ты, Россия-мать.
Не видать нам, братцы, родный край,
Смерть придёт, когда нас всех не будет,
А раз живы – пушки заряжай!
К вечеру всё глуше голос пушек,
Порох весь, и кончился свинец!
Враг решил: добьём последних утром,
Московитам так и так конец.
Сумерки осенние сгустились,
Сполохи кровавой той зари.
Остывают дула русских пушек,
а на них повисли пушкари.
Ощущая плена неизбежность,
смерть они позору предпочли
И в России их запишут в святцы,
воинов не знатных, от земли.
Отгремели битвы и походы,
и травой могилы заросли.

На картине мужики у пушек,
Воины безвестные земли.
Византия отошла в преданья,
Пала под османскою стопой.
Базилевсов жалкие потомки,
где же обретёте вы покой?
Холодно вас встретила Европа,
у понтификов свои дела.
И к Москве далёкой и холодной
их судьба однажды привела.
Здесь князья о вольностях забыли,
государя милостью живут.
Здесь надменны речи московитов,
эхо их разносит там и тут!
И сам государь, «татарский ужас»,
собирает земли не тая.
Византия, павшая навеки,
здесь теперь наследница твоя!
Вот дары – рука принцессы Софьи,
шапка Мономаха и венец,
Доказательства грядущей славы,
прошлого сияния конец.
Много будет битв и испытаний,
И на смерть и жизнь вести борьбу.
Триумфальным звоном или плачем
Каждый век свою встречать судьбу.
Вот в музее Мономаха шапка,
скипетр и доспехи!
Век иной! Прошлого свидетели величья,
славы доказательства другой.
Пусть суров посмертный суд потомков:
Тот – жесток, а тот был глуповат.
Но на византийский дар прощальный
и спустя столетия глядят.
Говорят, Россия непонятна!
Гордый нрав! Великая судьба!
А загадки нет! Всё очень просто.
Для России каждый век – борьба,
Не с соседом, так с дремучей ленью,
С логикой Емели-дурака.
И стоять держава будет вечно,
Шапка Мономаха есть пока.
Дар последний будто завещанье
той стране, что силу набирает,
Где народ в огне разгрома даже силы
для победы собирает.

В Диком поле, у села Полонки,
был курган насыпан у реки.
Там с татарской грозною ордою
резались казацкие полки.
Что сказать?
Разбойники, бродяги! Без семьи,
без отчего угла!
Но когда пришёл год бранной схватки,
их на битву вера позвала.
Не за скорб чужой, не за монету
головы сложили здесь свои.
Отпоют их ветры да метели,
прилетят весною соловьи.
Казаки погибших помянули.
Шапками насыпали курган.
И увёл полки на сечь родную
в битвах поседевший атаман.
Вот затихла песня – «Тай на гори», –
тишина, не шелохнётся лист.
И приковылял тогда к кургану
без ступни чубатый бандурист.
Постоял, недолго помолился,
тронул струны грубою рукой
И к казакам павшим обратился,
словно бы беседовал с собой.
– Спите, хлопцы, пухом вам земляца!
Честь казаку умирать в бою!
Я и сам лихим был запорожцем,
ногу потерял в чужом краю!
Чтобы было душам веселее,
Чтоб не скучно было вам в раю,
Я сейчас на дальнюю дорожку
Думу вам казацкую спою.
И запел о славном атамане!
Как ходил в походы атаман!
В море жёг турецкие галеры,
Как в походе умер он от ран!
...Стали казаки давно легендой.
Заросли курганы сон-травой.
Властно с постамента смотрит гетман
с грозною поднятой булавой.
Пусть его потомки снова в ссоре,
пусть в архивах поднимают пыль.
Шепчет у Днепра камыш столетний,
и цветёт в степи трава ковыль.

Льдистая вода. Угрюмый берег.
Ветер, сатанея, сосны гнёт.
Кажется, что он зловеще шепчет:
– Ворон кости ваши не найдёт!
Вы пришли незваными гостями, казаки,
сюда, на край земли!
Так другие шли тропой этой.
Косточки их волки разнесли.
Налегают казаки на вёсла,
Песен нет, не слышен разговор.
Боя ждут здесь каждую минуту,
стрелы полетят по ним в упор.
Было их вначале полусотня,
а теперь осталась половина.
За спиной безглазые могилы,
бурый мох да мёртвая равнина.
Атаман Бугор на струге первом,
Знает он, что нет почти муки,
Что цинга опять троих свалила,
Что устали смертно казаки,
Бросили родимые просторы,
уходя от плети и петли.
Их мечты о волюшке казачьей
привели сюда, на край земли.
Он в ответе, сотник нелюдимый,
Тяжелей свинца его глаза.
Приговор Бугра не обсуждаем,
снег кругом иль бьёт в ночи гроза.
Сам он родом из донских казаков,
Много лет седла не покидал.
Нет семьи, друзья – мушкет и сабля,
Волю в жизни, как и все, искал.
А теперь – казак-землепроходец,
для других – начальный человек.
Вёл других сюда, навстречу солнцу,
в голове уже не тает снег.
Ливень стрел ударил в струги разом,
конница татар на берегу.
– Эй, казаки, выгребай на стрежень.
Пушкاري, цель лучше по врагу.
Раненым – уход, а мёртвым – память.
Расступилась сразу вдруг река,
И простор и чистый мыс песчаный
вдруг открылись глазу казака.
И сказал Бугор: – Дошли, ребята.
Рано нам, казаки, умирать!
Колыму прошли и Анадырь мы.

Помянёт нас судовая рать.
Вот баклажка, сберегалась тайно
Атаманом на последний час.
Ну, ребята, подставляйте кружки,
Выпьем так, чтобы слеза из глаз,
Мы помянем всех, кто лёг в дороге,
Чару примем мы за вольный край!
С нами Бог!
Здесь будем город ставить.
А сейчас, казаки, наливай!
...Полая вода спустя столетья вымоет
крест-складень иль костяк.
Их сдадут в музей и тихо скажут:
«Русский шёл мужик!» Вот как-то так.
Пусть истлели святцы и сказанья,
Некому казаков помянуть.
Только гордо говорят: «Землепроходцы!»
По старинке – судовая рать!»
Смолк орудий гром.
Дымят руины.
И на уши давит тишина.
Как она солдату непривычна.
Просто вдруг окончилась война.
Вот майор, он отступал от Ровно,
Видел, как пылала Украина,
Сталинград и Днепр!
Наградой высшей счёл майор
развалины Берлина.
Вот сержант, молоденький парнишка,
Он от парты школьной в бой вступил.
Из мальчишек класса выпускного
До Победы он один дожил.
Вот кубанец рослый с трёхлинейкой.
Он вторую уж прошёл войну.
Водку пьёт, станицу вспоминает, сына,
что пропал давно в плену.
Пленных гонят, сплошь одни мальчишки.
Фюрер приказал им умирать.
Выругался ротный:
– Вот же твари! Сопляков
под пули подставлять!
Из развалин робко лезут немцы,
А на лицах – ужаса печать.

Их родные кровью мир залили.
А теперь придётся отвечать.
Фрау пожилая внуку шепчет:
– Генрих, мальчик, мы наверх идём!
Внук с сопеньем лезет из подвала,
Рубашонка русская на нём.
Как отец любил им из России
барахло казнённых присылать...
Кровь замыли, а отец в могиле.
Расстреляют, русским наплевать!
Кухня прикатила полевая,
Каша есть и водка.
Пей до дна!
Мы, славяне, это заслужили,
Потому что... кончилась война.
Мы прошли с боями пол-Европы,
Сколько полегло нас, и не счесть.
Немцы возле кухни робко трутся.
Где арийцев гордость, спесь и честь?
Может, и не сразу расстреляют?
Может быть, дадут чуть-чуть поесть?
Подошёл матрос, недобро глянул.
Дом его разбит снарядами был,
Там погибли мать и две сестрёнки.
Это он, конечно, не забыл.
С ненавистью шёл он от Кронштадта,
С ненавистью жил и воевал.
И внезапно выругавшись матом,
он ребёнку порцию отдал.
Ненависть в атаку поднимала,
Ненависть окончила войну.
Глядя на голодного мальчишку,
он прибавил грозно:
– Жрите! Ну!
Отошёл, присел на куб бетонный,
спирт налил, не глядя на людей,
Потому что счёл позор берлинский
высшею наградой своей.
...Будут книги, будут сняты фильмы,
Где сплетутся быль и небылица.
Ветерана высшая награда –
та врага разбитая столица!

ЭССЕ

ГЕРОИ МИНУВШИХ СРАЖЕНИЙ

Сидим на лавочке с другом, одним из последних участников Великой Отечественной войны. Он юнгой, а потом матросом сражался на Балтике. Ему уже 94-й год, да и я не молодой. Мальчишкой пережил оккупацию в Воронежской области. Разговор наш о военных и послевоенных годах, о кампании подготовки к празднованию 75-летия Победы.

Мы отлично помним, когда начали праздновать этот день. Отношение к фронтовикам, неподдельную радость людей от Победы и, мягко говоря, не очень внимательное отношение власти к этому празднику и людям, свершившим подвиг.

Мой друг говорит: «Хорошо, что хотя бы сейчас, когда нас почти не осталось, вспомнили о нас! Но указания сверху не всегда доходят до низа, и на местах не чувствуется радости этого дня. На всяких мероприятиях всё больше выступают ряженные герои той войны, а истинные давно забыты. А ведь мы, Вадим, помним с тобой истинных героев-фронтовиков с полным иконостасом на груди, просящих милостыню. Но не будем о плохом. Мы позабыли истинных героев-патриотов, имена

которых были на слуху у всех в послевоенные годы. Спроси у нынешних школьников: кто такие были Зоя Космодемьянская, Алексей Маресьев, Александр Матросов, кто водрузил Знамя Победы над Рейхстагом? Вряд ли кто из них ответит на этот вопрос. В школах такого не проходят, а вместо этого на так называемые уроки мужества приглашаются пожилые люди, которые и фашиста не видели живого, но зато брали их в плен сотнями. Старческий маразм. Не лучше ли было вернуться к послевоенной литературе, которую в большинстве уничтожили, послевоенным фильмам и устроить их коллективное прочтение и просмотры? Думаю, что от этого было бы больше пользы, чем от выступления самовлюблённых хвастунов.

Я полностью согласен с моим другом и решил кратко рассказать о своём земляке, Герое Советского Союза Михаиле Стефановиче Кислякове (1908–2003), выступление которого мне пришлось слышать в 1952 году.

Из 14 411 героев войны (11 739 Героев Советского Союза и 2 672 полных кавалера ордена Славы) 16 Героев Советского Союза и один пол-

ный кавалер ордена Славы имеют отношение к Острогожскому району Воронежской области, моей малой родины.

Почему я остановился на личности Героя Советского Союза старшего сержанта М. С. Кислякова? Потому что это не выдающийся военачальник, а рядовой труженик войны, патриот не только большой, но и малой родины, где он, дожив до 95 лет, вёл большую общественную работу и на пенсии, донося до людей всю правду о войне. Постоянно встречаясь со своими односельчанами, тружениками полей и ферм, учащимися общеобразовательных школ, он говорил нам: «Мои юные друзья! Дорожите боевой славой старшего поколения советских людей. Старайтесь воспитывать в себе мужество и трудолюбие. Готовьтесь стать достойными гражданами своего Отечества. Храните память о тех, кто отдал жизнь в сражениях за Советскую Родину!»

Простые и дорогие слова, какие сегодня, к сожалению, редко услышишь. А моё поколение верило героям, принимало их слова близко к сердцу, вот почему страна так быстро восстала из пепла после страшной войны.

О том, что пережил, во что верил, за что сражался и какие подвиги совершил, Михаил Стефанович рассказал в своей книге «Мы – солдаты», которая вышла в Военном издательстве МО СССР в Москве в начале 80-х годов прошлого столетия. И хотя тогда тиражи были немалые, сегодня такие книги – раритет. Всё как по поговорке: «что имеем – не храним, а потерявши – плачем»!

М. С. Кисляков из обычной многодетной крестьянской семьи. Когда началась война, все четыре брата и сестра не раздумывая ушли на фронт. Они выбрали свой путь: Михаил стал разведчиком, Владимир – лётчиком, Иван – танкистом, Дмитрий – пехотинцем, Анастасия – связисткой. Сражаясь с врагом, они всегда помнили о семье, о напутствии отца, работавшего до войны председателем колхоза. В военное время Стефан Васильевич стал связным партизанского отряда, но фашисты выследили его и публично повесили у села

Девница. Перед смертью он успел сказать: «Мои дети за меня отомстят!»

И отомстили. Все пятеро Кисляковых с честью выполнили свой долг перед Родиной. Домой вернулись с победой, с орденами и медалями. А Михаил Стефанович был удостоен звания Героя Советского Союза. Об этом он узнал только через три года после войны.

Михаил Стефанович действительно человек из легенды. Он прошёл через огонь войны под Смоленском, Воронежем, Сталинградом и по другим местам, совершил не один подвиг. За его плечами столько испытаний, что их хватило бы, наверное, на десять жизней. Но звание Героя Советского Союза он получил за один конкретный подвиг, совершённый в 1943 году. В наградном листе сказано: «В ночь на 24 сентября 1943 года М. С. Кисляков с группой в составе четырёх человек первым форсировал реку Днепр, умело пробрался в тыл врага, незаметно приблизился к ручному пулемёту и забросал его гранатами.

После этого с той же группой воинов зашёл в населённый пункт Балыко-Щучинка, автоматным огнём поднял суматоху и захватил контрольного пленного, который дал ценные сведения.

Возвращаясь обратно, группа наскочила на засаду немцев. В завязавшемся бою товарищ Кисляков убил пять солдат противника».

Скупые слова представления, но за ними стоит многое. Вместе со своим полком Михаил Стефанович дошёл до границ Союза, затем участвовал в боях в Венгрии, Чехословакии, Австрии, Германии. И везде показывал для своих однополчан пример отваги и мужества, железной стойкости и беспредельной преданности Родине.

То были настоящие Герои страшной войны, но, как говорил и сам М. Кисляков в заключительных словах своей книги, «у человеческой памяти свои законы и свой голос...» К сожалению, это так!

Вадим КУЛИНЧЕНКО,
капитан 1-го ранга в отставке,
публицист

Куда же нам плыть?..

Мир, в котором мы живём, в ближайшие десятилетия ждут чрезвычайно трудные времена. Признаки предстоящих потрясений видны уже невооружённым глазом. Это истощение энергоресурсов, крах мировой экономики, невиданного масштаба природные катаклизмы, дефицит пресной воды, новые виды войн (гибридные, биологические и т. п.), перенаселённость планеты, эпидемии (с которыми не способна будет своевременно справиться медицина), а то и вообще что-либо полуфантастическое, например, воздействие на нашу жизнь инопланетян...

Россия, как и другие страны, явно не готова достойно встретить подобные вызовы времени. Политическая ситуация в стране складывается, как кубик Рубика. Идеи носятся в воздухе и выбирают себе жертвы. Плачевное положение дел во многих сферах в РФ известно всем, кто проявляет хотя бы малейший интерес к жизни своего Отечества, и перечислять все беды не имеет смысла. Напомню только один факт: по данным Росстата, за последние двадцать лет русских людей в РФ стало на семь миллионов меньше.

Думающим россиянам уже ясно, что капитализм, в который шулерски затащили Россию, ведёт её к катастрофе. Убить прошлое нельзя, будущее – можно.

Чтобы избежать подобного развития событий и выйти на дорогу прогресса, у нас есть только один путь: вернуться к строительству социализма. Однако в ближайшие годы этого не произойдёт по целому ряду причин.

Крупная буржуазия, получившая, как манну небесную, орудия и средства производства, которые были созданы несколькими поколе-

ниями советских людей, эту собственность и баснословные прибыли просто так не отдаст трудящимся. Уровень эксплуатации будет постоянно возрастать из-за продолжающейся инфляции, снижения реальной заработной платы, введения новых налогов, штрафов и т. д. И не надо здесь строить никаких иллюзий, как это делают, например, псевдокоммунист Геннадий Зюганов и его сторонники.

Кроме того, необходимо честно признать, что примерно половина трудящихся не хочет сегодня строить социализм. Каждый из них надеется в конечном итоге «вписаться в рынок» и стать хотя бы мелким буржуа.

В советские годы в подавляющем своём большинстве герои искусства и литературы жили и действовали не ради своих личных интересов, а во имя общественного счастья. И такой подход к творчеству способствовал формированию «нового советского человека». Но И. В. Сталин понимал, насколько сильна мелкобуржуазная психология у многих людей, и учитывал это в ходе социалистического строительства. Именно по этой причине в годы его правления в соответствии с советскими законами функционировали и индивидуальные предприниматели, и артели. Всего в этом «министерстве» работало около шести миллионов человек, которые производили предметы народного потребления (мебель, приёмники, замки и т. п.). Их продукция составляла 10–11% ВВП страны. После смерти Сталина волюнтарист Хрущёв в основном ликвидировал этот «сектор» в экономике и тем самым нанёс существенный ущерб делу строительства социализма в СССР.

После реставрации капитализма в РФ выросло уже два поколения. В подавляющем большинстве эти люди имеют весьма смутное представление о жизни в СССР при социализме. Их знания «отравлены» злобными пропагандистскими мифами буржуазных СМИ и ограничены рассказами родителей, бабушек и дедушек, которые были представителями рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Старшее поколение не по рассказам, а на собственном опыте может сравнивать жизнь народа в СССР

и в новой России. Если рассматривать бытие широких слоёв трудящихся, то сравнение, безусловно, не в пользу буржуазной РФ.

При этом не нужно забывать, что представители старшего поколения жили в эпоху, когда КПСС, вступив в последнюю стадию своего гниения, фактически продолжала отбирать власть у советов всех уровней, то есть у народа. Чего стоит только один расстрел рабочих в Новочеркасске в июне 1962 года.

Однако вместе с этим политические и экономические принципы советской власти, заложенные В. И. Лениным и И. В. Сталиным, продолжали функционировать: равноправие независимо от происхождения, национальности и вероисповедания, бесплатное жильё, образование и медицина, качественные продукты питания, своевременное пенсионное обеспечение и т. д., и т. п.

Когда в 1973 году я окончил вуз и начал свою трудовую деятельность, мне бросилось в глаза вот что: из числа моих друзей, приятелей и знакомых, которые отличались умом, честностью и порядочностью, никто не попал на работу в партийные, советские и комсомольские органы, зато всякая «шелупонь» туда проникала. И это не случайно. После смерти И. В. Сталина существенно изменилась и кадровая политика, и в эти органы набирали в основном будущих горбачёвых и ельциных.

А когда в 1977 году я начал служить оперуполномоченным Назрановского РО КГБ Чечено-Ингушской АССР и в ходе агентурно-оперативной деятельности стал регулярно получать недоступную для рядовых граждан информацию о положении дел в республике, то перед глазами открылось много неприглядных картин общества «зрелого» социализма. Приведу лишь один пример.

Однажды мы узнали (для оперативных работников подобных тайн не существует), что начальник нашего отделения бесплатно взял (фактически украл) в автотранспортном предприятии новый двигатель с коробкой передач для своего личного автомобиля. Сотрудники отделения сразу же (без согласования с председателем КГБ ЧИ АССР генерал-майором

В. И. Белозёровым) провели партийное собрание и исключили начальника из партии. Однако по команде генерала бюро Назрановского райкома партии наше решение отменило и заменило исключение из партии строгим выговором с занесением в учётную карточку. С должности начальника районного отделения КГБ провинившийся сразу же был снят и с понижением отправлен для прохождения дальнейшей службы старшим оперуполномоченным в Наурское РО КГБ ЧИ АССР. А мы в глазах руководства стали выглядеть «бунтовщиками», которых в одном коллективе оставлять было опасно. В течение года всех нас «раскидали» по другим подразделениям...

Этот и другие примеры, на которых не хочу останавливаться, свидетельствовали о том, что мелкобуржуазная психология (дать обществу поменьше, а взять побольше), как ржа железо, разъедала не только партийно-советских работников, но и представителей «вооружённого отряда партии» (как называли тогда чекистов). И это неудивительно. С приходом к власти Н. С. Хрущёва «чистки» в КПСС прекратились, «суды чести» для крупных чиновников канули в Лету, партийные работники регулярно стали получать конверты (и с этих денег не платили ни налогов, ни партвзносов) и т. д.

В то время многие наши соотечественники с завистью смотрели на европейцев и американцев, с их обилием качественной одежды и обуви, сотнями сортов колбасы и сыра на прилавке. А у нас присутствовал дефицит предметов народного потребления, очереди были постоянным спутником советских людей и т. п. – отсюда появлялось и такое большое количество недовольных социализмом. К этому обязательно следует добавить, что старшее поколение не могло получить от государства больше материальных благ ещё и по той причине, что шла холодная война и львиная часть государственного бюджета вынужденно расходовалась на армию и оборонную промышленность.

И вот уже прошло тридцать лет, как мы оказались в новой реальности, где нас ежедневно окружают «свинцовые мерзости нашей

жизни». И как же в этих условиях ведёт себя основная масса рабочих, крестьян и интеллигенции? Изучает труды классиков марксизма-ленинизма? Пытается вникнуть в историю Советского Союза и понять причину краха социалистической идеи на практике? Или, может, упивается чтением произведений лучших советских писателей? Увы, ничего этого нет.

И при этом народ безмолвствует. Одни боются, как бы не было ещё хуже, другие считают, что от них ничего не зависит, третьи «тонут» в болоте своих проблем и вызывают о помощи, чевёртые от отчаяния впали в апатию... А может быть, творческая интеллигенция подхватила упавшее знамя борьбы за дело рабочего класса? После просмотра многочисленных телевизионных шоу этот вопрос даже задавать как-то неприлично. У подавляющего большинства представителей нашей творческой интеллигенции убеждения соответствуют формату денежной купюры. И совершенно справедливо Николай Зиновьев в своём стихотворении «Интеллигенция» дал ей такую характеристику:

*Пусть не всегда была ты стойкой
И горькую пила украдкой,
Но всё-таки была прослойкой,
А нынче стала ты прокладкой.*

«Как ни тяжело это осознавать, но шелест зелёных купюр, вид блестящих автомобилей и не исчезающие с экранов голые груди и задницы оказались сильнее самых правильных идей, а когда народ из великого множества материальных и духовных потребностей выбирает для себя классическое требование рабов: "Хлеба и зрелищ!" – тогда самыми востребованными писателями оказываются главным образом те из них, кто может выплеснуть на страницы своих книг максимальное количество крови, водки или спермы» (Николай Переяслов).

За последние тридцать лет «качество» россиян существенно изменилось. Это уже совсем не тот народ, который строил заводы и фабрики, возводил электростанции, выиграл Великую Отечественную войну и в кратчайшие сроки восстановил разрушенное хозяйство, создал

ядерный щит, первым в мире покорил космос и стоял в очереди за книгами Юрия Бондарева и Константина Симонова.

Хочет ли такой народ снова строить социализм?

За прошедшие четверть века в России появилось полсотни политических партий. Но ни одну из них нельзя отнести к разряду «партии нового типа», то есть к такой партии, которая в условиях сегодняшнего дня смогла бы организовать рабочих, крестьян и трудовую интеллигенцию на борьбу за свои политические и экономические права. Ни в одной из этих партий нет ярких личностей, которые готовы отдать свои жизни делу рабочего класса. Поэтому так и хочется прибегнуть к иронии: современная партия нового типа – это партия, которую возглавил новый тип.

Есть, правда, у нас несколько действительно марксистских партий (Рабочая партия России, Российская коммунистическая рабочая партия и др.), но они, к сожалению, больше похожи на религиозные секты и не играют почти никакой роли в жизни РФ. Они малочисленны, не имеют сильных лидеров, не берут на вооружение большевистскую тактику борьбы и не учитывают настроений широких слоёв населения. А эти настроения обуславливают и поведение этих самых «широких слоёв». А каким образом проявляется это поведение в политической жизни? Прежде всего пассивностью, несмотря на всё возрастающую неприязнь к правящей партии «Единая Россия».

Буржуазная власть даже не допустит до выборов в Государственную Думу ни одну партию, которая стоит на платформе марксизма-ленинизма. И подтверждением такого вывода является, например, такой факт. В 2014 году в Министерство юстиции РФ были поданы документы для государственной регистрации Объединённой коммунистической партии (ОКП), и вскоре эта партия получила отказ в регистрации. Причина отказа Минюста – «использование партией коммунистической символики, красного знамени и гимна "Интернационал"».

Другими словами, многочисленных побед (которые были в СССР под красным знаменем)

в РФ быть не должно, они запрещены законом. Запрещены (не на словах, а на деле) стремительная модернизация промышленности, рост ВВП 8–10%, как в сталинские годы, бесплатное обучение и медицинское обслуживание и т. д.

Запрещён справедливый призыв «Вставай, проклятьем заклеймённый, весь мир голодных и рабов!». В соответствии с российскими законами должен быть «мир голодных и рабов», и буржуазное государство будет определять их количество. Сегодня, по заявлению буржуазной власти, их численность определена в 22 млн человек, а завтра «лимит» может быть законодательно увеличен, ибо «правовая система в государстве – это воля господствующего класса, возведённая в закон» (В. И. Ленин).

*Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землёй имеем право,
А паразиты – никогда!*

Эти призывы, звучащие в тексте «Интернационала», расцениваются как экстремистские и тоже считаются преступными. Власть открытым текстом уже предупредила трудящихся: теперь все природные богатства принадлежат не им, а узкому кругу лиц.

Читаешь «Интернационал» – и складывается впечатление, что он написан не сто пятьдесят лет назад, а сегодня:

*Презренны вы в своём богатстве,
Угля и стали короли!
Вы ваши троны, тунеядцы,
На наших спинах возвели.
Заводы, фабрики, палаты –
Всё нашим создано трудом.
Пора! Мы требуем возврата
Того, что взято грабежом.*

Обращает на себя внимание тот факт, что ролики с «Интернационалом» в «Ютубе» прослушали уже миллионы наших соотечественников. А те комментарии, которые пишутся в последнее время, звучат всё более угрожающе... Это для власти, безусловно, сигнал.

Если в ближайшее время Россия изберёт путь, который предлагают социал-демократы (у нас это КПРФ и её союзники), материальное положение трудящихся несколько улучшится, но иллюзий строить не стоит. Страна так и останется в статусе придатка Запада, так как власть по-прежнему будет в руках буржуинов.

Даже если В. В. Путин под давлением трудящихся и решится на такой шаг (что маловероятно), олигархи не позволят ему этого сделать. Мы двадцать лет наблюдаем, как президент пытается «переформатировать» нашу компрадорскую буржуазию в национальную, но все его «телодвижения» в этом направлении по большому счёту терпят фиаско. У наших олигархов (да и представителей буржуазии рангом ниже) слишком глубоко на Западе «увяз коготок», так что придётся и «всей птичке пропасть».

Будущее теряет свою привлекательность по мере его приближения. Скорее всего, в самые ближайшие годы политический курс нашей власти не изменится. В этом случае повторится 1905-й, а там рукой подать и до 1917 года, ибо Россия продолжит оставаться «слабым звеном» капиталистической системы. Безусловно, такого развития событий никто не хочет, но «времена

не выбирают, в них живут и умирают» (Александр Кушнер).

«Мы это дело начали. Когда именно, в какой срок, пролетарии какой нации это дело доведут до конца, – вопрос несущественный. Существенно то, что лёд сломан, что путь открыт, дорога показана» (В. И. Ленин).

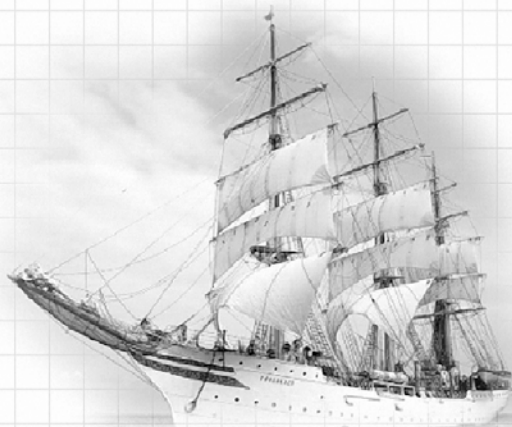
Вспышка революционных настроений в 1917 году была вызвана разорительными последствиями Первой мировой войны. История неповторима даже в своих повторениях. Что послужит толчком для новой «вспышки», никто не знает. Пока мы только наблюдаем, что империализм как высшая и последняя стадия капитализма продолжает затягивать «узлы» всё новых и новых противоречий по всему миру, развязать которые мирным путём навряд ли удастся.

Из поступков народов складывается поступь Истории, поэтому рано или поздно народ скажет своё слово. Этого как огня боится наша буржуазия. И власть будет делать всё, чтобы «электорат» не превратился в граждан своего Отечества, потому что именно в такие моменты истории появляются Минин и Пожарский, Ленин и Сталин. ■

Валерий РУМЯНЦЕВ

**Кораблю, который не знает, куда плыть,
ни один ветер не будет попутным!**

Сенека

ДЕВУШКИ СТРЕЛЯЮТ БЕЗ ПРОМАХА

УРАЛЬСКИЕ СНАЙПЕРЫ НА ВОЙНЕ

Свердловские комсомолки Нина Кропачёва, Фаина Якимова, Лиза Хазова и Зина Чернова работали на разных предприятиях, но хорошо знали друг друга. Они познакомились в клубе Осоавиахима, где проходили курсы Всевобуча. Им было по семнадцать, когда началась война. Нина Кропачёва в тот день была на выпускном вечере. Утром она прощалась с одноклассниками, которые уходили на фронт. Фаина Якимова поступила на Свердловский инструментальный завод им. Фрунзе. Зина Чернова после окончания ФЗУ начала работать на меховой фабрике. В те дни она стала членом ВЛКСМ. Лиза Хазова приехала в г. Свердловск из села.

Окончив курсы Всевобуча, девушки написали заявление в военкомат с просьбой отправить их добровольцами на фронт.

В 1942 году в Москве открылась женская снайперская школа. Свердловский комсомол удовлетворил просьбу девчат, направив их учиться снайперскому делу.

В первом наборе школы было всего двадцать человек. Обучение проходило в условиях, близких к фронтовым. Поднимались на рассвете, умывались снегом и с полной боевой выкладкой шагали несколько километров на полигон. Преподаватель по боевой подготовке, первый командир школы А. П. Алмазов, отли-

чался особой строгостью. Чтобы овладеть способом маскировки в поле, девушкам приходилось по несколько раз перекапывать снайперские ячейки. Алмазов хорошо представлял, к чему он готовил своих учениц, поэтому-то повторял неизменно: «Тяжело в учении – легко в бою». Позже на фронте девушки вспомнят «уроки Алмазова» и напишут ему с благодарностью, что приобретённые в школе навыки очень пригодились на поле боя.

Настал час прощания. Нину Кропачёву приказом оставили в школе командиром взвода, а подруги получили назначение на 3-й Белорусский фронт, в 31-ю армию. Сюда же была направлена и тобольская комсомолка Тося Юрьева. Всю войну она пройдёт одной фронтовой дорогой с уральскими девчатами, а после войны вместе с ними приедет в Свердловск.

На первый выпускной вечер школы пришёл секретарь ЦК ВЛКСМ Михайлов. Девушкам вместе с дипломами снайперов за отличную учёбу была вручена первая награда – почётные грамоты ЦК ВЛКСМ. Комиссар школы майор Е. Н. Никифорова, всегда сдержанная и строгая, не выдержала, украдкой смахнув слезу. Кто знает, увидит ли она своих питомцев?..

Часть, в которую прибыли девушки, держала оборону в районе Орши – Витебска. Это был один из самых опасных участков. Здесь ещё не было наших снайперов. Фашисты, пользуясь их отсутствием, вели себя нагло: ходили в полный рост по траншее. Каково же было разочарование наших солдат, когда они узнали о появлении столь необычных снайперов. На передовой линии огня не каждый боец молодец, а тут девчонки.

А утром состоялся первый боевой выход «на охоту». От КП до траншеи шли узенькой полоской поля, заминированной фашистами в начале зимы.

Сквозь проталины снега выступали обломки пушек и развороченного железа. В конце пути у самой дороги увидели подорвавшегося на mine бойца. Он лежал с запрокинутым кверху лицом. Винтовка

намертво зажата в правой руке. Потом они немало похоронят боевых подруг, сами встретятся лицом к лицу со смертью, но этот солдат станет первым, за кого они начнут счёт мести врагу.

Вот и наша линия обороны. Девушки заняли огневые позиции, и первые снайперские винтовки появились на бруствере. За окопом хорошо была видна голая степь. И только вдаль, у нейтральной полосы, притаился кустик. До вражеской обороны было всего 500 метров. Первой увидела фашиста Тося Юрьева. Он шёл по траншее, дымя сигаретой, словно на прогулке. Она тут же решила выстрелить. Но потом, взяв себя в руки, стала медленно наводить винтовку в цель. И вот, когда фашист появился в перекрестье прицела, нажала на спуск.

Через некоторое время подошёл офицер: «Вы стреляли?» У Тоси лицо залило краской: промахнулась. Офицер подошёл ближе. «Молодец», – сказал он и тут же позвонил на командный пункт.

Многое пришлось изведать девушкам, прежде чем они освоили «окопную науку». Нелегка служба снайперов: часами без движения выслеживать врага, изучать его повадки, чтобы разить наповал, без промаха. Но желание быстрее вписать свой боевой счёт в ратные дела части было очень сильным. И вот уже в дивизионной газете появляется сообщение: «На одном из участков фронта успешно действует группа девушек-снайперов, окончивших московскую снайперскую школу».

Присмирели гитлеровцы, лишний раз не боятся показать, глубоко зарылись в траншеи.

Изменили своё отношение к девушкам-снайперам и наши бойцы: теперь они настоящие боевые друзья, не раз выручали бойцов в разведке, вызывали огонь на себя, сражая врага меткой снайперской пулей.

За время пребывания на фронте Отечественной войны проявила себя храброй, не знающей страха и трусости девушкой-воином. Снайпер сержант Якимова применяет свое боевое искусство в увеличении боевого счета мести врагу. На боевом счету снайпера Якимовой 15 убитых немцев. За это удивительное достижение ей присвоено звание "Славы III ст."

Елизавета Хазова

Медалью „За отвагу“
 Снайпера 611 стрелкового полка 88 стрелковой дивизии стар. сержанта ХАЗОВУ Елизавету Александровну за то, что она будучи в обороне в 88 стрелковом полку, благодаря выносливости, находчивости и своей умелой владении оружием, огнём из своей винтовки уничтожила 4-х немецких солдат.
 Родилась 1925 г., член ВЛКСМ с 1941 г. Призвана Свердлов. член РКК г. Ветлуги 18.12.1942 г. Командный состав:

Медалью "ЗА ОТВАГУ"
 Телефонистка взвода управления I дивизиона - гвардии младшего сержанта ХАЗОВУ Елизавету Александровну за то, что 22.02.43 г. в бою, в районе г. Мелену (Рост. Пруссия) проявившая особую опасность, она под огнём противника держала бесперебойную связь с огневыми позициями. Ответственный момент боя, когда противник сделал несколько огневых налётов из артиллерии и шестиствольных минометов, от чего была повреждена связь с батареями, предприняла контратаку и начала заходить во фланг нашим частям, тов. Хазова учтя напряжённую обстановку, под арт. огнём противника в короткий срок сделала исправление поврежденной линии и своевременно открытым огнём батареи контратака была отбита.

Гитлеровцы, почувствовав силу метких выстрелов наших снайперов, больше не появлялись в окопах днём. Бить их стало труднее. Тогда Лиза Хазова, одна из лучших стрелков ещё по школе, прибегла к снайперской хитрости. Однажды во время обычных наблюдений на боевой позиции она заметила, что её постоянный ориентир – камень – был немного сдвинут в сторону. «Не иначе как фрицы приходили ночью», – решила Лиза.

На следующий день она вышла на «охоту», едва забрезжил рассвет. Выбрав удобную позицию, стала вести наблюдение за вражеской стороной. Вот в смотровую щель виднеется неровная лента окопов противника. За ними – небольшой кустарник. Листья его словно застыли в неподвижной синеве рассвета. Лиза перевела взгляд на камень и увидела две тени. Они осторожно перемещались в сторону кустарника. Но вот ветви раздвинулись – в оптический прицел стала видна землянка, обложенная сеном.

«Очень похоже на командный пункт», – подумала Лиза. Вечером она обо всём доложила командиру. Перед рассветом на огневую позицию она уже вышла с командиром и подругами-снайперами. Наблюдения Лизы подтвердились. К кустарнику один за другим тянулись фашисты. Когда они стали расходиться, бойцы открыли прицельный огонь. Многих уложили тогда снайперы меткими выстрелами.

За время обороны под Оршей девушки-снайперы были награждены: Тося Юрьева и Зина Чернова – орденами Славы III степени, а Лиза Хазова и Фаина Якимова – медалями «За отвагу».

После десятимесячной обороны, вконец измотавшей силы врага, в июне наши войска перешли в наступление, сделав предварительную артподготовку. Гитлеровцы, приняв наши действия за обычную атаку, стянули на угрожаемый участок свои лучшие силы. Наши войска, обойдя их с обоих флангов, замкнули кольцо окружения. Следующим быстрым массированным ударом, совместными усилиями с другими дивизиями Белорусского фронта, освободили Гродно, Борисов и подошли к Минску. Город, словно потрясённый непрекращающимися взрывами бомб, разваливался на глазах. Враг рвался из пылающего города, пытаясь соединиться со своими частями. Но наша армия, словно клещами, сжимала врага в кулак. День и ночь не прекращались атаки. Девушки-снайперы находились в передних рядах с бойцами, умело поддерживая их метким огнём, помогая уничтожать вражеские огневые точки.

Группа солдат, в рядах которых сражалась Фаина Якимова, была неожиданно контратакована. Выпустив очередную очередь пулемётного огня, враги оголтело ринулись на бойцов. Фаина, едва успевая перезаряжать винтовку, вела прицельный огонь. В этот день ей удалось

уничтожить больше десятка вражеских солдат и офицеров.

Закончив операцию по уничтожению гитлеровцев в минской западне, наши войска взяли направление на Восточную Пруссию, к городу Кёнигсбергу. Потом – труднейшие бои в Карпатах.

одним из танков лежали немолодые, страшно усталые бойцы. «Почему не идёте в атаку?» – спросила девушка. Бойцы ответили: «Дочка, ты видишь, какое пекло, настоящий ад, головы поднять невозможно». Тося продолжала: «Если в танк попадёт снаряд, все погибнете. Назад дороги нет. Только вперёд».

Она встала, подняла над головой снайперскую винтовку и с криком «Вперёд, за Родину!» сделала перебежку. Миномётный огонь захлестнул дорогу перед ней.

И вдруг сзади она услышала топот, и вот совсем близко, над самым ухом пронеслось громкое «У-р-а-а-а!».

Б о й ц ы
один за дру-

Тов. ЮРЬЕВА в Действующей армии с 9.2.44 г.
За короткий период службы в снайперской роте
показала дисциплинированность и умение в деле выслеживания
и уничтожения снайперских точек противника.
Метким огнём из снайперской винтовки уничто-
жила 6 немцев.
Отделение – дисциплинированное.
Сама тов. ЮРЬЕВА исполнительная.
Достоинна Правительственной награды медалью «ЗА ОТВАГУ».

У одного из населённых пунктов часть, с которой шли наши девушки, вступила в кровопролитное сражение. Бой шёл за высоту, которую враг занял при отступлении. Наши войска, залёгшие за высотой в поле, простреливались фашистами из всех видов оружия. Позиция была смертельной, поэтому приказ Главнокомандующего требовал любыми силами отбить у врага выгодную ключевую оборону.

Снайпер сержант Юрьева А.И. за время пребывания на фронте Отечественной войны проявила себя смелой, умелой, применяя свое мастерство в любой боевой обстановке. В 494 стр. полку, в сложной боевой обстановке при выполнении задания она убила одного немца. На ее боевом счету 19 убитых немцев. За это удостоена награды орденом «Славы III ст.»

Старшина Юрьева, Антанина Мандросова
в боях против немцев, актуально показала
себя, как храброго воина, при этом делая
Лешина – Старшина. Своим смелым и
отважным Юрьева, воодушевила бойцов на
новые подвиги. На боевом счету 39 немцев
солдат и офицеров.
Старшина Юрьева
Красная Звезда. Достоинна к награде ордена

Девушки-снайперы вели огонь с опушки леса. Неожиданной силы взрыв потряс землю. В сплошной дымовой завесе, окутавшей поле, перестали различаться позиции наших бойцов. Из-за поворота дороги показался подносчик патронов. Подойдя ближе, он сообщил, что бойцы не могут больше подняться в атаку, придётся отступать. «Отступать нельзя, – сказала Тося Юрьева и показала бойцу на дорогу, отрезанную гитлеровцами. – Надо идти вперёд». Она взяла винтовку и поползла вдоль разбитой дороги по наполненным водой кюветам к полю. За

гим поднимались в атаку, передавая Тосин призыв, словно эстафету, по всему полю боя. Приказ главнокомандующего был выполнен. А снайпер Тося Юрьева за проявленный в бою героизм была награждена орденом Красной Звезды. А

Валентина ЧЕРЕМИСИНА

ДЕНЬ

ГРАНЁНОГО СТАКАНА

– Вась, а Вась, что значит «нейтронная бомба»? – обратилась Маруся, полубомжовая собутельница, к своему партнёру по различным низкосоциальным развлечениям, как нынче говорят, девушка с невысокой социальной ответственностью.

– Где ты эту чушь услышала, я что тебе, физик-ядерщик? Я знаю только одну бомбу – это ты. – Вася посмотрел на подругу и захохотал. – Я же не физик, а «химик» – три года отбывал срок на «химии».

Маруся так зыркнула на партнёра по призаборному застолью, что Василёк (так она его иногда ласково называла, завлекая на топчан в подвальчике хрущёвской пятиэтажки), быстрёхонько зататорил:

– Не дуйся, но это... как тебе объяснить... – последовала недолгая пауза. – Плесни-ка по чуть-чуть для просветления.

Маруся аккуратно взяла с газетной скатерти пузырь с огненной водой, так её, окаян-

ную, называли чукчи в совсем ещё недавнем прошлом, и расплескала водку по гранёным стаканам.

– Ну, с богом, от винта! – Вася демонстративно покрутил левой рукой в воздухе, изображая пропеллер, выдохнул и опрокинул всё содержимое своего стакана в пищеприёмник – ротовую полость, – не морщась и не задерживая движение столь ценной, особенно с похмелья, жидкости.

Подруга явно любовалась партнёром.

– Ну, Васька, умеешь ты красиво выпить, за что и полюбила.

Пара выпивала, сидя на траве возле небольшого дощатого забора, окружавшего когда-то детский садик имени то ли Клары Цеткин, то ли Наденьки Крупской, одним словом, великих женщин революционного разлива и посылы. А в расстрельно-рыночную эпоху, эпоху олигархата и приватизационно-бандитского госкапитализма, на месте этого детского садика разместили налоговую инспекцию, многократно

вызывавшую изжогу у руководителей малого и среднего бизнеса.

И вот как по волшебству, как будто из-под этого забора, вдруг выросла перед «культурно отдыхавшими» фигура мужчины, не то сторожа, не то бича – бывшего интеллигентного человека. Скорее второе, так как тело вежливо поклонилось и спросило:

– Вы что-то там насчёт нейтронной бомбы спрашивали, мадам, – обратился пока ещё неизвестный к Марусе. И, не дожидаясь ответа, выпалил: – Нейтронная бомба, если жажнет, то на большие расстояния всему живому каюк, а вот ваши стаканы гранёные и закусь останутся целыми, она материальные ценности-то не трогает.

– Проходи, умник, пока я добрый, – наигранно пробасил Василёк.

– Вась, ну дай умному человеку договорить. А что, стаканы прямо с водкой останутся целёхонькими? – обратилась с вопросом мадам Маруся.

Гражданин откашлялся и с некоторой театральностью произнес:

– Мадам, конечно, останутся. Простите, а что вы справляете? – обратился он к разговляющимся.

– Тебе не один хрен? День гранёного стакана! Давай проваливай, бичара, – начал кипиться Василёк.

Маруся стала подавать всякие знаки Васильку и успокаивать партнёра по взаимным утехам только ей известными приёмами. А тем временем незванный гость продолжал:

– И часто вы справляете этот праздник?

– А тебе не один хрен? Да каждый божий день, если хочешь знать, – всё больше распалялся Василёк.

– Ответ неверный, он бывает всего лишь один раз в году, так как у него есть конкретный день рождения, – парировал незванный гость.

– Ой, как интересно! – заявила Маруся. – А ты, Василёк, повремени с розливом да лучше послушай, просветись.

– Так вот, мадам... – попытался начать свой рассказ гражданин, примкнувший к собутыльникам.

Но Вася коршуном набросился на рассказчика:

– Ещё раз скажешь «мадам», получишь в глаз.

– А мне даже очень нравится такое обращение, продолжайте, пожалуйста, только скажите, как к вам обращаться, – поддержала неизвестного Васина подруга.

– Зовите меня просто – Никанорыч. Я не всегда бичевал, я, по правде сказать, был неплохим инженером на стекольном заводе, так считали многие. Но перестройка с долбаной «прихватизацией» погубили многих, вот и я попал под раздачу. Жена связалась с крутым предпринимателем, на заводе меня сократили, я запил. И, как в том анекдоте, решил я повеситься на кухне. Приладил петлю на крюк, встал на стул, но вспомнил, что у меня бутылка водки не допита. Слез со стула, достал родимую, кстати сказать, накрытую гранёным стаканом, дотпил

сердечную. И так мне стало вдруг хорошо, что я даже сказал сам себе: «А жизнь-то налаживается!» Вот так я остался жить, но уже в образе бича.

– Не разжалобишь, Никанорыч, пока тебе наливать не за что. Давай переходи к рассказу о празднике – Дне гранёного стакана, – уже без особого раздражения и напористости высказался Василёк.

Никанорыч, конечно же, мог рассказать о многом, что в его жизни было связано с гранёным стаканом. Как в студенческую пору они с другом высаживали из троллейбуса полупьяную тётку со сбившимся на сторону блондинистым париком, которая бросилась к ним в переполненном троллейбусе, возвращаясь с октябрьской демонстрации уральской столицы. Как она, побледневшая и обалдевшая, хваталась за друзей холодными руками и молила о спасении, постоянно приговаривая, что у неё что-то с сердцем и она умирает. Друзья тогда одновременно закричали водителю троллейбуса, чтобы тот остановился, и, когда это произошло, буквально вынесли её на свободное пространство тротуара, а затем через несколько метров занесли в просторный холл одной из лучших гостиниц города, положив на выдавший виды кожаный диван. Сотовых телефонов тогда ещё не было, пришлось просить администратора. Грузная администраторша сначала для порядка наорала на спасителей, а затем всё же вызвала «Скорую помощь».

Примечательно то, что в заболевшей от праздничных возлияний они узнали матушку их молоденькой белокурой приятельницы Сонечки. Когда в приёмном покое приятели получали вещи больной, в дамской сумочке, кроме носового платка, восседал его величество гранёный стакан.

Никанорыч мог поведать и о том, как всё тот же гранёный стакан всегда сопровождал и главного бухгалтера одного известного высшего учебного заведения страны. Бухгалтерша с утра до обеда принимала чудодейственный нектар, а к 12:00 вскакивала на дубовый стол в своём кабинете главбуха и била дробушки с полуматерными частушками. Ректор всегда учтиво выделял автомобиль, на котором она с песнями уезжала к себе на квартиру.

– Никанорыч, ты что призадумался? Давай гони свою повестушку о стакане, – обратился к нему Василёк.

Никанорыч, откашлявшись, начал:

– Я и вы, да и весь народ нашей необъятной родины, конечно, давно знакомы с этой прочной и удобной тарой. Согласитесь, Вася и Маруся, что её гранёная форма и широкий ободок уже давно стали для россиян чем-то родным, близким и привычным. А в незабываемые советские годы, – выступавший ностальгически всхлипнул, так показалось слушателям, – такие стаканы были повсюду: в столовых, ресторанах, кафе. Ребята, стоит вспомнить, как на каждой советской кухне вечерами из этих замечательных стаканов пили не только чай, а и более привлекательные напитки – от портвейна до коньячка. Как смачно курили и травили анекдоты про руководителей нашей партии, пели запрещённые и блатные песни Володи Высоцкого. Как утром с похмелья нас выручал этот гранёный стакан в автоматах с газировкой, когда мы мчались на работу в общественном транспорте. Эх, было времечко! – Никанорыч счастливыми глазами посмотрел на партнёров по распитию «горькой слезы».

– Ну а всё же когда день рождения гранёного стакана? – задала вопрос Никанорычу слегка окосевшая Маруся.

– А сегодня какое число? С утра, как известно, было 11 сентября. Так вот стакан такого типа и был выпущен 11 сентября 1943 года на стекольном заводе города Гусь-Хрустальный.

– Ну что сказать, Никанорыч, вот это рассказ, обалдеть! Давайте все вместе выпьем за день гранёного стакана, – охотно предложила Маруся.

И они дружно подняли свои гранёные, на которых хрустальным отблеском заиграло уходящее солнышко сентября. А чуть позднее нестройными голосами затянули застольную: «Стаканчики гранёные упали со стола, разбились не стаканчики, разбилась жизнь моя...»

Совсем неожиданно подкатил вечер, как иногда подкатывают пьяные слёзы. В близлежащих домах засветились окна... Многогранная жизнь продолжалась. ■

Александр СЁМИН,
член Союза писателей России,
академик РАН

РАССКАЗ-НЕБЫЛЬ

Крайний Север. Скалистые берега, покрытые снегом и льдом, острый, с йодистым привкусом запах водорослей, набросанных прибоем длинными округлыми линиями вдоль узкой полоски галечного пляжа. Волны набегают, пенятся, шипя, сбегая назад, оставляя пузырьки и пенистые шапки на плотной, как будто утрамбованной, поверхности.

Наперегонки с отступающей водой мчитесь к океанской бездне среди обрывков водорослей, обломков веток и деревянной тары всякая крабья мелочь. Дальше, мористее, резвятся стайками нерпы. Время от времени они подплывают поближе к берегу, высоко выставляют над водой свои гладко прилизанные головы и, поблёскивая чёрными выпуклыми глазами, с любопытством наблюдают за миром людей, обсуждая нас на своём нерпичьем языке. Новичку здесь всё в диковинку, и всё вызывает живой интерес.

Но самое примечательное на севере – это люди. В высоких широтах обитает тот особенный тип человеческой породы, который скрупулёзно отбирается, а потом формируется самой природой. Она, как умелый огранщик, отсекая всё лишнее и наносное, оставляет на обозрение общества только те грани, которые составля-

ют истинную, природную сущность каждого человека.

На северах, как говорят местные, обитает народ тёртый и бывалый. Среди искателей трудного заработка и острых ощущений, всякого рода романтиков и просто скитальцев по жизни своё нутро никак не спрячешь.

Их существование подчинено неписаным правилам и законам, высеченным на скрижалях коллективной памяти тяжёлыми, а порой и опасными условиями жизни. Они имеют статус некоего этического кодекса, главный смысл которого можно определить одним словом – «человечность».

Невозмутимые, работающие, чуть грубоватые, не лишённые чувства юмора, эти люди каким-то особым инстинктом, порождённым многотрудным жизненным опытом, чувствуют в человеке фальшь. Слабые духом и меланхолики здесь вряд ли найдут своё место.

А каких только историй не случается в этом царстве снега, льда и человеческого многообразия, на самом краю земли! Со временем истории обрастают подробностями, разными небылицами и ходят дальше среди местных жителей уже как легенда или байка, которой потчуют новичков Крайнего Севера.

Порой диву даёшься и не знаешь, верить или не верить этим преданиям, пока волею случая не услышишь их в подлиннике из уст непосредственного участника событий.

* * *

Жил в посёлке на берегу Берингова моря мужичок, юркий, немного суетливый, с ласто-подобной семенящей походкой. Как говорится, сам себе живёт, хлеб жуёт и никому не мешает. Малопримечательная фигура, каких сотни, мимо пройдёшь и не заметишь. Вот только кличка у него была диковинная – Колумба.

Колумба и Колумба, мало ли что люди придумают. Наш народ, к слову, имеет ту особенность, что уж если кого наградил прозвищем, то прилепится оно намертво, и нести человек его будет через всю жизнь, как говорится, «до самой берёзки». Мирской глаз что алмаз.

И вот однажды заметили его у входа в штаб местной воинской части. Стоит, мнётся, обычный лёгкий румянец, полуулыбка на губах и очи долу. Народ стоит вокруг аховый, смешливый.

– Во, гляди-ка, Колумба пожаловал, – говорит один нарочито, на местный манер растягивая слова, – поди у нас собрался вольнонаёмным работать.

– А почему Колумба? – спрашивают.

– Да кто его знает... Может, от фамилии, а может, из-за истории какой. Поговаривают, что-то за ним есть, да байки, поди, травят. В общем, как говорится, то ли он шинель у кого-то украл, то ли у него украли. Бают, что даже в Америку плавал... Сейчас поди разбери...

– Да у нас г... плавает, а моряцкое сословие-то ходит.

– Не-е-е, братцы, по всему выходит, что не ходил, а именно плавал!

Посмеялись, да на том и разошлись. За служебной суетой разговор забылся. Витя работал в части исправно: исполнительный, тихий, неброский и крайне необщительный человек – слова не вытянешь. Имел он одну особенность, прямо скажем, для северянина необычную – спиртного в рот не брал и от всех

застолтий откровенно отлынивал. Но знающие люди говорили, что исключение делал лишь раз в год – в день Военно-морского флота.

В том году праздник у военных моряков совпал с выходным днём. Холостые и желающие отдохнуть от семейного тягла женатики, как обычно, собрались в мужском общежитии.

В разгар веселья в комнате, где собралось разночинное общество, открылась дверь. В проёме стоял местный старожил, матёрый, предпенсионного возраста прапорщик, и подталкивал впереди себя через порог Колумбу.

– Во-о-о, рекомендую: мичман запаса Колумбин Виктор.

Гость со своей всегдашней полуулыбкой скромно сел на предложенное место в уголке, по обыкновению опустив глаза вниз. Он молча украдкой наблюдал за происходящим, не вступая в разговор, и, казалось, чувствовал себя не вполне уютно.

Налили водки. Колумбин не отказывался и только жестом показал, чтобы «ребряк был заподлицо». Чокнулись. Колумбин опрокинул полстакана, закусил кусочком балыка, молча обвёл взглядом комнату, гостей и, казалось, заскучал. Через какое-то время он немного обмяк, стал общительнее. Завели разные разговоры, сразу обо всём и ни о чём. Среди общего гвалта кто-то из присутствующих между делом спросил:

– Вить, так что там про Америку-то? Говорят, бывал?

Мужики перевели внимание на гостя, и разноголосье как-то само собой затихло.

На удивление Колумба не стал отнекиваться. Он потёр пальцами правой руки мочку уха, поморщился, обречённо вздохнул, молча допил остатки водки и спокойным бесстрастным голосом повёл свой рассказ, который с небольшими дополнениями (куда уж без них?!) я и воспроизвожу ниже.

* * *

Дело было в разгар «холодной войны». Служил Колумбин мичманом в пограничном отряде, в группе кораблей портового досмотра.

В тот год навигация закончилась рано, и суда ставили на прикол в октябре.

Всё шло обычным порядком. Чистили, смазывали, протирали детали силовых установок, навигационную и радиоаппаратуру. Демонтировали, а потом свозили на склад электронные приборы. Для обслуживания каждой такой посуды полагался спирт. И, как водится, часть его доставалась не компасу или радиостанции, а тем, кто их обслуживал. Чтобы исправить положение, в спирт решили добавлять формалин.

Но бутылка с этой адской «микстурой» по какой-то причине так и осталась лежать нетронутой в кармане капитана третьего ранга Евсея Соломоновича Косого.

Соломоныч, как его обычно звали, был прикомандирован в помощь коллегам-пограничникам как специалист-эксплуатационщик.

Водолазное морское судно «ВМ-34», приспособленное под доставку досмотровых групп к торговым судам, сновало по внутреннему рейду до самого ледостава, и его обслуживали последним.

Долгая и нудная работа подошла к концу. Плавединицу пришвартовали в торце длинного деревянного пирса и закрепили канатом к кнехту до самой весны.

Экономия «микстуры» составила почти три литра. По случаю завершения навигации Колумба и Евсей Соломонович сидели во внутреннем помещении, пили спирт, закусывали тушёнкой, солёными огурцами и свежим хлебом с матросской пекарни. Кроме них, в каюте ни души. Старослужащих матросов, которым на аккорд поручали консервацию, отправили на берег. Завтра спецрейсом они улетят на Большую землю – домой.

Легко шелестел вентилятор электрообогревателя, во встроенном буфете цвиркал сверчок. Тепло, тихо. В небольшом помещении всегда как-то особенно уютно, даже при скудной военной обстановке.

Снаружи ещё слышался сдержанный, со смешками говор матросов, их нетревожная суэта и какое-то шарканье по левому, потом правому борту, но и оно постепенно затихло. За иллюминатором сгущались сумерки, крепчал

мороз, природа и поселковая жизнь погружались в состояние анабиоза.

Ледостав намертво сковал акваторию бухты. Вмёрзшее судно стояло не шелохнувшись, словно матрос на строевом смотре.

Спирт пили малыми порциями и запивали водой из такой же двухлитровой банки. Крякали, хрустели огурцами и говорили за жизнь. За неспешной беседой «визави» уже порядком нагрузились до стадии, когда говорят одновременно и каждый о своём.

Евсей Соломонович выглядел старше своих лет. Чуть навывкате глаза с тяжёлыми мешками, крупный нос и оттопыренная нижняя губа вкупе с лохматыми «трагическими» бровями придавали ему вид чем-то недовольного Мефистофеля. После института он попал на флот и служил срочную службу в каком-то штабе писарем, но случайно, по недоразумению, оказался переведён в «сверхсрочники», да так и проскитался по глухим дальневосточным бухтам и заводам.

Дослужившись до капитана третьего ранга, Соломоныч наконец достиг предельного возраста пребывания на военной службе. Документы на увольнение в запас ушли давно, но затерялись где-то в кабинетах кадровиков и много месяцев не могли пробиться сквозь бюрократические торосы. Это обстоятельство его сильно удручало.

Он каждую ночь видел во сне Одессу, благоухающие каштанами бульвары, шумный Привоз и тёплое море. О своих печалях Соломоныч и толковал мичману.

Витя, как водится, жаловался на тёщу, ноющие в непогоду суставы и геморроидальные колики. Кому, как не первому встречному, наш человек готов вывернуть душу наизнанку, поверить свои самые сокровенные тайны и печали?

Между тем ветер за бортом крепчал, завывал, убаюкивал. Освоив половину банки спирта и половину банки воды, задушевные не заметили, как уснули.

К полуночи слабый норд перерос в настоящий шторм, сдобренный густой пургой. Где-то в утробе бухты раздался гулкий удар. Вместе с сеткой трещин он мелкой барабанной дробью

разбежался по ледяному полю. Трещины расширялись, между ними появилась вода. Вся масса льда дрогнула, заколыхалась вверх-вниз, а затем тихо пошла на выход из бухты.

Под напором этой гигантской силы швартовочный канат натянулся как струна, раздался треск, и кнехт, вырванный из прогнивших досок, с глухим стуком ударился о борт и рухнул куда-то вниз.

Корпус давал парусность, и льдина с вмёрзшим суденышком, подтапливая и распикивая другие глыбы, споро пошла в открытое море «...к свободе и свету».

* * *

Патрульный корабль US COAST GUARD белого цвета с широкой косой красной полосой по борту шёл курсом норд-вест от острова Святого Лаврентия. Станция слежения у посёлка Гембелл обнаружила нарушителя, который пересёк морскую границу и приближался к острову, не отвечая на запросы. На фоне мрачного неба, моросистой погоды и серо-свинцового моря US COAST GUARD был подобен джентльмену в белом смокинге.

Вахтенный матрос у штурвала взглянул на экран локатора и доложил капитану:

– Справа двадцать по курсу судно в дрейфе, сэр! Дистанция полтора кабельтовых!

– Похоже, «советы» действительно решили погостить у нас! – сказал капитан.

– Судно класса «торпедный катер», сэр!

– Вправо двадцать, полный вперёд!

Огибая мыс с светящимся створовым знаком, судно US COAST GUARD изящно накрепилось и двинулось навстречу непрошеному гостю.

Нарушитель показался неожиданно. Выкрашенный серой шаровой краской, поднимаясь и опускаясь на высоких, с округлыми вершинами волнах, он терялся в снежно-водяной пыли между свинцовым небом и свинцовым морем. Что-то тяжёлое свешивалось на канате с борта и болталось в воде. Нарушителя чуть боком тащило по ветру, и всё говорило о том, что «кормщика» на месте нет и судно никем не

управляется. Никаких признаков жизни, «Летучий голландец», да и только! На месте, где должен быть регистрационный номер, свежей белой краской славянской вязью было написано название.

Командир судна береговой охраны приказал швартоваться левым бортом к русскому, провести досмотр и взять на буксир.

Швартовая команда в ярких спасательных жилетах быстро выстроилась по левому борту, пряча лица от стылого ветра в меховые воротники курток и держа наготове «кошки».

Капитан вышел на открытый мостик и закурил. У его ног тёрлась судовая любимица, лохматая псина Салли.

– От этих русских всегда жди сюрприза... Надо, пожалуй, вызвать Миткоффа. Этот недотёпа, кажется, учился в университете и, говорят, что-то понимает по-русски.

Миткофф прибыл почти мгновенно.

– Сэр!

– Айвэн, я слышал, вы у нас специалист по русским!

– Это слишком сильно сказано, сэр. Изучал в университете Россию во Второй мировой войне. Немного понимаю русский, мои предки из Калифорнии...

– Прочтите название этого корыта и передайте радисту.

– Гонсалес, радируйте русским пограничникам, что у нас их посудина, готовы вернуть, пусть укажут точку встречи.

Через несколько минут Гонсалес доложил на мостик, что связался с русскими и всё «окей».

* * *

В этот день на совещание морского отряда не прибыл мичман Колумбин и прикомандированный «кап три» Косой. Командир группы досмотровых судов решил, что офицер и мичман от усердия заработались и надо бы их провести, поддержать морально, а может быть, даже как-то поощрить. После совещания они с заместителем по политчасти двинулись к стоянке судов.

«ВМ-34» у пирса не было, в настиле зияла дыра, торчали прогнившие доски, в стороне валялся оборванный конец электропровода внешнего питания, скрутившийся в спираль.

Бухта стояла свободная ото льда. Недалеко, как обычно, резвились нерпы. Они ныряли, вновь появлялись на поверхности, фыркали и с удивлением наблюдали за двумя странными людьми с обвисшими, как у моржей, усами, уже минут десять молча стоявшими неподвижно на старом пирсе и только разводившими время от времени в стороны своими передними «ластами».

Поиски результатов не дали. Колумбин, Косой и судно «ВМ-34» пропали, как мышь на подтопе. «Ушли! Ушли, сукины дети...» – задумчиво произнёс седой как лунь замполит и обречённо махнул рукой. Тянуть с докладом старшему начальнику уже было нельзя...

* * *

Получив по международному каналу радиограмму, в штабе охраны морского района удивились. Но начальнику решили доложить всё как есть.

Капитан первого ранга, выслушав сообщение, поднял брови.

– Не понял! Что, говорите, обнаружили?..

– Жору, тов. капитан пер. ранга... Видимо, нашу...

– Опечатки быть не может? Наверное, японская шхуна, у них там тоже что-то вроде «Ж...пы Мару» встречается.

– «Джапан Мару», – тактично поправил офицер и после паузы продолжил: – С названием, товарищ командир, всё точно, запросили подтверждение, они так и передали: «ваша Жора». Ничего подобного в наших реестрах не значится, мы проверили.

* * *

Колумбин проснулся от холода с тяжёлой головой. Его мутило. На соседней шконке (койке) храпел Евсей Соломонович. Его китель был расстёгнут, и из провисшего ворота застиранной тельняшки пробивался пук чёрных с про-

сedyю кучерявых волос, среди них виднелись хлебные крошки и сигаретный пепел. Босые пятки торчали из-под чёрной шинели, периодически почёсывая одна другую.

В каюте висел тяжёлый запах застолья, уже прогорклой закуски и потных, давно не стиранных мужских портков. Посреди стола стояли две ровно ополовиненные двухлитровые банки и бутылка из-под газировки, забитая до отказа окурками.

Мичман закурил. Сигарета была последней. Он сделал несколько затяжек и воткнул сигарету фильтром в горлышко. «Вернусь – докурю», – решил Виктор.

В иллюминатор пробивался робкий дневной свет. Что-то во всей окружающей атмосфере его настораживало и вызывало смутное беспокойство. Зябко поёжившись и потеряв ладонями плечи, он подошёл к трапу. Ступни ног путались в кальсонных подвязках, соскальзывали со ступенек. Падая и снова поднимаясь, Виктор на четвереньках взобрался по трапу вверх и увидел с одной стороны бескрайнее море, нависшую почти до воды моросистую мглу. С другой стороны доносились неясные шумы. Он обернулся на звук и обомлел – белое судно с красной косой полосой и с синим хищным стервятником на белом полотнище стояло рядом, явно намереваясь брать их на бордаж. Чуть дальше сквозь рваные просветы виднелись береговой створ, цветные домики, разбросанные по откосу побережья, и над одним из них большой звёздно-полосатый флаг. В голове Колумбина все смешалось: «Во попали! Политическая провокация? Плен? Позор! Врёшь, нашего человека задарма не возьмёшь! “Пиндосы” ещё не знают, что такое советский моряк!»

Он закричал громко и пронзительно в открытую дверку рубки:

– Соломоныч, полундра-а-а-а!

Евсей Соломонович очнулся, сел на шконку и потрянул кудреватой головой. Вопль сотрапезника вернул его из небытия обратно в действительность. «Надо бы проветриться да посмотреть, что там блажит этот “хухрик”».

Он двинулся к трапу, мимоходом взяв бутылку с окурками, чтобы высыпать в мусорный

ящик на шкафуте. Соломоныч во всём любил порядок. Порядок на флоте превыше всего!

Поднявшись на палубу, он уставил тяжёлый исподлобья взгляд на US COAST GUARD и с трудом оценивал происходящее...

* * *

Капитан «американца», обращаясь к Миткоффу, кивнул на соседнее судно:

– Что это?

На палубе, покрытой инеем и лёгкой наледью, стояли двое босиком и в тельняшках. Из-под чёрных штанов щуплого и белобрысого раскинулись по палубе длинные тесёмки кальсонных подвязок. Другой был высокий грузный мужик с заметным животиком. Всклопоченные волосы на его огромной голове со сна стояли дыбом и колыхались от ветра. Кустистые брови и насупленный вид не предвещали ничего хорошего. В руках здоровяка была бутылка с чем-то дымящимся в горлышке. В струйках сизого дыма, в мелкой снежной пыли и измороси он походил на озадаченного Мефистофеля.

– Это называется «тельняшка», сэр, русские моряки надевают её, когда готовятся умереть в бою.

– Зачем?

– Сэр, русские моряки никогда не сдаются и предпочитают плену смерть, у них так принято... У того здорового в руках, я думаю, «коктейль Молотова»!

– Я вижу, Айвэн! Дьявол меня побери, и этому надо было случиться на нашем патрулировании! Объясните им, что мы готовы помочь!

В это время здоровяк поднял свободную руку с огромным кулаком, помахал в сторону мостика US COAST GUARD и низким рыкающим голосом выдал длинную тираду. Ветер относил слова в сторону, и до капитана долетали лишь какие-то обрывки: «...Вашу в душу мать!..» и ещё много такого, что даже нашему обычному человеку слушать наверняка не приходилось, а если и приходилось, понять без переводчика было никак невозможно.

– Миткофф, о чём он?

– Он беспокоится о вашей матери и её душе, сэр.

– Да-да, я слышал, что русские бывают сентиментальны...

В это время швартовая команда, зацепив кошки, пыталась подтащить «торпедный катер» к своему борту.

Неожиданно «ВМ-34» резко взмыл на гребне волны. Теряя равновесие, Соломоныч по инерции взмахнул назад рукой, и с резким падением судна вниз бутылка с дымящимся в горлышке окурком вырвалась из его руки и полетела на палубу US COAST GUARD.

Швартовая команда кинула концы кошек и бросилась плашмя на палубу. Залёг капитан, вахтенный матрос, Миткофф и судовая псина Салли. Бутылка ударилась в надстройку, отскочила на палубу и стала кататься от борта к борту. Затем, оставив дымящийся окуроч-запал на палубе, плюхнулась в воду.

Виктор схватил с пожарного шкафа огнетушитель и намертво прижал к себе. Соломоныч ухватисто взялся за багор. Опасность его бодрила. Высокие чувства, в которых было всё: любовь к Отчизне, к родной Одессе, презрение к врагам, страх перед неизвестностью, гордость за флот, флаг, а заодно и гюйс переполняли его, kloкотали внутри и искали выхода. Неожиданно для самого себя он заревел:

*Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает...*

Евсей Соломоныч не знал всех слов, но где-то в глубине подсознания нужные слова собирались сами собой, рифмовались и вылетали наружу. Виктор, встроившись в припев, с надрывом подхватил следующий куплет. В дуэте с пронзительным тенором мичмана песня зазвучала торжественно и зловеще.

Они стояли рядом плечом к плечу, расправив грудь, втянув животы и горделиво подняв головы, готовые к подвигу и бессмертию. Во рту у обоих пересохло, слюна спеклась, язык прилип к нёбу и не слушался, песня захлёбывалась.

– Витька, воды...

Пока Евсей Соломоныч пытался сбивать багром «кошки» и пугал досмотровую команду, Колумбин, бросив огнетушитель, мигом со-

скользнул вниз, схватил первую попавшуюся в руки банку и орлом взмыл по трапу обратно вверх.

Евсей Соломоныч залпом глотнул половину оставшейся жидкости. Дух перехватило, слова застряли в горле. Беспомощно поведя по воздуху свободной рукой, он схватился за горло и вопросительно посмотрел на Колумбина. Витя залпом допивал остатки...

– Миткофф, что это?

– Это торжественная песнь, сэр. Русские моряки поют её, когда готовятся к тяжёлому бою.

Капитан «американца» поднялся с палубы, одёрнул куртку. За ним поднялись швартовая команда, вахтенный рулевой, Миткофф и Салли.

– А что в банке?

– В банке может быть всё что угодно! Ведь русские не сдаются, сэр!

Неуправляемый US COAST GUARD, отходя по инерции кормой в сторону, дёрнул крепёжный фал последней несбитой кошки. Соломоныч скользнул босыми пятками по обледеневшей палубе, взмахнул руками и упал навзничь, ударившись затылком о мусорный ящик. Бутылка с формалином звякнула, и влажное пятно медленно поползло по тельняшке и растеклось дальше по палубе. Соломоныч потерял сознание.

Колумбин ещё какое-то время стоял, качаясь на ногах. Пустая банка выпала из его обвисших, как плети, рук и закатилась куда-то в угол. Свежий спирт наложился на остатки вчерашнего. Ноги его подкосились, Виктор плавно осел на палубу, прямо в лужу с формалином, а затем медленно, размазывая ногами вонючую жидкость по длине своего роста, вытянулся рядом с Соломонычем, уткнулся носом ему в плечо и затих, раскинув руки в стороны.

Досмотровая команда с US COAST GUARD наконец спрыгнула на борт «ВМ-34».

Старший группы нагнулся было над двумя телами, но в нос ему ударил тяжёлый, удушливый смрад. Он отшатнулся и зажал ноздри.

– Что там, Дженкинс? – крикнул капитан старшему команды, свешиваясь через леер.

– Запах смерти, сэр! Я знаю его. Так пахло в море, где работал мой кузен. О, Господи...

Дженкинс не договорил. Его стошнило. В рвотных судорогах он наклонился через борт и дальше только вращал кистью вытянутой руки, словно прося о помощи. «Покойников» торопливо перетаскивали на одеяло, сложили им руки на груди и накрыли вторым одеялом. По этому случаю на мачте приспустили флаг. Салли, прочувствовав трагичность момента, села на задние лапы, протяжно и тоскливо завывала.

В кабинет начальника морского пограничного района почти вбежал заместитель по политической части.

– Василий Митрофаныч, обнаружили два тела!

– Где?

– На этой, как его, Жоре...

– На какой «Ж...пе»?

– Американцы передали, что на той самой Жоре обнаружили два тела.

– А что с пропавшими «ВМ-34», мичманом и капитаном третьего ранга?

– Как в воду канули...

Глаза капитана первого ранга застекленели, зрачки стали размером с игольный носик и уставились в одну точку. Он было привстал, затем рухнул в кресло и снял телефонную трубку...

Через полчаса патрульный корабль «Г...й» появился в виду US COAST GUARD, который шёл ему навстречу и тащил на буксире серое невзрачное досмотровое судно «ВМ-34».

На его бортах свежей белой краской славянской вязью было выведено название – «Ж...па».

Под приспущенные флаги «покойников» перенесли на палубу «Г...ого». Американцы перебрали на его корму буксировочный трос и галантно отвалили. Белый щёголь с широкой красной косой полосой поперёк борта и синим стервятником на белом флаге не спеша, как бы вразвалочку, направился в сторону острова Святого Лаврентия. Команда US COAST GUARD со скорбными лицами выстроилась вдоль борта, капитан отдавал честь, провожая траурный караван.

«Г...й» с «Ж...пой» на буксире лёг на обратный курс.

Старший помощник подошёл к телам, откинул угол «трофейного» одеяла, наклонился и с подозрением стал принюхиваться. Его нос сквозь формалиновую вонь учуял еле уловимый и такой бодряще-притягательный аромат спирта. Он раздвинул веки у тела с щуплой конституцией. Зрачки мгновенно сузились...

Капитан «американца» обернулся и в последний раз навёл свой мощный бинокль на удаляющихся русских. В сумерках угасающего дня он видел, как носилки с телом здоровяка-«покойного» пытались внести внутрь корабля. Ему как будто бы даже слышались обрывки грозной песни идущих на бой русских моряков и, видимо, мерещилось, как рука «покойника» с огромным волосатым кулаком поднималась и опускалась ей в такт.

Тщедушное тело другого «трупа» почему-то держали за тельняшку на груди в вертикальном положении, мелко потряхивали, как дерево, и время от времени пристукивали о стенку надстройки, видимо, выбивая наружу остатки русской души, такой загадочной и непостижимой. «Странный народ, какие необычные морские традиции и порядки», – подумал капитан.

Он отдал команду «Полный вперёд!» и был доволен, что всё обошлось так быстро и без проблем. Корабль бодро шёл, слегка подрагивая на небольших волнах. Капитан поудобнее устроился в командирском кресле на мостике и предался мыслям о тихом, уютном домике в Кадьяке, предстоящей рыбалке и отпуске на Гавайях. У его ног тёрлась лохматая псина Салли.

* * *

В душном от скопления людей помещении клуба прозвучала команда: «Товарищи прапорщики и мичманы, прошу встать!...» Нестрожно, вразнобой заскрипели стулья и глухо застучали о спинки сиденья кресел. Председатель суда чести мичманов и прапорщиков гарнизона оглашал решение...

Суд чести постановил ходатайствовать о досрочном увольнении мичмана Колумбина с

военной службы, однако, учитывая отмеченные американской стороной в присланном соболевании стойкость и мужество советских моряков перед лицом стихии, ходатайствовал дело в трибунал не передавать.

Председатель суда, огласив приговор, поднял голову от текста и, глядя поверх очков и понурых голов присутствовавшей общественности в упор на мичмана Колумбина, чеканя каждое слово, сказал:

– Ну что, Колумб, а? Открыл Америку, твою ядрену кочерыжку?! Теперь будешь знать, в какой части света она лежит?

Через какое-то время брошенное ненароком чужое имя так и прилипло к Виктору. А уж потом местное общество на свой манер перенесло акцент на последний слог. Так и получила эта Колумба, а он и не обижался.

Колумба закончил повествование и замолчал. В повисшей тишине он снова глубоко вздохнул, поднял голову, и присутствующие впервые увидели его глаза василькового цвета, ясный, по-детски наивный, чуть виноватый и беспредельно честный взгляд.

Р. С. Документы на увольнение Евсея Соломоныча нашлись через сутки после известных событий, а через неделю он летел рейсом на Одессу, теперь уже навсегда.

Самолёт Ту-114, оторвавшись от взлётной полосы, лениво набирал высоту. Лес и река под крылом становились всё меньше и меньше. Появились облака, за которыми постепенно скрылась земля, а с ней и домишки городских окраин.

Этот случай с походом в Америку, как и вся история его военно-морской службы, начало которой положило сущее недоразумение – неправильно написанный рапорт, казались чем-то далёким и происходившим не с ним.

Евсей Соломонович отвернулся от иллюминатора и закрыл глаза. Впереди его ждала родная Одесса, гвалт Привоза и уютные одесские бульвары в тени цветущих каштанов и акаций. ■

Владимир СЕРЯКОВ,
ректор Института экономики
и культуры

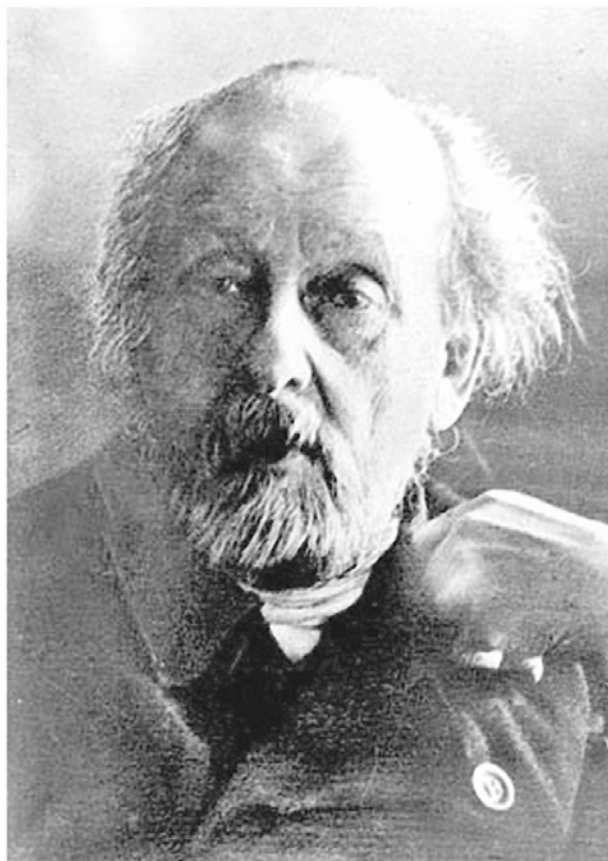

«ЛЕЙКА» НЕТУЖИЛИНА

Вторая жена моего деда по материнской линии, моя бабушка Валя, была из рода Нетужилиных. Калужская, а потом московская мещанка (читай – городская жительница), она в юности своей на сахаро-рафинадном заводе Мантулина была одной из первых пионерских вожатых у детей рабочих. С детства помню её фото в будёновке с подругами. Впоследствии она работала директором одной из московских сберкасс.

Бабушка Валя была сестрой замечательного человека Александра Гавриловича Нетужилина. Саша с детства увлекался фотосъёмкой. Дом его отца, иконописца Гаврилы Нетужилина, почётного гражданина города Калуги, стоял на Коровинской улице рядом с домом Константина Эдуардовича Циолковского. Саша бегал к «калужскому мечтателю» в дом, был знаком с его домашними. И в свои 14 лет он сделал на купленную отцом «лейку» фотографии последних лет жизни учёного. 12 фотографий.

В 1973 году в № 4 журнала «Квант» дед, будучи членом редколлегии, опубликовал эту подборку фото, которые теперь хранятся в Государственном музее истории космонавтики в Калуге. Он написал статью «К. Э. Циолковский в

К. Э. Циолковский в своей мастерской.
1930–1931 гг. Из собрания ГМИК

*К. Э. Циолковский в кругу своей семьи в саду дома
К. Э. Циолковского в Калуге. 1932 г. Из собрания ГМИК*

фотографиях», где, в частности, отмечал: «Мне посчастливилось знать Константина Эдуардовича Циолковского, скромного учителя физики и математики средней школы в Калуге. На протяжении 1928–1934 годов мне довелось неоднократно бывать у Константина Эдуардовича, фотографировать его и его семью... В 1926–1929 годах Циолковский создал теорию полёта многоступенчатой ракеты, которую изложил в работе "Космические ракетные поезда"».

А. Г. Нетужилин всю жизнь интересовался фотографией. В том же журнале «Квант» за 1973 год можно найти его статьи «Любители фотографируют спорт (анализ фотоснимков)», «Как был взвешен атом» с фотографиями с электронного микроскопа. В Большой советской энциклопедии (М.: Советская энциклопедия, 1981) опубликована его статья «Архитектурная фотосъёмка».

Но Александр Гаврилович прославился не только этим. Восемь лет поступал он, сын ико-

нописца, во ВГИК. Из года в год его не принимали, так как он был не из рабочих и крестьян. Но в конце концов это упорство было вознаграждено. Он не только поступил на операторский факультет, но и блестяще его окончил, а потом снимал с Владимиром Раппопортом «Молодую гвардию» и «Тихий Дон». Также преподавал на операторском факультете. В мемуарах оператора Владимира Кобрин «Мой первый друг...». Кинооператор Сергей Рахомяги» находим:

«Когда мы вернулись из армии, Левицкого уже не было. Композицию преподавал Нетужилин. Задали сделать фотоочерк. Мы долго не знали, какую тему взять, потом решили – "Люди и звери": о животных, которых можно встретить в Москве. У нас на двоих был один аппарат "Зенит", старый и раздолбанный. Надо сказать, оба мы были неважными фотографами. Идея – пожалуйста, а по технике – проявка, печать – это постольку-поскольку.

Поехали в ветеринарную лечебницу на улице Юннатов. Там привели здорового дога, у него иголка в языке. Я держал пса, пока его верёвками прикручивали к столу. Помню, жутко мучались с обезьяной. В румынском цирке шапито в парке Горького нас пустили за кулисы. Обезьяна была дрессированная: как только видела фотоаппарат, тут же задом поворачивалась. Нашей задачей было обмануть её. Но она абсолютно чётко просекала – чуть что, она тут же... Сюжетно работы получились ничего. А вот по фотографической части...»

Была в жизни деда и война – при выходе из окружения он был контужен. Потом – госпиталь и досрочная демобилизация. Возвращение во ВГИК. На операторском факультете он рассказал курсу, на котором учился Пётр Тодоровский, как он на войне, будучи фронтовым киномехаником, был влюблён в девушку-снайпера, боевую подругу его командира, а потом встретил её после войны в аптеке, где она работала провизором. Под впечатлением рассказа деда Тодоровский снял «Военно-полевой роман», где даже не изменил фамилии главного героя, сделав его киномехаником, а возлюбленную товарища комбата – грубой продавщицей пирожков. Режиссёр, прошедший с боями от Саратова до Эльбы, прекрасно понимал моего

деда и знал, что первая любовь может прийти к солдатику между разрывами снарядов и обедом у полевой кухни. Ни зелёный свет сигнальных ракет, ни сырость траншей Великой Отечественной не может стать помехой большому чувству. Когда деда уже не было в живых, Пётр Ефимович соединил свою фронтовую судьбу и любовь с судьбой и любовью моего деда. И я не могу осуждать его за это – большое и сильное чувство, пронесённое через войну, имеет поистине общечеловеческий характер.

...Ранее утро. Окно комнаты в коммуналке, выходящее в сад, открыто настежь. Дурманящий аромат распустившегося жасмина. Воробьи сидят на подоконнике и громко чирикают. Я, недавно привезённый из роддома на Лесной, открываю глаза. Дедушка разгоняет воробьёв: «Эй вы, окаянные, замолчите, дайте поспать моему внуку».

Отсюда, с дома 7 на Волковом переулке на Пресне, начинается моя жизнь.

Это тот же двор, где катала коляску с маленьким Денисом Евстигнеевым Галина Борисовна Волчек. Её отец, Борис Израилевич Волчек, работал на операторском факультете с моим дедом. Узнал об этом я лет через сорок, когда с ней познакомился.

Михаил БОЧАРОВ

Курс Тодоровского. В первом ряду (слева направо): руководители В. Рыбкин, Б. Волчек, А. Головня, А. Нетужилин (второй справа), А. Стаскевич. Во втором ряду: выпускники В. Юсов, П. Тодоровский, Л. Михайлов, Я. Склянский, В. Усанов, Л. Рогозин, Б. Плужников. В третьем ряду: И. Грицюс, А. Гусейнов, Р. Василевский, Ю. Шведов, Г. Лавров, В. Боганов, Л. Пааташвили

Людмила СИЗОВА

Вечный гимн любви

Где властвует безжалостный Морфей,
Светильник погасив в умах,
В кривых мир отразил он зеркалах,
В плен уводя иллюзией своей.
Из сна, из мрака, из страны теней,
Иллюзии небытия,
Восстав и распростившись с ней,
К реальности вновь возвратилась я.
На ощупь, наугад бреду во тьме,
Тлен жизни отсылаю в дань,
К тебе я простираю длань.
Живёшь ты в сердце, пусто пусть в суме.
Упав, ползу я из последних сил,
Молю тебя у жизни на краю,
Лишь только б ты меня не позабыл.
Любовь, тебе я вечный гимн пою.

Зимние морозные узоры

Зимние морозные узоры
На окне, и ветер рвётся в дом,
Но твои пленительные взоры
Согревают душу мне теплом.
Пусть метель сугроб метёт, бушуя,
Вновь твои глаза огнём горят.
Губы, жаждущие поцелуя,
Обещаньем сладостным манят.
Как бы ни была свирепа вьюга,
Угрожая счастья нас лишить,
Но с тобою верная подруга
Будет радость и печаль делить.

Не забуду тебя

Ещё звенит гитарная струна,
Зовёт к мечте с привала за собою,
В Донбассе не окончилась война,
Звучит команда вновь: «Зенитки к бою!»
Увижу ль я тебя когда-нибудь?
В душе любовь к тебе неугасима.

Тебе желаю, милый: «В добрый путь!
Чтоб пули вражьи просвистели мимо.
Но только ты живым на свете будь!
В дыму пожарищ встреча равна чуду.
Ты никогда меня не позабудь,
А я тебя, конечно, не забуду».

Путь любви

Настанут дни, наступят ночи.
Что лики древних нам пророчат?
Когда тебя увижу вновь,
Моя последняя любовь?
Не исцелят разлуки раны
Чужие города и страны.
Как неприступная стена,
Так разделила нас война.
В моей душе любовь осталась,
Пускай она и разбивалась
О непреодолимый быт,
Не будешь мною ты забыт.
Ужели суждено теперь
Закрыть навеки сердца дверь?
Слова тебя возвысят вновь,
Огонь на алтаре – любовь.

Удел любви

Ты не пришёл, я так ждала,
Часы считала и минуты.
Своё я тело облекла
В парчу и бархат, в изумруды.
В моём ты сердце свет зажёл.
Теперь поникла головою.
Как ты меня оставить смог?
Увижусь ли я вновь с тобою?
На мне неравенства печать.
Склонюсь в печали к изголовью.
Пусть мой удел – прощать и ждать,
Он называется любовью.

Дина БАБАЙЦЕВА

О Родине

Я так люблю тебя, моя Россия!
За красоту и ширь твоих полей,
За небеса в прозрачной нежной сини,
За крики в поднебесье журавлей.

Где б ни была, я по тебе скучаю
И жду всегда свидания с тобой.
Мой край родной, тебя я обожаю,
И в сердце ты всегда-всегда со мной.

Ласкают взгляд берёзовые рощи
И белый цвет ромашек на лугу.
И не беда, что вольный ветер ропщет.
Я разве жить без этого смогу?

Заветных мест нет ничего дороже,
Где в памяти история своя.
И надо нам беречь всё то, что сможем,
Всё это родина, его, моя, твоя.

Мой отчий уголок, ты добр ко мне и светел,
Я не устану это повторять.
Пусть говорят, что лучше есть на свете,
Но для меня, Россия, ты как мать!

О Матери

На пьедестале Мать стоит
И к сердцу прижимает руки.
Застыла боль в её глазах
По тем, с кем навсегда в разлуке.

Их поглотила всех война,
Сожгла огнём сердца родные.
Их помнит до сих пор страна,
А для неё они живые.

О, сколько их, её детей,
По пыльным топала дорогам,
Ждала с надеждой Мать письма,
Лишь в сердце прятала тревогу.

Откуда взять ей было сил,
Когда держала похоронку?
Не плакала, молилась Мать
И шла с войной по грани тонкой.

Молилась Мать по вечерам,
До боли стоя на коленях,
Но погибали сыновья
В разорванных войной шинелях.

На пьедестале Мать стоит,
И губы каменные сжаты.
К ней не вернуться сыновья,
Ведь для неё они солдаты.

Такая доля матерей –
Всё время ждать, всё время верить.
И эту веру никогда
Ничем на свете не измерить.

Спасибо за Победу, ветеран!

Спасибо за Победу, ВЕТЕРАН!
За счастье и за небо голубое,
За то, что погибали вы от ран,
Спасая мир и жертвуя собою.
Поклон примите низкий до земли,
Признательность от всех людей на свете.
За то, что от фашистов мир спасли
И подарили жизнь на всей планете.
Живи и здравствуй, русский ВЕТЕРАН!
Гордимся вашей доблестью и славой.
И пусть запомнят люди разных стран:
Им не сломить Российскую державу.

Мария БЫКОВА

Нам не нужна война

Я хочу, чтоб на нашей планете
Никогда не гремела война,
Чтоб не плакали сироты-дети,
Чтоб от ран не стонала земля.

Чтоб в огне города не горели,
Чтоб людей не могли убивать,
Не нужна нам война на планете,
Ведь Земля для всех родина-мать!

Вся в цветах пусть она утопает,
И пусть люди все мирно живут.
Одно солнце нас всех согревает,
Освещая наш жизненный путь.

Не нужна нам война на планете!
Мирно жить мы на свете хотим.
Кто придёт к нам непрощеным гостем,
Нашу Родину мы защитим!

Алевтина ВАСИЛЕНКО

Пали росы на травы

Пали росы на травы
В предрассветной тиши.
В полудрёме дубравы,
В полусне камыши.

Гладь воды неподвижна,
Ни души, ни огня.
Предрассвет мирной жизни
В ожидании дня.

Но незвано, непрощено
Гул моторов чужих
Тишь прорезал встревоженно,
Всё вокруг изменив.

Над жилищами спящими
Городов, деревень
Выли бомбы летящие.
Окровавленный день,

Как исчадие ада,
Как в безумье провал,
Смертоносным зарядом
Над страной вставал.

Стал он страшным началом
Испытаний и зла.
Всех смертей и страданий,
Что война принесла.

Сколько будет сражений
На дорогах военных,
И побед, поражений,
И убитых, и пленных...

Сколько вдов неутешных,
Инвалидов, сирот...
И понёс бремя тяжкое
Весь российский народ.

Валентина ХРИПЯКОВА

Я в России живу

Я в России живу, я Россией горжусь.
Я молюсь за тебя, моя милая Русь!
За победы твои, за героев твоих,
Кто себя не щадил ради жизни других.

Ты народом сильна и трудами его.
Нам чужого не надо – хватит нам своего.
Отвечает мне Русь: «Я вас тоже люблю.
Всё, что есть у меня, щедро вам отдам.

Величавые реки и поляны цветов,
Деревенские дали, гул больших городов.
И закаты, рассветы, летом – всполохи гроз,
Соловьиные трели, тихий шёпот берёз.

И леса, и равнины, где луга и поля,
Полновесные нивы... Как прекрасна земля!
Я даю вам с избытком все богатства свои.
Знайте, что не бездонны те запасы мои.

Все красоты земные и что в недрах земных
Сохранить постарайтесь для потомков своих.
Берегите, прошу вас, ведь всё даром даю.
Неразумные дети, всё равно вас люблю».

Елена АВЕРОЧКИНА

Русские песни

Мне русские песни с рождения пели.
Я русские песни люблю с колыбели
О русской земле, где поёт соловей,
Для русского сердца нет песен милей.

Мне русская мать мою жизнь подарила
И с песней меня своей грудью вскормила.
Мне русский отец мою Родину дал,
Её никогда не предаю, не продаю.

Я русским рождённый, в Россию
влюблённый,
Любовь к русской песне несу сквозь года.
Пою для тебя я, родная Россия,
Так было, так есть и так будет всегда.

Вера

Купола, купола православных церквей,
Вы для грешной души – маяки.
Купола, купола православных церквей,
Вы для русского сердца близки.

Помолюсь я за ближних, друзей и врагов,
Мне так легче по жизни идти.
Купола, купола православных церквей,
С вами мы не собьёмся с пути.

Старики и сироты – за них я молюсь,
Должникам – все прощаю долги.
К Богу много дорог, я иду по своей
И люблю – Отче наш, помоги!

Тамбовский мужик

Тамбовский мужик – семижильная сила,
Рождён и живёт на Руси,
Он пахарь до пота – кормилец народа,
Храни его Бог и спаси.

Тамбовский мужик – семижильная сила,
За Веру посажен в тюрьму.
Он грешен и праведен в разное время,
Его не сломить никому.

Тамбовский мужик – семижильная сила,
Крестьянские корни его.
Он малую родину любит всем сердцем,
Святая она для него.

Тамбовский мужик – семижильная сила,
Готов воевать и пахать.
Живёт он с Россией одною судьбою,
Он – сын ей, она ему – мать.

Нет сильней любви твоей

Знаю – любишь ты меня,
Сердцем чувствую тебя.
Любишь больше, чем себя,
Это знаю без тебя.
Это слышу по словам,
Это вижу по глазам.
Слёзы видела твои,
Знаю – это от любви.
Вижу – сердцем ты дрожишь,
Нежно мною дорожишь.
Меня любишь или нет?
За много лет – один ответ.
Слышу: «Я люблю тебя!»
Знаю: я любовь твою!
Для тебя я всех милей!
Нет сильней любви твоей!
Её Величество Любовь
Мне самой волнует кровь!
Я любовь твою храню,
Знаю, что тебя люблю!

По ночам надо спать! Так каждую ночь Дом уговаривал себя – и не спал. Не скрип рассохшихся половиц, не беготня мышей не давали ему спать. Мысли. Зимние ночи длинные, что только не вспомнишь...

Самыми яркими были картинки молодости. В своей деревне он был лучшим Домом. Человек, который его построил, был крепким хозяином. Вспоминалось, как закладывался его фундамент, как росли стены. К концу осени поставили крышу. Он всегда улыбался, вспоминая день переезда семьи. Больше всех радовались дети. Они бегали из комнаты в комнату, топтали ногами, хлопали дверью, но его это не раздражало, только веселило. Хозяева жили большой дружной семьёй: дед с бабкой, сын со снохой и шестеро детей. Хозяйство было справное – корова, лошадь и десятина земли. Жизнь катилась размеренно – родители старели, дети подрастали.

Перемены на семью обрушились неожиданно. Слухи из соседнего городка, доходившие

до деревни, тревожили хозяев. Дом не сразу понял, что случилось. Затихли дети, дед с бабкой замолчали в своём углу за печкой, родители тревожно шептались по ночам. Всё чаще стало звучать слово «смута». Сначала с обеденного стола исчезло мясо, потом масло и молоко. Голода не было, вся семья работала. Дети подросли, стали помогать родителям в поле.

Всё рухнуло в одну из ночей. Дом проснулся от детского крика, громких голосов мужчин, плача женщин. Вспоминая эту ночь, которая стала поворотной в его судьбе и судьбе семьи, он так волновался, что начинал скрипеть рассохшимися половицами и потрескивать осыпающейся штукатуркой. Когда крики и беготня затихли, увидел, как со двора тронулась телега, гружённая узлами, на которых сидели двое маленьких детей, старшие шли следом. Отъезжая, они оглядывались, молча прощаясь с ним. Посмотрев вокруг: разбросанные вещи, детские игрушки, нехитрый скарб семьи, нажитый тяжёлым

трудом за долгие годы, – он понял выражение «дом-сирота».

Утром пришли новые хозяева. Они нагло, бесцеремонно ходили из комнаты в комнату, топтали грязными сапогами, рылись в чужих вещах. Он услышал, как кто-то сказал: «Слава Богу! Не взяли грех на душу».

Над его входом прибили дощечку «Клуб», и началась шумная, весёлая жизнь: музыка, танцы, кино, смех до утра.

Прошло ещё какое-то время, и снова всё изменилось. Людям стало не до веселья и танцев. Он вспомнил, как ранним утром от дома отъезжали телеги, на которых сидели мужики со строгими лицами, а бабы голосили по ним, как по покойникам. На долгие четыре года Дом стал никому не нужен. Дверь его заколотили, бабам было не до кино. Выжить бы...

Постепенно жизнь налаживалась. Вернулись мужики, подросли дети, и он опять понадобился, но теперь он стал тесен. Когда на соседней улице построили новый, просторный клуб, Дом опечалился. Вот она – пенсия! Никому не нужен.

Грустил он недолго. Как всегда, утром пришли люди, сняли табличку «Клуб» и прибили новую – «Медпункт». И началась у него совсем другая жизнь – полная боли, страхов, стонов. Он помнил, как долго привыкал к неприятным запахам. Но он был рад и такой жизни. Главное, не один, с людьми.

С некоторых пор кроме бессонницы мучил страх. Теперь он с тревогой ждал наступления утра. Все крутые перемены в жизни происходили утром. Он боялся: проснёшься, а там люди с топорами, пришли раскатать по брёвнышку. Жить в вечном страхе нельзя – проводка может не выдержать. Замкнуло его под утро, когда страхи были особенно сильными. Пожар начался с крыши, и когда люди подоспели, было поздно. Он горел.

В такие минуты самые яркие воспоминания жизни проносятся мгновенно. Он вспомнил семью, чья радость трёх поколений жила вместе с ним все эти годы.

Восьмой грех

– Завтра помру, обмывать меня не надо, я уж и чистое одела, – сказала Евдокия Петровна.

Галка, накрывавшая стол к чаю, аж присела на стул от неожиданности. Она пришла проведать тётку, принесла продукты, конфеты, собиралась провести приятный вечер. Навещая Евдокию Петровну каждую неделю, иногда и два раза забегая, Галина видела, как одиноко и трудно та жила, старалась поддержать. Самой Галине тоже несладко жилось. Осталась после развода с двумя детьми, работать пришлось на двух работах, иначе на зарплату медсестры не прожить. Своих родителей она не помнила, маленькая была, когда они умерли, тётка осталась единственным родным человеком, и всегда хотелось порадовать её. Обычно радости были нехитрыми – колбаса, сыр, хлеб и обязательно любимые конфеты «Ласточка». Конфетам баба Дуся особенно радовалась. Прячала в чемодан, что лежал под кроватью, в котором хранила всё самое ценное, а потом, когда Галка уже с детьми приходила к ней в гости, угощала, радуясь, что может побаловать их.

И вот теперь чай пили молча, не возвращались к теме завтрашней тёткиной смерти, но на душе у Галины было беспокойно.

– Так ты попомни, обмывать меня не надо, чистая я, – перед уходом напонила тётка.

Весь следующий день, чем бы ни занималась Галина, она вспоминала слова Евдокии Петровны – они тревожили. Ну как можно знать, помрёшь ты или нет?! Тётка была ещё сильная, сама справлялась по дому, весной посадила огород. Ни одного пустого клочка земли не оставила, урожай ждала хороший. Огород был подспорьем к её пенсии. Она с конца лета и всю осень продавала овощи и фрукты у поездов на станции. Правда, последнее время ей всё трудней стало носить ведра, но она ухитрялась

за день несколько раз сбежать с авоськой яблок или груш к поезду. Какая-никакая, а копейка собиралась за лето. И с чего это ей помирать? Давление последнее время скакало, но Галка перед уходом проверила, таблетки ещё есть.

Галина делала уколы, ставила капельницы, а сама всё больше и больше волновалась. К вечеру нервы совсем разошлись, так она себя накрутила. И решила пойти проведать тётку. На звонки и стук в дверь никто не отклик-

Наталия БАРАНОВА

Родилась в Тамбове. Окончила среднюю школу № 17, Моршанский библиотечный техникум, Московский государственный институт культуры. Работала заведующей детской библиотекой № 9 им. И. А. Крылова. Писать рассказы и фотографировать начала одновременно – два года назад. Рассказы печатались в сборнике литературного объединения «Радуга», в литературно-художественном альманахе «Зоряна криниця. Творчество без границ» журнала «Пять стихий» (Украина). Выставки фотографий проходили в Волгодонске, Москве, Самаре, Израиле.

нулся, но у неё был ключ – тётка когда-то дала на всякий случай. Вот и пришёл... этот «всякий случай». Открыла дверь, позвала тётку – та не откликнулась. В спальне... Она лежала в спальне на кровати в своём любимом платье, мирно сложив руки на груди. Галка растерянно смотрела на неё: она первый раз видела смерть родного человека так близко. За спиной хлопнула дверь – это была соседка, которая вошла, увидев, что входная дверь неплотно закрыта. Видя растерянность Галины, поняла, что та не знает, с чего начать, распорядилась:

– Первым делом надо обмыть покойницу, одеть в чистое. Ты посмотри, где-то должен лежать узелок, бабушки – они ведь заранее готовятся. У моего деда вон на чердаке и гроб годы стоял.

Галя потянула из-под кровати чемодан с богатством тётки, щёлкнули замки, и она увидела всё, что было нажито за долгую жизнь. Галке стало страшно. Такое богатство уже никому не нужно, осталось сволоочь его на помойку. И тут она вспомнила вчерашний настойчивый наказ тётки – не обмывать её.

– Нет. Ничего не надо, – захлопнув чемодан, сказала Галина. – Евдокия Петровна вчера предупредила, что сегодня помрёт и обмывать не надо, она всё уже сделала и чистое надела.

– Сама предупредила? – соседка смотрела на Галину, как на сумасшедшую. – Отродясь такого не слышала, чтобы за день приготовиться к смерти. Ну да ладно. Но обмыть всё равно придётся... это не оттого, что она грязная, – обычай такой, и не нам его нарушать.

Они стали раздевать Евдокию Петровну. И вдруг на теле у неё под одеждой оказался пояс с кармашками. Деньги. Это были деньги, которые она всю жизнь откладывала на чёрный день.

– А говорят, в гробу карманов нет, – растерянно сказала соседка.

Галка плакала, жалея не себя, а тётку, которая прожила жизнь кое-как и померла, наверное, в муках, боясь расстаться с богатством, которое копила всю жизнь в ожидании «чёрного дня», не заметив, как все светлые дни пролетели мимо.

Наталия БАРАНОВА

НАСЛЕДНИКИ ВЕТЕРАНОВ

В преддверии Дня Победы в Великой Отечественной войне юнармейцы Сергей Токарев из отряда «Соколы» Центра патриотического воспитания им. Генерала армии Н. Е. Рогожкина, Александра Клубника и Анастасия Газарян из отряда «Юные авиаторы» лётного училища г. Мичуринска в сопровождении заведующей отделом военно-патриотического воспитания Жанны Евгеньевны Приходченко посетили ветерана Великой Отечественной войны Марию Васильевну Пенину (медицинская сестра в военные годы). Юнармейцы побеседовали с Марией Васильевной, которая в свои 97 лет помнит всё, что происходило с ней, совсем юной девушкой, в то суровое время.

После окончания медицинского училища г. Мичуринска Марии Васильевне и всем остальным студентам предложили добровольное распределение в медицинский санитарный батальон. Не нашлось ни одного человека, который бы отказался в то время от службы в

рядах Красной армии. Ведь все понимали, что Родина в опасности и помочь раненым солдатам-защитникам – это долг любого гражданина. Марии Васильевне выпала доля не только оказывать первую медицинскую помощь, но и ассистировать хирургу при ампутации конечности. Ещё нашей героине приходилось выступать в роли психолога, так как нуждались не только в медицинской, но и психологической помощи. В основном возраст раненых солдат не достигал и 20 лет, и тёплые слова, слова поддержки были для них ещё одним лекарством.

Мария Васильевна считает себя счастливым человеком, потому что ей довелось дожить до 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. Не обошлось и без напутственных слов для ребят: самое главное – быть честными, справедливыми, иметь цель в жизни, стремиться быть полезными обществу, уважать старших и вообще быть хорошим примером для других.

«АЛЕКСАНДРЪ»
atextlib.ru